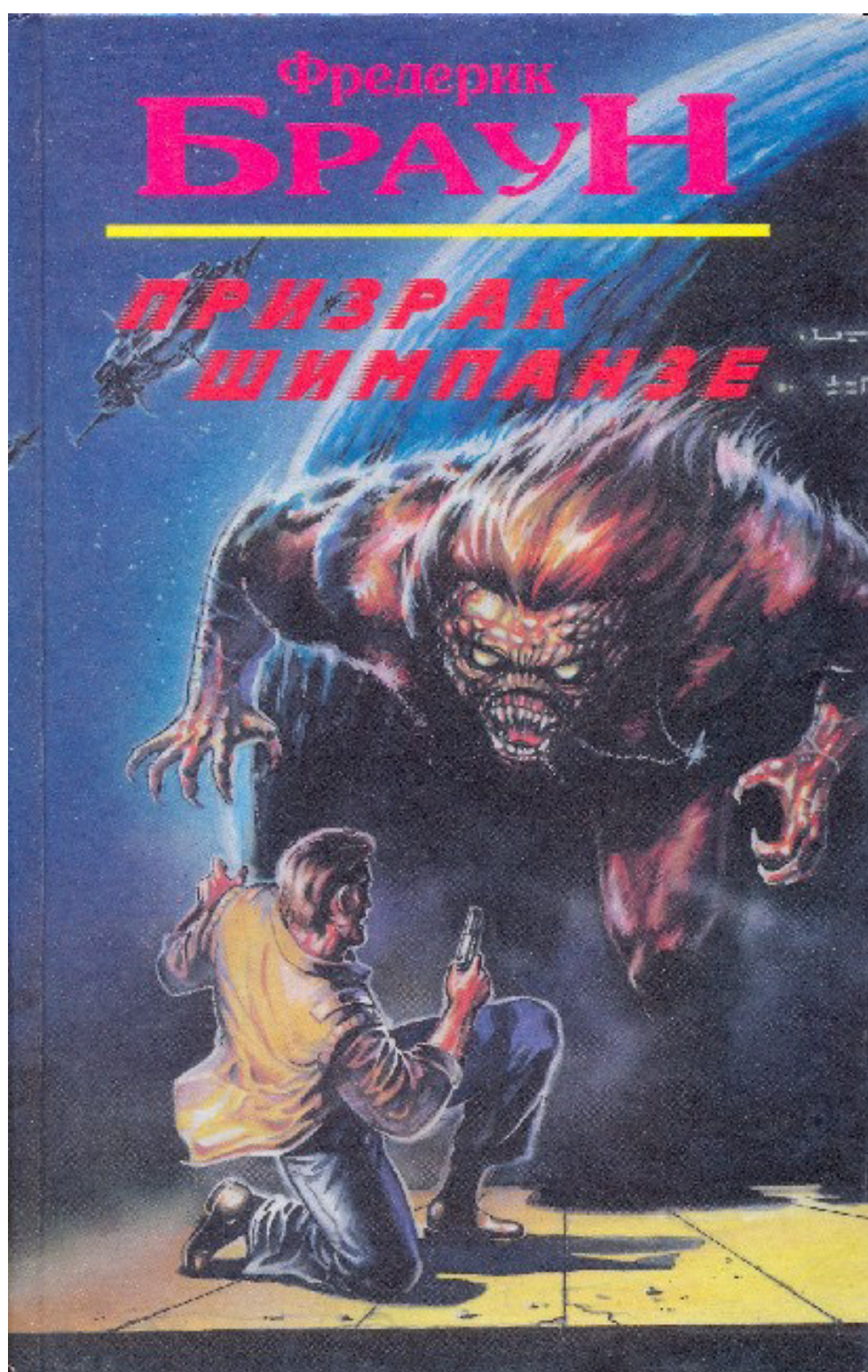

Фредерик Браун
Призрак шимпанзе
М.: Канон, 1995

Фредерик
БРАУН

***ПРИЗРАК
ШИМПАНЗЕ***

МОСКВА
КАМН
1995

Содержание:

- Ю. Семенов. Человек-оркестр (статья), стр. 5-10
- Фредерик Браун. Что за безумная вселенная! (роман, перевод Ю. Семёнычева), стр. 11-216
- Фредерик Браун. Призрак шимпанзе (роман, перевод Л. Филипповой), стр. 217-406
- Фредерик Браун. Рассказы, стр. 407-
 - Фредерик Браун. Ответ (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 409-410
 - Фредерик Браун. Кошмар в красном (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 411-412
 - Фредерик Браун. Письмо с того света (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 413-414
 - Фредерик Браун. Роковая ошибка (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 415-416
 - Фредерик Браун. Волшебная веревочка (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 417-418
 - Фредерик Браун. Экспедиция (рассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 419-421
 - Фредерик Браун. Культ воду (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 422-423
 - Фредерик Браун. Само собой разумеется (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 424-425
 - Фредерик Браун. Крови! (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 426-427
 - Фредерик Браун. Как медведь в клетке... (рассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 428-430
 - Фредерик Браун. Рыбацкая история (рассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 431-433
 - Фредерик Браун. Ужасная! (рассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 434-437
 - Фредерик Браун. Миллениум (рассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 438-439
 - Фредерик Браун. Йсути (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 440-441
 - Фредерик Браун. Часовой (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 442-443
 - Фредерик Браун. Еще не конец (микрорассказ, перевод Ю. Семёнычева), стр. 444-446

Человек-оркестр

Два писателя... сумели блестяще соединить сайенс-фикшн¹ с темами детектива – Фредерик Браун и Айзек Азимов, чье творчество привлекло столь пристальное внимание по обе стороны океана.

А.Е. Марч

Талант, как заметил один из писателей, – качество весьма неуловимое, летучее и изменчивое. Его нельзя проверить алгеброй, разве что трудом – окончательным результатом творчества. В применении к Фредерику Брауну вывод может быть только однозначным: талант состоялся, причем на редкость щедрый, острый и привлекательный. И, право, не грешно позавидовать писателю, о котором критики говорят, что он в равной степени способен взять на абордаж «любой вид жанра – будь то детектив, фантастика, рассказ ужасов или полная юмора новелла, – и все это с одинаковой виртуозностью» (Ж. Стернберг).

Неудивителен поэтому разброс во мнениях критиков, на какую литературную полочку поставить этого автора, к какой «школе» или «команде» его причислить? Читаем: «Создал много полицейских романов, проявив в этой области отменный вкус и мастерское владение материалом», перенеся эти качества затем и на SF; «известный американский писатель-фантаст, работавший также в жанре детектива»; имя Ф. Брауна (наряду с А. Азимовым, Р. Брэдли, К. Саймаком и др.) включают в список наиболее «почитаемых фантастов мира»; «юморист № 1 в SF и один из самых парадоксальных писателей» (А. Доремье), «по праву считается одним из лидеров сатирической и юмористической фантастики». И даже еще более удивительная констатация: с легкостью «квалифицировав» целую плеяду отменных фантастов, составитель одной из западных антологий, дойдя до Ф. Брауна, деловито оставляет его в числе «нерасфасованных», ограничиваясь фразой: «Ну, в данном случае – все ясно!»

Если так, то с одним, но существенным, дополнением: он совершенно неповторим художественной манерой письма. Отлично владея формой романа, Ф. Браун тем не менее по праву обрел славу в SF и в так называемых «short story», то есть в ультракоротком рассказе на две – три странички журнала – с «убойной» концовкой в смысле ее неожиданности. «В этой области он утвердился как неоспоримый мэтр, наделенный определенной гениальностью – в поразительном взвинчивании действия, резкой концовке, колком диалоге и вырисовке деталей, о которых никто и не догадывался. Время, параллельные миры, монстры, роботы, машины – никакой штамп SF его не пугает: он напорист, никогда не теряет ни чувства юмора, ни ясности ума, ему всегда блестяще удается выпутаться из всех ситуаций, да еще начинить текст какими-то только ему одному свойственными находками» (Ж. Стернберг). Его стиль – это чудесный сплав парадокса, сатиры и взрывного финала.

Разумеется, к таким выдающимся по содержанию и форме результатам в творчестве Ф. Браун пришел далеко не сразу. Он много лет проработал репортером в «Милуоки джорнал» и только в сорок один год (по всем психологическим стандартам – верх жизненной зрелости!) решил заняться литературным трудом профессионально. Он успел оставить после себя более тридцати книг (последняя – «Утраченный парадокс» – вышла в свет через год после его кончины, последовавшей в 1972 году). Ф. Браун – лауреат премии имени Э. По.

Не будем «сыпать соль на раны» спецам в области мировой фантастики, но о его нынешнем месте говорит хотя бы только один, совсем небольшой штрих. Ведущее парижское издательство, специализировавшееся на SF-тематике, анонсировало в своем каталоге на 1993 год сразу *пять* книг Ф. Брауна. Более того, оно же составило «идеальную библиотеку» по мировой SF для взрослых из тридцати названий, причем в первую десятку вошел публикуемый в антологии роман «Марсиане, убирайтесь восвояси!». Остальная «великолепная четверка» вошла в библиотеку, рекомендованную издательством для юношества (в сборнике эти произведения представлены одним романом и отдельными новеллами из двух других сборников).

¹ Сайенс-фикшн, или SF – научная фантастика.

Каково же кредо Ф. Брауна в жанре, одним из блестящих представителей которого он, неоспоримо, является? Пусть простят нас читатели за некоторые длинноты, но, видимо, лучше всего будет предоставить слово в этом вопросе самому автору выдержками из одной из его миниатюр.

Ф. Браун искренне полагает, что навдумывать можно все, что угодно: богов, ангелов, демонов, колдунов, единорогов, звездолеты и тому подобное. И все же. «Есть ли что-нибудь такое, что сфантазировать трудно?» – вопрошает он. И отвечает: «Подумайте о крохотном сгустке материи, частью которого являетесь и вы, сознающий свое бытие, размышляющий, а следовательно, понимающий, что он – реальность, способная изрядно... вздрючить (этот комок материи), усыпить его, одарить любовью и покорить. Теперь представьте себе Вселенную какую хотите: конечную или беспредельную, состоящую из миллиарда миллиардов миллиардов солнц. Теперь вообразите себе некий не очень чистенький шарик, который как угорелый носится вокруг одного из этих солнц. И наконец, дорисуйте самого себя, возвышающегося на этом комочке грязи, стремительно мчащимся вместе с ним куда-то в Пространство и Время ради неведомой цели. Вообразим-ка это!!»

А вот ответы Ф. Брауна на вопрос «Что же такое SF?», приводимые в одной из западных антологий. «Это, – отвечает он, – граница между разумом и человеческим воображением. Любое времяпрепровождение еще неоформившихся подростков. Форма будущего. Судьба кометы, сорвавшейся с орбиты и плутающей среди звезд. Зачастую ассоциируется с эксцентричными обложками, на которых полуобнаженных девиц умыкают монстры. Предсказания фантазии, основанные на логических открытиях. Сам Жюль Верн, описывающий в вызывающем сегодня улыбку «20000 лье под водой» устройство, настолько непрактичное, что его нельзя даже сравнить с самым примитивным космическим кораблем. Но SF – это и история об одном фантасте, которого донимало ФБР за год до взрыва атомной бомбы в Хиросиме, поскольку он так описал ее в одном из своих рассказов, что, казалось, *должен был знать* (хотя на самом деле и понятия не имел) некоторые очень даже секретные по тем временам документы. SF – это форма изложения мыслей, способствующая всяким разглагольствованиям. Это значит: повернуться лицом к звездам, разведать, что это за мир, – вот он, у тебя в руках, – а затем упустить его. SF – это и есть все вышеназванное, но может им и не быть, обратившись в нечто совсем простенькое. Это – кошмар и мечта одновременно. А разве не для этого и не в этом мы и живем? Так что же: кошмар или мечта?»

Учитывая многополярность, многозвучность и многояркость автора, мы включили в антологию произведения Ф. Брауна как SF, так и криминального характера. Более того, исходя из того, что в прошлом этот писатель был знаком нашей аудитории практически только как рассказчик («Звездная карусель», изданная в 1974 году, да еще публикацией ряда новелл, разбросанных по сборникам, – хотя почти неизменно с включением его знаменитой «Арены» – и в периодической печати), главное внимание сочли необходимым уделить его романам, хотя ради иллюстрации дали и несколько рассказов. Диапазон и оригинальность затронутых в них тем, мастерство концовки – в этом весь Ф. Браун!

Подлинным шедевром жанра SF практически единодушно признается роман Ф. Брауна «Марсиане, убирайтесь восвояси!» (он-то и вошел в определенную французами десятку лучших SF-произведений, кстати, в категории «социальной сатиры», и в двадцатку – по классу «шедевров юмора»). «Уморительно-смешная карикатурная версия «Войны миров!» – восклицает А. Доремье. И в самом деле, наконец-то на Земле объявились столько раз описанные в научной фантастике зеленые коротышки-недомерки марсиане, но они выступили в настолько необычном качестве, что все земные устои, как карточные домики, разом порушились (хотя пришельцы ни в коей мере не были ни захватчиками-терминаторами, ни душегубами). И в финале, пожалуй, впервые в своей истории земляне исторгают единодушный – от рабочего до президента США, от Генсека Организации Объединенных Наций до африканского колдуна из племени людоедов – вопль: «Да уберитесь же вы, наконец, обратно к себе!»

Прекрасен роман Ф. Брауна «Что за безумная Вселенная!», расцененный критиками как блестящее «исчерпывание темы и в то же время пародия на космическую оперу, неистовая сатира на приемы и методы, используемые SF» и одновременно «одна из лучших трактовок классической темы параллельных миров».

В более классической манере написан третий роман сборника, «Галактический скиталец», «о единственном Существо, обладающем способностью создавать и уничтожать миры». Это другая грань творчества «едкого насмешника», избравшего фантастику приемом выражения этой грани

своего таланта.

Из других произведений Ф. Брауна, не вошедших в двухтомник, можно назвать: «Ангелы и звездолеты», «Космос в моих руках», «SF-карнавал», «Потерянный парадокс», «Огоньки в небе – это звезды», сборники новелл – «Медовый месяц в аду», «Звезда поведала», «Привидения и домовые» и другие. В 1993 году у нас вышел первый роман Ф. Брауна «Мозговик», рассказывающий о попытке нашествия сверхмощного внеземного интеллекта на Землю.

В предлагаемой читателю антологии Ф. Браун представлен и как писатель криминального жанра. В частности, в «Призраке шимпанзе» действует его знаменитый тандем двух прославленных аж в семи его романах детективов – Эда и Эма Хантеров. Придумав оригинальный способ вымогательства, преступник попадает в собственную ловушку и, замечая следы, вынужден совершить ряд убийств. Полиция (но не Хантеры) бессильна разгадать загадку «Призрака шимпанзе».

В романе-детективе «Кто убил бабушку?» автор подвергает своего молодого героя, которому он лично глубоко симпатизирует, буквально шоковому испытанию – потере памяти о прошлом в момент, когда тот подвергается ужасному стрессовому воздействию. В результате герой, чисто дилетантски познавая себя как бы со стороны глазами других, пробирается в потемках напрочь забытого прошлого и сначала угадывает убийцу, а потом неопровержимо уличает его... Тем неожиданнее оказывается финал романа.

Из других произведений указанного жанра перу Ф. Брауна принадлежат: «Преступление в Чикаго», «120 часов кошмара», «Тварь милосердия», «Красавица и зверь», «В этом не отказывают», «Филигранные убийства», «Странный шабаш» («...один из самых поразительных полицейских романов, которые доводилось читать», – писал о нем Ж. Стернберг).

Последнее время некоторые критики усердно оплакивают чуть ли не кончину SF, впадая едва ли не в кликушество по поводу якобы происходящего, по их мнению, чуть ли не похода по белому свету представителей «новой волны» в роли то ли «святых, то ли юродствующих». Ну, во-первых, ни теми ни другими нас не запугать, поскольку на Руси они всегда выступали в роли глашатаев правды. Во-вторых, мы еще так мало дали нашему любителю фантастики из необъятного моря полюбившейся ему литературы, что здесь – едва початый край работы. И наконец, хочется верить, что к представляемому сегодня писателю отнесутся с особой меркой, ибо его юмор «не дар ума», а «дар сердца» (Л. Берне), а фантазия «составляет сущность действительности» (Ф. Достоевский). Действительно, кто останется равнодушным к началу одного из его рассказов: «Слышал я тут одну байку-ужастик, уместящуюся в две фразы. Сидит спокойненько последний человек на Земле у себя дома. Раздается стук в дверь». Если после этого вам не захочется непременно узнать, кто (или что) нарушило его покой, значит, вы безнадежно аллергичны к юмору. Попробуйте-ка, читатель, этот нехитрый тест на себе!

Ю.К. Семенычев

Глава 1

Кто бы мог подумать, что этот день станет прелюдией к убийству! Ближе к вечеру погода начала портиться, нависли сероватые сумерки, но было тепло. Ярмарочная площадь кишела народом, и нам удалось неплохо заработать. Помню, это был четверг, пятнадцатое августа, четвертый день ярмарочного гулянья в Эвансвилле, штат Индиана. Дождь пошел в половине седьмого, когда мы начинали готовиться к вечерней работе. Обычно это означает для ярмарки катастрофу, но на сей раз никто не огорчился. За несколько недель наших странствий по югу Огайо и Кентукки погода не дала нам ни дня передышки. Мы совершенно вымотались, но у нас наконец завелись денежки. Свободный вечер был весьма приятной перспективой для всех.

Едва мой дядя Эм успел поднять полотняную штору балаганчика, который мы держали с ним на паях, как в темноте забарабанили первые, еще редкие капли.

Эм сдвинул шляпу на затылок и устремил задумчивый взор к небесам; блестящие струйки потекли по его лицу. Тогда он опустил штору и сказал мне с довольной улыбкой:

– Ну что же, Эд, сегодня вечером мы отдыхаем.

– Может быть, это только ливень, – заметил я.

– Нет, зарядило на всю ночь. Да еще, того гляди, поднимется ветер. Надо бы укрепить веревки.

Мы убрали бейсбольные мячи, молочные бутылки и две полки с выигрышами и облачились в плащи, а я надел еще и шляпу. Мой дядя Эм расстается со своей разве что когда спит, она вечно торчит у него на макушке. Это черная шляпа с мягкими полями, вроде той, которую носит Шэдоу², но на этом его сходство с Шэдоу заканчивается: он маленький и толстый, а его круглую физиономию украшают неухоженные темные усы.

Подтянув веревки, мы укрепили полотняные стенки нашего балаганчика. В этот момент дождь хлынул стенами. Вокруг центральной аллеи забегали циркачи, пытаясь снять вывески. А мы забрались в палатку позади балаганчика, служившую нам местом для ночлега.

Между тем дождь поутих, но дядя Эм сказал, что нечего и надеяться, что он совсем прекратится.

– Сегодня вечером нам не открыться. Пойду-ка я в игорную палатку. А ты мог бы сходить в город, в кино или еще куда-нибудь.

– Я посижу здесь в уголке, – ответил я. – Поиграю немного на тромбоне, а потом почитаю, у меня есть хороший детектив.

Он кивнул и вышел; оставшись один, я зажег свет и достал свой потрясный тромбон, который дядя подарил мне, когда после смерти моего отца мы начали «путешествовать» вместе. Я был без ума от этого тромбона. Некоторое время я сидел, прижав его к груди, чтобы еще раз почувствовать близость своего сокровища. У него была изумительная кулиса, которая скользила легко и бесшумно. Он был позолоченный, и я обожал наводить на него глянец. Держать и разглядывать его уже было для меня счастьем. Я начал с гамм, а потом сыграл несколько мелодий по памяти. Все шло замечательно, но тут на одной из верхних нот я сорвался. Раздался жуткий скрежещущий звук.

Послышался чей-то смех. Я оглянулся и увидел Хоги, который смеялся, просунув голову в прорезь палатки. Затем он вошел. На нем был желтый клеенчатый плащ, блестящий от дождевой воды. Хоги был такого высокого роста, что сразу занял целый угол палатки. Ему пришлось наклонить голову, иначе его шляпа уперлась бы в

² Шэдоу (Тень) – знаменитый персонаж старых американских радиопередач; каждую неделю ему удавалось распутать загадочную историю, да и сам он был загадочной личностью. Каждая передача начиналась словами: «Только Шэдоу знает...» – *Здесь и далее примеч. переводчика*

полотнище.

– Мне почудилось, что здесь кого-то убивают, Эд, – сказал он, – вот я и зашел посмотреть.

Я улыбнулся ему в ответ:

– Ты недавно вернулся, Хоги?

– Несколько минут назад. Все о'кей. На следующей неделе перебираемся в Саут-Бенд. Площадка там не хуже здешней.

С тех пор как агент, занимавшийся нашими делами, нас покинул, Хоги уезжал несколько раз в неделю, чтобы решать наши материальные проблемы. Но обычно его работасостояла в том, чтобы рассказывать сальные анекдоты в маленьких шапито. Число городов, в которых его номер был запрещен, было столь велико, что он решил не выступать до конца сезона.

– Как поживает шимпанзе? – спросил я.

Его лицо стало серьезным.

– Все еще болеет. Я заскочил в фургон посмотреть, как дела. Улучшений нет. А где Эм? Играет?

Я ответил утвердительно, и он ушел. Дождь припустил сильнее. Он дробно стучал по полотнищу над моей головой. Вдали послышался гром. Его глухой, но грозный рокот невольно внушал страх. Можно сколько угодно рассуждать про облака, которые сталкиваются между собой, – страха этим не уймешь. Гром похож на ворчание ужасного зверя; ты не можешь различить его по тому звуку, который он издает, но чувствуешь, что он огромен, как ночь, а его приближение таит смертельную опасность.

Я надел плащ и вышел на центральную аллею. Дождь барабанил по моей шляпе. Ярмарочная площадь раскисла. К счастью, опилки поглощали грязь. Больших луж тоже не было, потому что площадь располагалась на склоне, и вода успевала стекать.

Я пересек центральную аллею и направился к зеленому фургону, который стоял за балаганом с уродами. В фургоне горел свет. Когда я постучал, голос Ли Кэри ответил, что я могу войти. Он встретил меня с улыбкой:

– Можешь включить проигрыватель. А я на минутку выйду.

– У тебя есть новые диски?

– Альбом Джимми Дорсея. Приличная халтура.

Он натянул плащ и вышел. Я включил проигрыватель и поставил пластинку Джимми Дорсея. Это действительно была довольно приличная халтура, но я не мог сосредоточить внимание на музыке, потому что гром полностью ее заглушал. Послав все к черту, я вышел на улицу.

А там уже был настоящий потоп. Я ринулся к нашему балаганчику. Дядя Эм стоял у палатки. Он пытался укрыться от порывов ветра за тележкой продавца воздушной кукурузы. Я постоял рядом, пока дождь и ветер не начали стихать, а затем дядя Эм вернулся в игорную палатку.

Игорная палатка, если вы этого не знаете, это палатка, которую устанавливают на крупных ярмарках для того, чтобы циркачи могли поиграть там в карты между собой. Всякие пижоны, люди со стороны, не имеют туда доступа. Это чисто семейное дело. Я пошел вслед за дядей, некоторое время понаблюдал, как он играет, но сам играть не стал. Соскучившись, я вернулся в нашу палатку. Под плащом я местами промок, поэтому, раздевшись, начал растираться полотенцем, чтобы обсохнуть.

И тут свет внезапно погас. И не только в нашей палатке, но и на всей ярмарочной площади. Я выглянул наружу: вокруг было темно, как в погребе.

Тихонько поругиваясь, я начал ощупью искать спички. Наконец я их нашел и зажег керосиновую лампу, которую мы держим на всякий случай. Я натягивал сухие шорты, когда в прорези палатки показалась голова дяди Эма.

– Как дела, малыш? – спросил он.

– Да ничего. А что случилось?

– Молния попала в провода, генератор вышел из строя. Они не смогут починить его сегодня вечером, вся обмотка сгорела. Буря кончилась, но нам напоследок все-таки досталось.

После его ухода я принялся за чтение своего детектива, но меня все более и более клонило ко сну. Дождь постепенно утихал, а затем и вовсе прекратился. Сквозь его тихий шелест я различил вначале звон колокола, а потом далекий гудок поезда.

Керосиновая лампа слегка потрескивала, скучная история, которую я читал, не располагала к бодрствованию... и я сомлел.

Мне кажется, я не слышал выстрела. Если я его и слышал, то уже во сне, я точно не помню. Меня разбудил голос дяди Эма, вопившего у палатки:

– С тобой все в порядке, Эд?

Я привстал на кушетке:

– Разумеется. А что...

– Только что раздался выстрел. Мне показалось, что, может быть...

Он не закончил фразу; наверное, он подумал, что я баловался с револьвером тридцать второго калибра, который он хранил в сейфе, и нечаянно пальнул в воздух. Он вошел в палатку, а следом за ним появилась темная масса. Это был Хоги, скорчившийся в три погибели. Он словно боялся проткнуть головой крышу. Раздался его ворчливый голос:

– Кто-то сказал, что стреляли в маленьком шапито. Ты пойдешь посмотреть, Эм?

Понятное дело, дядя Эм туда пошел, потому что я остался в палатке один. Еще в полусне я сбросил ноги с кушетки и влез в сапоги. В этот момент снаружи раздалось голоса и шаги, чавкающие по грязи. Дождя больше не было слышно. Я нащупал свой плащ и накинул его. На голом теле он был неприятно холодным и скользким. Я выскочил наружу, на ходу застегивая плащ, и пошел вдоль центральной аллеи.

Остальные двигались в том же направлении, кое-кто бегом. У большинства были при себе карманные фонари. Со сна я не сообразил захватить свой фонарь. Центральная аллея была погружена во мрак, но вслед за бегущими людьми я благополучно добрался до маленького шапито.

Для меня не составило труда найти барьер, ограждавший шапито, – я просто на него наткнулся. Оставалось перелезть через него и нащупать полотняную стенку. Приподняв снизу боковое полотнище, я очутился внутри палатки.

Там горел свет – пляшущий неверный свет примерно двадцати фонариков, которые слабо освещали внутренность балагана, но были четко направлены в одну точку.

Этот световой круг был образован толпой людей, стоявших кольцом в самом центре. Они смотрели вниз. Я подошел к ним сзади и, вытянув шею, через плечи и головы собравшихся попытался разглядеть то, что лежало на земле. Кто-то стоявший передо мной слегка отодвинулся в сторону, и я пожалел о своем любопытстве.

На траве лицом вниз лежал обнаженный мальчик. На вид ему было лет шесть – восемь. У него были белая кожа и темные коротко стриженные волосы. Рукоятка кинжала торчала из его спины. Это была очень массивная рукоятка. Она была похожа на рукоятки тех австралийских кинжалов, которые метатели ножей использовали в своем номере.

Я не знал этого мальчика, по крайней мере, не мог его узнать со спины. Народ вокруг меня возбужденно переговаривался. Стоявший напротив меня, по другую сторону круга, Поп Дженни опустился на колени и положил руку на плечо мальчика. Он тут же ее отдернул и сказал:

– Готов! Он уже начал холодеть.

Кто-то из присутствующих воскликнул: «Боже мой!» – и это прозвучало как ругательство. Раздались голоса: «Не двигайтесь! Не трогайте его!» Опять послышались ругательства и предложения послать за полицией.

Пробираясь сквозь толпу, я двинулся к выходу. Дядя Эм и Хоги стояли в другой группе, окружавшей фигуру, скорчившуюся у эстрады, где демонстрировали уродов. Я не

знаю, кто это был, но с эстрады неслись такие отчаянные, захлебывающиеся рыдания, что сразу было ясно, что тут пахнет настоящей истерикой. И вдруг до меня дошло, что рыдала женщина. Перепуганная женщина.

Я и сам чувствовал себя неважно; я не был так напуган, как эта женщина, но меня немного мутило.

Выйдя из балагана, я прислонился к эстраде, на которой обычно орал зазывала. Мне было совершенно непонятно, какого черта кому-то понадобилось убивать кинжалом такого маленького мальчика. Я рылся в памяти, пытаюсь вспомнить, кем мог быть этот малыш. Среди бродячих циркачей, работавших на ярмарке, было не так уж много детей; мне казалось, что я знаю их всех, если не по имени, то в лицо. Был один парнишка примерно того же возраста и роста – мой любимец; его звали Негро, и он бил чечетку в негритянском представлении. У этого мальчонки был просто бес в ногах. Но у убитого была белая кожа, а Негро был черен как вакса.

Однако, размышляя я, убитый был циркачом, а не ребенком из города. Ребенок из города вполне мог оказаться у маленького шапито, несмотря на поздний час – но не без одежды. Тогда как для маленького циркача это не так уж странно; я хочу сказать, что циркачи привыкли спать без ничего, когда жарко. И конечно же, их ребенок сделал бы то же самое.

Мало-помалу мучительная тошнота начала отступать. Я ощущал во рту противный вкус, но меня не вырвало. Я услышал голос дяди Эма, который звал меня, и закричал в ответ: «Иду!». Я было направился обратно к шапито, но увидел дядю Эма, Хоги и какую-то девушку, которые шли мне навстречу. Девушка еле тащилась, хотя дядя Эм и Хоги поддерживали ее под руки. На ней был длинный зеленый плащ, берет того же цвета и туфли на высоченных каблуках, сплошь покрытые грязью. Низ плаща и ноги тоже были забрызганы грязью. Она шла наклонившись вперед и все еще всхлипывала. Дядя Эм был само спокойствие. Он сказал:

– Рита, детка моя, ты знакома с моим племянником Эдом? Эд Хантер, та же фамилия, что и у меня. Хороший парень. Позволь ему покатать тебя в машине. Сделайте круг-другой по городу – и тебе полегчает. Нужно же как-то отвлечься!

Всхлипывания прекратились. Девушка отняла руки от лица. И тут я ее узнал – это была новенькая из представления со стриптизом. Она работала здесь всего неделю, ее наняли в Луисвилле. Я ее уже несколько раз видел. Очень красивая девушка, но сейчас этого никак нельзя было сказать, потому что ее лицо распухло от слез, а на щеках потеками засыхала грязь. Она обратилась ко мне со слабой улыбкой:

– П-привет, Эд!

Я забыл о тошноте и улыбнулся ей в ответ, а затем спросил, был ли убитый мальчик ее братом или кем-то вроде этого. Он не мог быть ее сыном – она была не старше меня. У нее не могло быть ребенка такого возраста. На вид ей было не больше восемнадцати лет.

Дядя Эм оставил ее с Хоги и отвел меня в сторону. Взяв меня под руку, он наклонился к моему уху и быстро зашептал, так, чтобы девушка не могла слышать:

– Это она нашла парня, Эд; она наткнулась на него в темноте, когда шла через шапито. Ей, видимо, кое-куда приспичило. Она чуть с ума не сошла. Значит, так. Бери ее, и...

– А кто этот парнишка, дядя Эм? – спросил я. – Ты его знаешь или, может быть, она его знает?

– Нет, забудь пока об этом. Послушай, я не хочу больше здесь оставаться. Хоги тоже. Он даст тебе ключи от машины. Прокати ее и постарайся, чтобы она успокоилась. – Он улыбнулся. В этот момент он был похож на веселого сатира. – Отвлеки ее! Пошевели мозгами и придумай что-нибудь!

– Да уж придумаю, – сказал я. – Но послушай, если это она нашла тело, то полиция вызверится, если ее не окажется на месте.

Он нетерпеливо махнул рукой:

– Это не твоя забота. Если они начнут допрашивать ее в таком состоянии и именно сейчас – не миновать истерики, она сломается. Пусть подождут. Скажу, в конце концов, что это я нашел тело. Если никто не слышал выстрела...

Я уже совершенно забыл об этом выстреле, дядя мне о нем напомнил.

– Но ведь мальчика закололи кинжалом. При чем тут выстрел?

– Стреляла Рита. У нее есть маленький револьвер. Она говорит, что испугалась, когда погасили свет, и положила его в карман; она еще не привыкла к ярмарке. Ей понадобилось сходить по нужде. Она держала руку в кармане и со страха пальнула, когда наткнулась в темноте на парня.

– Она не ранена?

– Даже не обожглась при выстреле. Пуля вошла в землю. В кармане плаща осталась дырка – вот и все. Кончай идиотские вопросы и пошевеливайся!

Я обернулся в сторону Хоги, и тот протянул мне ключи от машины.

– Ты готова, Рита? – спросил я.

– Д-да, Эдди, поехали, – ответила она дрожащим голосом, в котором, однако, было уже больше уверенности.

Сырой туман, пришедший на смену дождю, не располагал к приятной прогулке. Дворники не успевали очищать запотевшее ветровое стекло. Кроме полукруга на ветровом стекле, все остальные стекла машины казались заиндевевшими. Мы очутились внутри маленького замкнутого пространства, целиком принадлежавшего только нам двоим. Сырость и темнота за полукружьями ветрового стекла отсекали нас от всего мира.

Рядом со мной сидела красивая девушка, но в тот момент это меня не трогало, потому что я сосредоточился на полосе блестящей после дождя дороги, пугавшей меня неожиданными поворотами. Я думал только о том, чтобы удержать машину на скользкой асфальтовой ленте.

Но тут мне пришло в голову, что торопиться, собственно, некуда. Я притормозил, и машина покатила на неспешной прогулочной скорости.

Я улыбнулся девушке, сидящей рядом со мной, и она тоже ответила мне слабой улыбкой.

– Я все время спрашивала себя, куда вы так несетесь, – заметила она.

После этих слов она придвинулась ко мне поближе, и я, естественно, обнял ее одной рукой. Может быть, это было и не очень естественно, потому что произошло слишком скоро, но зато очень приятно.

Я съехал с шоссе и остановил машину на обочине. Дворники отключились, ветровое стекло полностью замутнело. Тесный салон машины стал единственным и осязаемым миром.

Только теперь мне удалось как следует рассмотреть Риту. Несмотря на то что ее лицо было измазано грязью и растекшейся косметикой, она была очень хороша. Особенно меня поразили ее светло-голубые с поволокой глаза. Она взглянула на меня и откровенно сказала:

– Давай не будем делать этого, Эдди.

– Хорошо, я буду вести себя прилично.

– Это потому, что ты мне очень нравишься, Эдди.

– Ничего себе объяснение, – засмеялся я.

– Мне хочется, чтобы ты мне не разонравился. Может быть, это глупо, но не надо так на меня смотреть. Пожалуйста! Мне это неприятно. Я сейчас такая грязная и противная...

– У меня другое мнение.

– Пусть так, но все равно, перестань меня разглядывать.

– Хорошо, – я наклонился и выключил свет. – Теперь я уж точно ничего не разгляжу. Ты довольна?

– Буду довольна, если ты не станешь ко мне приставать. Ты уж меня извини!

– А за что я, собственно, должен тебя извинить?

– Приходится все говорить напрямик. С тех пор как я приехала на ярмарку на прошлой неделе, я только и делаю, что отбиваюсь от мужчин. Все циркачи просто скоты.

– Не все. Например, мой дядя, Хоги и...

– Я не имела в виду Хоги. Он мне почти как родной. Он знал моих родителей, а Мардж была самой близкой подругой моей матери. Это он нашел мне работу на этой ярмарке. Кроме того, они с Мардж так влюблены друг в друга, что невозможно себе представить, чтобы он приударял за кем-то еще.

– Да, – сказал я, – мне Мардж тоже очень нравится.

– А твой дядя? Я никогда не встречала его до сегодняшнего вечера. Кто он такой, что делает?

– Эмброз Хантер, но зови его просто Эм, а то он тебя отшлепает. Он самый большой симпатяга в мире, это уж точно.

– Мне хотелось бы получше его узнать.

– Еще узнаешь. Есть и другие хорошие парни. Например, Ли Кэри, фокусник из маленького шапито. Ты любишь музыку в стиле свинг?

– Конечно.

– У Кэри есть шикарные диски. Как-нибудь послушаем. Он тебе понравится. И я тебе гарантирую, что он не станет к тебе липнуть.

– Почему?

– Ну, потому что...

– Ты хочешь сказать, что если бы он и начал к кому-то липнуть, то это был бы ты.

– Он не стал бы этого делать, – засмеялся я, – но, вообще-то говоря, ты почти права. Давай не будем об этом, ладно? Так или иначе, он неплохой парень.

– Хорошо, как-нибудь послушаем его диски. Но другие циркачи, которых я тут встретила...

– Мне кажется, ты неверно о них судишь, Рита. На ярмарке не такие нравы, как у святош из пресвитерианской церкви, но, если ты попадешь в беду, тебе отдадут последнюю рубашку. И в большинстве случаев не потому, что хотят получить что-то взамен.

– Может, ты и прав.

– Разумеется, я прав. Ты судишь предвзято. Взгляни на суть дела с их стороны – и ты с ними поладишь. Они, как бы это выразиться, умеют быть честными, делая бесчестные дела.

– То есть ты хочешь сказать, что не надо пытаться из дерьма делать конфетку?

– Не совсем так, но недалеко от истины.

– Послушай, Эдди, такая жизнь меня не устраивает. В один прекрасный день я найду себе простачка – богатого простачка. Я не хочу нищенствовать всю жизнь. С меня хватит и того, что я выросла на помойке.

Она говорила совершенно серьезно; в ее голосе слышались хищные нотки.

– Ты думаешь, я охочусь за деньгами? Так вот: я действительно за ними охочусь.

– Хорошо, хорошо, ты охотишься за деньгами! Только не надо так волноваться! Положи мне голову на плечо и успокойся.

Она засмеялась и положила мне голову на плечо.

– Какой ты забавный, Эдди. Ты мне нравишься. Хотелось бы, чтобы ты был богат, тогда я попыталась бы тебя подцепить. Но ведь ты не богат?

– У меня есть девятнадцать долларов и тромбон, – ответил я. – А еще у меня есть красивый костюм, но он, к сожалению, сейчас не на мне. У меня под плащом только шорты. Я спал, когда поднялась вся эта паника.

– Я тоже. То есть я заснула, а потом проснулась, потому что мне понадобилось пойти – как это называется у вас, циркачей?

– У нас это называется нужник, – ответил я. – Слушай, давай не будем говорить о

том, что случилось сегодня вечером. Я здесь для того, чтобы ты об этом забыла.

– Сейчас мне хорошо, Эдди, не беспокойся. У меня тогда подгуляли нервы, но сейчас я могу говорить об этом спокойно.

– Ну ладно. Может быть, тебе даже станет легче, если ты выговоришься. Слушай, у тебя всегда в кармане револьвер, когда ты идешь в уборную?

– Конечно, нет, не будь дураком! Свет всюду погасили, а фонарика я не нашла. Я боюсь темноты, Эдди. Я хочу сказать, что боюсь оставаться одна в темноте; например, сейчас мне не страшно. Обычно я не ночую на ярмарке. У меня есть в городе номер в отеле. Но сегодня вечером Дарлена попросила остаться с ней.

– Дарлена? Это та, рыженькая?

– Да. Ее муж уехал на несколько дней, а она плохо себя чувствовала. Вот она и попросила меня остаться в их фургоне. Когда я проснулась примерно час назад, я не нашла фонарика, а мне не хотелось будить Дарлену. Я знаю, где Уолтер держит револьвер. Однажды, когда Дарлена открыла ящик, я его там увидела. Я и взяла на всякий случай.

Она вздохнула, потому что, видимо, опять мысленно пережила то, что произошло с ней с тех пор, когда она покинула фургон Уолтера.

– Не думай больше об этом, Рита!

– Да нет, Эдди, все в порядке, я же тебе сказала. Мне хорошо. У меня под плащом не больше, чем у тебя. Я прямо закоченела.

– Представляешь себе картину, если полиция нас задержит за остановку в неположенном месте? – спросил я. – Полиция наверняка сейчас уже на ярмарке. Если ты будешь отсутствовать слишком долго, для тебя это может плохо кончиться, так что давай вернемся.

– Согласна.

– А ты уверена, что выдержишь?

– Да, Эдди. Поцелуй меня, но только один раз. А потом поедem.

И я ее поцеловал только один раз. Это было потрясающе. Меня всего перевернуло. Я даже не ожидал, что смогу почувствовать такое.

Я прошептал:

– Ты уверена, что мы должны вернуться?

– Да, Эдди, пожалуйста!

– Хорошо. Но, может быть, когда-нибудь...

– Может быть, когда-нибудь.

Я повернул ключ, и машина тронулась с места. Дворники, сгонявшие воду со стекла, вновь закачались, как пьяные. Я тоже чувствовал себя опьяневшим. И снова мне пришлось напрячь все свое внимание, чтобы удержать машину на блестящей черной ленте дороги. За весь обратный путь мы не сказали друг другу ни слова.

Глава 2

На ярмарочной площади было теперь светлее. Генератор так и не починили, но народ где-то раздобыл масляные и керосиновые лампы, которые горели в наиболее важных местах. Впечатление было более чем странное: световые пятна делали атмосферу еще более пугающей.

В фургоне Хоги горел свет. Дядя Эм появился именно оттуда, пока я ставил машину на место. Он открыл дверцу машины и весело произнес:

– Привет, ребята! Ну, как луна?

– Светит ярко, – ответил я в том же тоне.

– Мне гораздо лучше, – сказала Рита. – Что нового, Эм?

– Все идет как по маслу. Приехала полиция и, я бы сказал, держит ситуацию в своих руках. Она расположилась в балагане с уродами. Тебе бы надо туда зайти. Несколько обычных вопросов.

– Мне пойти с ней, дядя Эм?

– Не впутывайся в это дело, Эд. Я им сказал, что Риту отправили покататься по городу, чтобы она успокоилась. Но не стал уточнять с кем. Так что можешь спокойно исчезнуть. Тебя ждет твоя кушетка.

Идея мне понравилась, потому что я совершенно закоченел. Мой плащ был таким же скользким и холодным внутри, как и снаружи.

Рита сказала:

– Большое спасибо, Эд. До завтра.

Она сжала мне руку, и я подтвердил:

– Конечно, до завтра.

Я провожал ее взглядом, пока она не вошла в балаган с уродами. Затем, стуча зубами от холода, я вернулся в нашу палатку. Мне снова пришлось растереться полотенцем, после чего я рухнул в постель, завернувшись в два одеяла.

Я было начал дремать, когда вернулся дядя Эм. Он тут же принялся раздеваться. Я буркнул ему: «Привет», чтобы он понял, что я еще не сплю.

– Тебе нравится Рита? – спросил он.

– Недурна.

– Что-то не слышно особого энтузиазма. Однако будь начеку. Она из тех, кто любит деньги.

– Она мне об этом уже доложила. Сказала, что, если бы я был богат, она бы мною занялась.

Дядя Эм медленно покачал головой.

– Это опасно, малыш. Когда они с нами откровенничают, это всего опаснее.

По тону, которым были произнесены эти слова, я не мог понять, шутит он или говорит серьезно.

– Значит, если они не честны, они менее опасны?

– Опасны, но не в такой степени. – Он поднялся и потушил керосиновую лампу.

Кушетка заскрипела, когда он наконец улегся. И тут я спросил:

– Уже выяснили, кто был тот мальчик?

– Какой мальчик?

– Ну разумеется, тот, которого убили. Это ребенок кого-нибудь из наших?

– О господи! – воскликнул дядя Эм. – Я и забыл, что тебя тут не было. Это не мальчик, Эд, это карлик.

Я привстал. Карлик. Имя напрашивалось само собой, поскольку среди наших циркачей был всего один карлик.

– Так это был Великан Моут?

– Нет, никто его не знает. Этот карлик не циркач. Его здесь никто никогда не видел.

На какое-то мгновение мне даже показалось, что он меня разыгрывает. Это было

полной бессмыслицей. В балагане с уродами найден голый карлик, которого зарезали ножом, причем этот карлик не имеет никакого отношения к ярмарке. И его никто здесь не знает. Немыслимо было в это поверить, однако я понимал, что дядя Эм не стал бы шутить подобными вещами.

– А где была его одежда? – спросил я. – Полиция нашла его одежду?

– Нет.

– Но как это возможно?

– Это не наше дело, Эд. Пусть полиция сама в этом разбирается.

– Ну ладно. – Я снова лег и через какую-то минуту заснул как мертвый.

На следующее утро я проснулся довольно рано. Сам не знаю, что меня подняло, но я проснулся и тут же начал обдумывать вчерашнюю историю. Дядя Эм всегда говорит, что много думать опасно, – это одно из его излюбленных суждений.

Думать, говорит он, так же вредно, как курить. И гораздо хуже, чем напиваться. На самом деле он уверен в обратном.

Я оделся, причем в свой самый лучший костюм. Почему – сам не знаю. Дядя Эм все еще спал.

Небо в тот день было тускло-серого цвета, но дождя не было. Несмотря на ранний час, было душливо-жарко. Ни одно дуновение ветерка не колыхнуло слабо натянутые полотнища палаток. Они казались такими неподвижными, как будто сделаны из серого камня.

Я стоял на мокрой траве у входа в нашу палатку и спрашивал себя, какого черта я поднялся в такую рань. И решил, что сделал это, чтобы хорошенько подумать.

Завернув брюки, чтобы не испачкать их в грязи, я направился в сторону центральной аллеи. За каруселями какие-то люди кидали в грязь опилки целыми лопатами. Рядом с ними стояла тележка. Больше вокруг никого не было.

Я спустился вниз, к краю ярмарочной площади, где стоял фургон Хоги. Мардж обычно поднималась очень рано. Я честно признался самому себе, что хотел повидаться с ней только затем, чтобы навести разговор на Риту.

Но в фургоне Хоги никто не подавал признаков жизни, так же как и в фургоне Уолтера и Дарлены: правда, я и не надеялся, что Рита уже встала. Наверняка она легла спать гораздо позже, чем я.

Я вернулся к центральной аллее, и мне вдруг захотелось попрыгать через лужи. К счастью, я удержался. А затем от нечего делать поплелся к бассейну, где демонстрировали сальто-мортале. Я посмотрел на трамплин и, вздрогнув, представил себе, что нахожусь наверху и готовлюсь прыгнуть с этой страшной высоты в бассейн, имеющий всего полтора метра глубины. А ведь когда-то эта мысль казалась мне соблазнительной! Постояв у бассейна, я вновь побрел к центральной аллее. У балагана с уродами на маленькой эстраде, где обычно орал зазывала, сидел незнакомый человек и покурил сигарету. Это был здоровенный мужик, который поглядывал вокруг с самым дурацким видом. Мне почему-то сразу пришло в голову, что он из полиции. Разглядев его ботинки, я в этом совершенно уверился. Переброситься парой слов с тупицей-полицейским было все-таки лучше, чем слоняться без толку вокруг балаганов. Я небрежно бросил ему: «Привет!» – и он ответил мне тоном, располагающим к дальнейшему знакомству. Он не проявил ко мне особого интереса, но был вполне вежлив. Я подошел поближе:

– Полицейский?

– Как видишь, это сразу бросается в глаза. Стараюсь войти в роль. Народу это нравится.

Он оказался гораздо симпатичнее, чем я предполагал. Я сел рядом на эстраду зазывалы и поллюбопытствовал:

– Ну и как идут дела?

– Погано, – последовал ответ. – Эти чертовы циркачи совершенно отказываются помогать. Ты циркач?

– Да. Я слышал, что убили какого-то карлика. Как его звали?

– Неизвестно, – ответил он. – Никто его не знает, никто о нем ничего не слышал, никто его не видел. Хорошенькое дело! Находят уродца в костюме Адама в балагане, где демонстрируют уродов, – и никто ничего не знает! Пусть расскажут это кому-нибудь другому!

Он бросил сигарету в мокрую траву, вынул из кармана измятую пачку и сунул в рот вторую сигарету. Зажигалка вспыхнула, и он с удовольствием затянулся.

– Это, конечно, кажется полным идиотством, но я провел целый сезон на этой ярмарке и могу вас уверить, что у нас работает только один карлик, – сказал я.

Он с грустью покачал головой.

– Они все говорят то же самое. Где ты был во время этих радостных событий? Я что-то не помню, чтобы я видел тебя этой ночью. Так где же?

– Я спал. Вернулся довольно рано и сразу лег. Я даже не слышал выстрела, но мой дядя меня разбудил, чтобы...

– Подожди-ка, давай оформим это официально. Так мы сэкономим время.

Он достал из кармана записную книжку, карандаш и приготовился записывать.

– Имя?

– Эд Хантер. Девятнадцать лет – почти двадцать. Работаю на ярмарке около года. Живу со своим дядей Эмброзом Хантером. Он держит тут балаган с аттракционами.

– Помню, помню! Такой толстенький коротышка?

– Это он. Отличный мужик! – сказал я.

– Итак, вы ночуете оба в палатке позади вашего балагана?

– Да. – И я рассказал ему, как проснулся и, накинув на голое тело плащ, пошел за дядей Эмом в маленькое шашито, чтобы увидеть убитого. Но потом я слегка приврал: я помнил, что дядя Эм не сказал им о том, как я возил Риту по городу. Значит, и я должен был об этом помалкивать. Я сказал, что вернулся в палатку и снова заснул.

Он бросил на меня странный взгляд.

– Ты проспал весь остаток ночи?

– Конечно.

– А когда ты встал сегодня утром?

– Недавно. Четверть часа назад, может быть, двадцать минут.

– С кем ты разговаривал с тех пор, как поднялся?

– Ни с кем.

Он положил записную книжку обратно в карман, а затем посмотрел на меня так пристально и серьезно, что я внутренне съежился. Наконец он отвел глаза и бросил куда-то в пространство: «Ах ты, черт побери!» Мне показалось, что он обращался к самому себе.

– Вы, циркачи, не любите полицейских, не так ли?

Этот вопрос застал меня врасплох.

– Думаю, многие не любят полицию.

– А почему?

– Ну, потому что мы, циркачи, например, считаем, что закон против нас. Полиция запрещает наши лучшие спектакли в большинстве городов, где мы работаем, и...

– Разве мы запрещаем законные и приличные зрелища?

– Ну, это как сказать...

– Подумай сам: во что превратятся ярмарки, если закон будет смотреть на все сквозь пальцы? Ваши игры по маленькой, которые и так граничат с мошенничеством, – ведь это ловушка для простаков! Уж лучше приставить такому болвану револьвер к виску и отнять деньги – это все же честнее! А ваши «живые картины»³? Это ведь откровенный стриптиз!

³ «Живые картины» – зрелище, когда на сцене появляются полуодетые девушки. Однако закон запрещает им выступать совершенно обнаженными.

Да еще позади балагана – палаточки для клиентов, которым не терпится перейти к делу после...

– Кто вбил вам в голову, что наши девушки – шлюхи? Они не шлюхи.

– Потому что закон не позволяет им... – он осекся. – Послушай, не надо на меня так смотреть! Я не говорю конкретно о тех девушках, которые сейчас здесь работают, по крайней мере, не о всех. Я говорю лишь о том, что, если понадобится, на ярмарке найдутся и такие. А те, кто торгует у вас сейчас всякими пустяками, начнут торговать травкой. Ну ладно, давай больше не будем!

– Если циркачи и торгуют чем-то недозволенным, то это потому, что ваши порядочные хотят это купить. Эти ваши так называемые сограждане.

Он вздохнул:

– Эд, если большинство сограждан желает посещать притоны, то в городе они найдутся. Никто не стал бы искать их на ярмарочных гуляньях.

Он еще раз грустно взглянул на меня и произнес:

– Значит, ты не любишь полицейских и поэтому вешаешь им лапшу на уши?

– Что вы хотите этим сказать?

– Ты уже спал, когда мы приехали. Ведь это твои слова? И ты ни с кем не разговаривал сегодня утром. Но ты знал, что убили карлика, а не мальчика, хотя я тебе об этом ничего не говорил. Каким образом ты это узнал? Ведь пока мы не приехали и не перевернули его лицом вверх, все думали, что это ребенок. Что скажешь?

Господи! Ведь надо же было быть таким идиотом!

– Я проснулся на минутку, когда вернулся дядя Эм. Это он мне сказал, что убит карлик.

– Ах, вот как было дело! – вроде бы он мне поверил. – А ты знаешь этого убитого карлика?

– Нет, – сказал я и увидел, как он помрачнел. – Подождите, не сердитесь! Конечно, я не видел его лица, но знаю, что никогда с ним не встречался. За всю жизнь я знал только одного карлика – Великана Моута, а дядя Эм сказал, что это был не он.

Он покачал головой:

– Ну ладно, Эд. Надо, чтобы ты все-таки взглянул на фотографию, которую сделали вчера вечером.

И он вынул из кармана фотографию. Я взял ее и начал рассматривать. Это было малоприятное зрелище. С фотографии глядело сморщенное личико с широко открытыми глазами, которые, казалось, заранее предвидели свою судьбу. Фотография была сделана именно на том месте, где вчера был найден убитый. Его только перевернули лицом вверх. Под его головой виднелась истоптанная трава.

Я вернул фотографию.

– Нет, я его не знаю и никогда не видел.

– Еще один вопрос, Эд. Ты не заметил вчера вечером ничего необычного? Такого, что обратило бы внимание или казалось ненормальным?

– Вроде ничего такого не было. Правда, молния попала в генератор. Это случается не каждый день.

– Да, – ответил он. – Это мы знаем, спасибо, Эд.

Казалось, он отпускал меня на волю, но мне не хотелось уходить, да и идти-то было некуда. Я спросил:

– Вы так и просидели здесь всю ночь? Значит, вы совсем не спали?

– Что ж, иногда это необходимо. Но не напоминай мне, а то я начну зевать. Я пока не сделал ничего такого, что смогло бы гарантировать безопасность карликов. Когда у вас тут открывается палатка со съестным?

– Обычно около десяти.

Он достал из кармана массивные золотые часы на цепочке и со вздохом заметил:

– Мне кажется, я продержусь до открытия. А может, и еще поживу, если они не положат мне мышьяка в завтрак. Как ты думаешь, они могут это сделать?

– Ручаться не стану. Здешние повара – жуткий народ. Ну, я пошел.

И я направился к центральному входу. Разговор о завтраке напомнил мне, что я сам еще ничего не ел. Я не собирался ждать до десяти. Неподалеку от ярмарочной площади стоял рейсовый автобус. Я вошел в салон. Через несколько минут автобус отправился в город. По дороге я думал, какие остроумные ответы я мог бы дать на грязные намеки полицейского в отношении циркачей. Жаль только, что эти удачные ответы приходят на ум слишком поздно!

Но я прекрасно отдавал себе отчет в том, что, несмотря на свои суждения о нас, которые мне не всегда нравились, этот полицейский был далеко не глуп. Кроме того, мне вдруг начало казаться, что он вообще отличный парень.

Когда я вышел из автобуса, Эвансвилль показался мне гораздо более крупным городом, чем я предполагал. Конечно, он не шел ни в какое сравнение с Чикаго и был значительно меньше Луисвилля, однако не был занюханной дырой. Я позавтракал в кафетерий почистил ботинки у чистильщика и неспешно двинулся по центральной улице, поглядывая по сторонам.

Время только подходило к одиннадцати, и кинотеатры были еще закрыты.

Тогда я начал рассматривать витрины: торговца пластинками, галантерейного магазина и даже витрины, где демонстрировалось нижнее белье. Но ничто не могло отвлечь меня от моих мыслей. Даже выставленные напоказ кокетливые женские штучки не могли заставить меня выкинуть из головы то, что я хотел бы забыть – лицо мертвого карлика. Дошло до того, что я сам себе сказал: ладно уж, подумай об этом хорошенько – иначе тебе от этого не избавиться. Вообще-то это не твое дело, ты его даже не знал. Купи газету и прочти, что они там написали. Может, тебе станет легче. Ведь именно так ты намерен поступить, не так ли? И я купил газету. Вся история была уже расписана, а заголовок гласил:

УБИЙСТВО КАРЛИКА В ЯРМАРОЧНОМ БАЛАГАНЕ

Я зашел в холл какого-то отеля и сел, чтобы удобнее было читать.

В газете не было для меня ничего нового, кроме имен полицейских, которые вели расследование. Главу полицейского управления звали Гарри Стратфорд, а непосредственно делом занимался инспектор полиции капитан Армин Вейс. Это могло кое-кого заинтересовать. В газете поместили две фотографии, большую и маленькую, причем маленькая занимала один из углов большой. На маленькой был снят мертвый карлик, лежащий на траве, – его голова и плечи. Это была та фотография, которую показал мне полицейский. Большая фотография была сделана внутри балагана после того, как вынесли тело; крестом было отмечено местоположение трупа. Фотограф снимал со стороны входа. На ней отчетливо были видны пустая эстрада, трава, столбы – и ничего более, вернее, я хочу сказать, никого более. Либо полиция заставила народ выйти из балагана, либо присутствующие посторонились, когда фотограф готовился сделать снимок.

Я еще раз прочел крупный заголовок: «Убийство карлика в ярмарочном балагане». Это было так просто. То есть, рассуждая логически, в каком другом месте можно убить карлика, если не в балагане? Правда, по моему мнению, недоставало одного слова. Следовало бы читать так: «Убийство карлика в плохом ярмарочном балагане». Одно словечко, которое выделяло это дело из ряда обыкновенных и придавало ему странный характер.

Я попытался вообразить себе, что означало быть карликом. Карлик не воспринимает себя в этом качестве, подумал я. Это все остальные должны казаться ему гигантами,

причем каждый гигант достаточно силен, чтобы поднять тебя с земли и переломить пополам. Или всадить нож в спину. Я опять припомнил выражение его лица: он знал, что нож его не минует.

Однако он не закричал, или никто не слышал его крика. Значит, какой-то великан, который вдвое больше его и вчетверо тяжелее, поймал его, зажал рот и...

Я устал об этом думать. Чтобы отвлечься, я прочел всю газету. В разделе происшествий был помещен отчет о налете на бензоколонку и сообщение о банальной квартирной краже. Ничего интересного. Однако следующее сообщение привлекло мое внимание. В ста шестидесяти километрах отсюда, в Луисвилле, был похищен ребенок семи лет. Сын Джеймса Р. Порли из «Порли косметик энд компани». Его похитили из кровати и оставили на подушке записку с требованием выкупа в пятьдесят тысяч долларов. «Вот еще одно преступление, которое возмущает душу, так же, как и убийство», – подумал я. И здесь, как и в случае с карликом, преступник покушался на маленького и слабого.

Потом пошла политика – мятеж в Калькутте. Далее речь шла о каком-то кандидате, провалившемся на выборах в штате Иллинойс. Он выдвигал обвинение в фальсификации результатов выборов и требовал расследования.

Я пробежал всю газету и наткнулся на юмористический отдел. С этого мне следовало начинать. И наконец, под занавес, я прочитал всю программу кинотеатров. Читать больше было нечего. Я поднялся с места и прошелся по холлу отеля. «Интересно, пойдет ли сегодня дождь?» – подумал я. Если нет, то я вполне мог бы остаться в городе и сбежать в кино. Если да – нужно было возвращаться на ярмарку и помочь дяде Эму.

Я подошел к окну и посмотрел, что творится на улице. Небо в просвете между двумя огромными зданиями напротив отеля было цвета расплавленного металла. Никаких облаков, только густая сероватая пелена. Дождь мог зарядить до конца месяца, если не на все лето. Мной овладела какая-то тревога; я порывался что-то предпринять, но не знал, что именно. Когда такое испытываешь, все кажется бессмысленным. Я хотел и не хотел возвращаться обратно на ярмарку.

Я отошел от окна и взглянул на часы, висевшие в холле: мне хотелось знать, который теперь час. Часы показывали без четверти двенадцать.

Перед стойкой портье стояла какая-то девушка; она только что вернула ему ключи от номера. Девушка стояла ко мне спиной, но даже со спины было видно, что такие создания не гуляют толпами по Эвансвиллю. Что-то сразу привлекло в ней внимание, например, подстриженные под пажа золотистые волосы, которые падали на плечи. На ней было шелковое сиреневое платье, облегающее фигуру, как те купальники, которые носят девушки на рекламных картинках. Она так же мало принадлежала к реальному миру, как импровизации Луи Армстронга.

Меня сразу перестало занимать то, что было за окном; я стал ждать, пока она обернется, чтобы удостовериться, что фасад соответствует всему остальному. Не подумайте, что я сразу разлетелся мыслями в отношении знакомства. На все про все у меня было в кармане восемнадцать долларов. Бедный дурачок с ярмарки не мог надеяться на то, что девушка такого класса обратит на него внимание. Сами понимаете, что я хочу сказать. Бели не понимаете, я объясню. До ее появления холл казался вполне пристойным, он был отлично меблирован и украшен. Но стоило появиться ей – и он приобрел вид жалкой ночлежки. То же самое она сделала со мной: пока ее не было, я казался себе прилично одетым малым недурной наружности. Но рядом с ней я выглядел замызганным юнцом, который имеет привычку спать не раздеваясь.

Вот такие мысли бродили у меня в голове, пока она не повернулась ко мне лицом. А когда повернулась – я ошолбенел. Она не обманула моих ожиданий и была точно такой, как я себе ее представлял. И я ее знал: это была Рита. Мне кажется, я довольно долго простоял с разинутым ртом. Рита отошла от администратора и двинулась к выходу. Заметив меня, она подошла и, улыбаясь, сказала: «Привет, Эдди!» Ее голос в отличие от

внешности не изменился со вчерашнего дня.

Я что-то промямлил в ответ.

– Как тебе удалось узнать, где я живу? – спросила она.

– А я и не знал. Я зашел сюда, чтобы укрыться от дождя, который так и не пошел. Послушай, может, выпьем чего-нибудь в баре?

На минуту она заколебалась.

– Я бы не прочь позавтракать. Ты уже ел?

– Нет.

Мы заказали кофе и пирожки в баре рядом с холлом. Сидя за столиком напротив девушки, я не переставал ее разглядывать. Перемена не укладывалась у меня в голове. Невозможно было поверить, что это та самая девушка, которая вчера рыдала под дождем, одетая в грязный плащ и стоптанные туфли.

– Они разузнали что-нибудь о карлике? – спросила она.

Я покачал головой.

– Судя по тому, что написано в газете, – нет. Они даже не знают его имени.

– Но ведь это довольно легко сделать. Карликов не так уж много.

Я знал, что сказать в ответ на ее замечание. Совсем недавно у меня зашел разговор об этом с Великаном Моутом.

– Их в Штатах около двух тысяч. То есть, я хочу сказать, настоящих лилипутов. И около пятидесяти тысяч других карликов.

– А в чем разница, Эдди? Лилипуты еще меньше карликов?

– Думаю, что да, но разница не в этом. Лилипут совершенно пропорционально сложен. А у карлика голова таких же размеров, как у нормального человека; у него длинное тело и короткие конечности.

– Значит, в цирке выступают только лилипуты?

– Обычно да. Ни один шапито не выставит карлика вместо лилипута. Но есть цирки, где выступают только карлики. А некоторые цирковые водевильные труппы лилипутов имеют в своем составе и карликов – для контраста с настоящими лилипутами. Из карликов иногда получаются отличные клоуны.

– Мне можно заказать еще одну чашку кофе, Эдди?

– Думаю, я могу себе это позволить. Я же говорил тебе вчера, что у меня было девятнадцать долларов. Сейчас у меня осталось восемнадцать.

– Эдди! Ты истратил этот доллар с другими женщинами?

– Пока до этого еще не дошло. Если мы будем обходиться только кофе, этих денег хватит надолго.

– Ну ладно уж, давай обходиться только кофе. Правда, время от времени хорошо бы съесть еще и пирожок. Я никак не могу прийти в себя, Эдди.

– От чего? От отсутствия пирожка?

– Нет, от того, как ты выглядишь, когда хорошо одет. Твой сегодняшний вид слишком разительно отличается от вчерашнего.

Тут меня разобрал смех. Я откинулся на спинку стула и громко захохотал. Я, конечно, должен был объяснить, отчего мне так смешно. Она поняла и тоже рассмеялась. И стала еще красивее. Раньше я не замечал, какой у нее изумительный голос.

– Ты провела остаток ночи с Дарленой? – спросил я.

– Да, но не в фургоне, а здесь, в отеле. Когда полиция закончила допрос, я вернулась к Дарлене. Она уже встала и оделась. Мы обе не захотели там оставаться. Поехали в город и переночевали в моем номере. Только Дарлена уже уехала обратно на ярмарку, потому что ждет сегодня мужа.

После второй чашки кофе Рита посмотрела на свои часы.

– Нам надо ехать на ярмарку, – сказала она. – Мне, по крайней мере, необходимо туда вернуться. Надо только забежать в банк. Это совсем рядом. Ты подождешь меня здесь? Если ты тоже намерен вернуться, то...

– Что мне тут делать? Конечно, я тебя подожду, поедem вместе.

Я уже не мог смотреть на кофе после двух чашек, которые выпил сейчас, и еще двух, выпитых часом раньше. Но надо было ждать, и я заказал еще одну чашку.

Потом мы сели в автобус, чтобы вернуться на ярмарку. Рита сказала, что я должен беречь свои восемнадцать долларов, и не позволила мне взять такси.

Глава 3

Когда я вернулся, дядя Эм был уже на ногах. Он где-то раздобыл опилки и был занят тем, что обильно посыпал ими землю перед нашим балаганом.

– Привет, малыш, ты из города?

– Да, я поднялся слишком рано и успел туда смотаться. Что ты думаешь насчет погоды?

– Может слегка подкачать. Но работа будет. Сюда повалит весь город, чтобы посмотреть на место, отмеченное крестом.

– Ты уже читал газету? – спросил я.

– Нет, но я все-таки учил алгебру в колледже. Крест – это «икс», координата. А полиция разыскивает некоего «игрек».

– И пока безрезультатно, – добавил я.

– Если ты был в городе, то почему не пошел в кино?

– Встретил Риту – случайно. Она возвращалась на ярмарку, вот я и поехал с ней.

Он воскликнул: «Вот как!», – а потом пристально на меня посмотрел.

– Будь осторожен, малыш!

– Вчера ты меня не предостерегал, когда попросил увезти ее на машине. Так или иначе, я ничем не рискую: в следующий раз она просто не обратит на меня внимания, – сказал я.

– И одного раза достаточно, если вчера она хорошенько тебя разглядела. Ты себя недооцениваешь, Эд. Может, ты и не очень красив, но у тебя чертовски романтичный вид. В скором времени ты будешь отбиваться от баб бейсбольной битой.

Это показалось мне сомнительным.

– Ну а кроме того, есть что-нибудь новенькое?

Он знал, что я имею в виду.

– Да ничего особенного. Недавно забегал Вейс.

– Вейс?

– Армин Вейс, инспектор или что-то вроде этого. Мне казалось, что ты уже разговаривал с ним сегодня утром.

Я утвердительно кивнул.

– Этот капитан – дотошный малый, – улыбнулся дядя Эм. – Он хотел узнать, проснулся ли ты, когда я вернулся в палатку. Я сказал, что да. Какую глупость ты сморозил? Признался в чем-то, чего не должен был знать?

– Вот именно. Я проговорился, что убитый был карликом, а прежде ему сказал, что уже спал, когда приехала полиция, и с утра ни с кем не виделся.

– Я так и думал, что он тебя на чем-нибудь подловит! Преступника из тебя не выйдет – тебя тут же поймают.

– Ладно, придется оставаться честным человеком. Кстати, Вейс думает, что мы все – банда уголовников.

Дядя Эм что-то проворчал в ответ и снова начал рассыпать опилки.

– Помочь тебе? – спросил я.

– Да, только пойдя переоденься.

Я пошел в палатку, чтобы скинуть праздничный костюм. Когда я вернулся, Эм уже покончил с опилками. Теперь он сидел в балагане на прилавке и жонглировал тремя шариками, заставляя их описывать небольшую дугу.

Я попытался сделать то же самое, но тут же раскидал шары.

– Малыш, – сказал дядя Эм, когда я в десятый раз поднимал упавший шар, – ты не создан для того, чтобы быть жонглером, брось это дело.

– А для чего я создан?

– Не знаю. Может, для того, чтобы играть на тромбоне.

– Нет, – сказал я, – у меня нет таланта. Я могу научиться играть по нотам, если постараюсь. Но я не умею «думать» над тромбоном, как настоящий музыкант. Когда кто-то импровизирует, я могу подключиться, но не могу вести сам.

– Большинство музыкантов не умеют этого делать, однако они зарабатывают на жизнь.

– Я не хотел бы быть таким музыкантом. Я буду продолжать играть, но не для того, чтобы зарабатывать на жизнь. Только для своего удовольствия.

Он покачал головой, и я снова повторил свой вопрос: так для чего, по его мнению, я создан?

– Ты создан для того, чтобы быть Эдом Хантером. Ты никогда об этом не думал?

– Из этого денег не сделаешь, – ответил я.

Он перестал жонглировать шариками и изумленно уставился на меня.

– Так ты хочешь денег, Эд? Мы неплохо заработали. Я могу тебе дать. Сколько ты хочешь? Пятьдесят долларов? Сто?

– Нет, не надо, у меня еще остались деньги. Дядя Эм, если я тебе сейчас не очень нужен, я могу уйти?

– Иди!

Я направился кружным путем к центральному входу. Народ понемногу начал сходить, но большой толпы еще не было. Небо грозило вот-вот разразиться дождем.

В мыслях я возвращался к утреннему разговору с Армином Вейсом и его намекам по поводу низости циркачей. Меня переполняла горечь.

Проходя мимо балаганов, я вдруг взглянул на товарищей другими глазами. А ведь он был прав в отношении большинства из них! Например, у Спуда Рейнолдса три выстрела в тире стоили двадцать пять центов – вроде совсем не много. Стреляли из длинноствольного карабина. За три удачно выбитых мишени, расположенных внутри красного ромба, полагался большой приз – любая вещь на выбор из той дряни, которая находилась на призовом стенде. Но никто никогда ничего не выигрывал. Мишени были расположены так, что это было теоретически возможно, но практически невыполнимо. Казалось, все было очень просто – в этом и состоял весь трюк, – однако самому удачливому болвану в стране понадобилась бы помощь господ бога, чтобы сделать три удачных выстрела подряд. Я должен был признать правоту Вейса. А все остальные? Чего стоила, например, игра, состоящая в том, чтобы бросить монетку так, чтобы она попала и удержалась на движущейся тарелке? Или попытаться сбить пачку сигарет из пробкового пистолета? Все это были мошеннические трюки, где подловленный простачок всегда проигрывал. Но наша игра была честной. Прежде всего, мы не предлагали простачку дорогих вещей в качестве приза. Примерно один человек из двадцати пяти мог опрокинуть три молочные бутылки тремя бейсбольными мячами и выиграть куклу Кьюпи⁴ ценой четырнадцать центов.

Но, в конце концов, этот простачок платил десять центов за удовольствие испытать себя, за удовольствие удивить свою бабу или приятелей, за удовольствие бросить три бейсбольных мяча настолько ловко и метко, насколько он был способен. Эта дешевая кукла Кьюпи сама по себе не имела для него никакого значения, однако являлась символом его удачливости. Верно, что играли на деньги, но игра требовала известной ловкости, а не только везения.

Я прошел мимо палатки ясновидящего, мимо паноптикума, больших каруселей и негритянского балагана.

Когда я подошел к балагану с уродами, зазывала Гарри Шульц уже начал свой обычный ор. Вокруг него собралось всего несколько зевак, в основном дети, однако после каждой фразы он выбивал дробь на барабане, и люди понемногу начали стекаться к его

⁴ Кукла Кьюпи – кукла-пупс, изображающая пухлого розовощекого младенца.

палатке.

Я обошел это сборище с намерением удалиться от него как можно дальше. Но тут с эстрады зазывалы кто-то окликнул меня: «Привет, Эд!» Я оглянулся. Это опять был тот полицейский, Армин Вейс. И снова он сидел на краю эстрады. Я направился в его сторону.

– Вы что, никогда не спите? Он засмеялся.

– Уж сегодня вечером мне точно не придется спать. Я продержусь весь остаток дня, если время от времени выпивать чашечку кофе.

– Но что вы здесь делаете?

– Сажу себе, вот и все; мне кажется, я жду, пока в меня ударит молния. Как в тот генератор, который вчера сгорел, – если только это была молния.

– Вы что, хотите сказать, что молния в него не попадала?

– Этот вопрос занесен в мой список. Беседа с электриком, который его чинил. Я его задам, как только вернусь в город. Тебе нравится Эвансвилль?

– Хороший городишко.

– Мы постараемся, чтобы он таким и остался.

Он вынул пачку сигарет и предложил мне закурить.

– Эд, моя жена – самая лучшая стряпуха в радиусе шестидесяти километров. Ты любишь дамплинги⁵?

– Думаю, что да.

– Значит, ты никогда не ел настоящие дамплинги, иначе бы ты не «думал», а знал точно! Моя жена делает их такими легкими, что они едва держатся на тарелке. Да еще подает к ним такой соус, что пальчики оближешь. Держу пари, что те дамплинги, которые ты ел, были пережаренными!

– Именно так и было.

Он грустно покачал головой.

– Мир катится к гибели. Послушай, Эд, у нас сегодня пятница, а по пятницам моя жена готовит к ужину жаркое в кастрюле и дамплинги. Мы живем недалеко отсюда; можно дойти пешком. Давай поужинаем у нас?

– Мистер Вейс, я ничего не знаю ни о карлике, ни об убийстве. То, что вы сможете из меня выудить, не стоит даже соуса, не говоря уже о жарком и дамплингах. Честное слово.

Он широко улыбнулся:

– Я знаю, Эд. Или, по крайней мере, я на это надеюсь. Но можно взглянуть на вещи и с другой стороны. Во-первых, ты и Эм единственные люди на ярмарке, кто не смотрит на меня как на зачумленного. Эм сказал мне, что ты играешь на тромбоне. Я подумал, что было бы хорошо, если бы ты его захватил. Мы бы немножко пошумели. А у меня есть труба: когда-то в молодости я играл. Моя жена играет на пианино гораздо хуже, чем готовит, но все-таки она могла бы составить нам компанию.

– Чувствую, что начинаю сдаваться. Но у вас, конечно, есть какие-то скрытые причины, – сказал я.

– Разумеется, есть причины, сынок, но не скрытые. Ты знаешь большинство из здешней публики, а также расположение палаток на ярмарке. Ты можешь мне рассказать кто есть кто, помочь мне охватить общую картину событий, дать необходимые сведения. Короче, ты можешь оказать мне большую услугу.

– Ну хорошо.

– Мой адрес – Арлингтон 3216, всего в шести – семи кварталах отсюда по направлению к городу. Мы ужинаем в шесть часов. Жена рассердится, если ты опоздаешь. И не забудь захватить тромбон.

⁵ Дамплинги – маленькие пирожки с мясной или овощной начинкой.

– Ладно, – сказал я. Он сошел с эстрады.

– Тогда до скорого свидания.

Я увидел, как он устало пошел к центральному входу. А я остался. И зачем я согласился, спрашивал я себя. К чему мне было вмешиваться? Какое это имело ко мне отношение?

И тут я затылком почувствовал чей-то взгляд. Я обернулся. Скитс Гири, владелец балагана с уродами, стоял у входа и пристально меня разглядывал. На его лице играла улыбка, не предвещавшая ничего хорошего. Выражение лица тоже было малоприятным. Насколько мне известно, Скитс никогда ничего не имел против меня. Я заложил руки в карманы и подошел к нему.

– Привет, Скитс, – сказал я. Его лицо исказила гримаса.

– Слушай, Эд, это в твоих же собственных интересах. Если ты будешь лизать задницу полицейским, то здесь тебе не место.

– Черт возьми, – воскликнул я, – а я – то думал, что это прибавит мне популярности!

Мимо нас проходили люди; зазывала продолжал молотить языком, подталкивая народ к входу в балаган. Ему все-таки удалось позвать не только малышня, но и почти всех собравшихся взрослых. Я отошел от Скитса и последовал за входившей публикой.

И тут же я заметил, что внутри балагана кое-что изменилось. В основном народ толпился вокруг деревянного ограждения в одном из углов балагана.

Я подошел поближе. Внутри ограждения виднелся кусок газона, где вчерашней ночью лежал карлик. Тело уже убрали, но его местоположение было очерчено контуром, как это делает полиция, прежде чем убрать труп. Только на этот раз контур был обозначен не мелом, а тонкой бечевкой, потому что рисовать мелом на траве нельзя. А внутри контура лежал нож с засохшей кровью на лезвии – именно в том месте, где было сердце убитого. Разумеется, это не был тот самый нож убийцы – тот полиция унесла. Это был другой австралийский кинжал, очень похожий на оружие преступника. Уж не знаю, где Скитс взял кровь, но держу пари, что не у себя из пальца.

Какие-то люди пытались протолкнуться к ограждению, пихаясь локтями, и я отошел в сторону. Я был вне себя от гнева. Наверное, мое лицо было достаточно выразительно, когда я взглянул на Скитса. У меня не было ни малейшего желания с ним разговаривать. Вместо этого я двинул его кулаком в грудь, и он опрокинулся навзничь на одну из веревок, которые служат для крепежа палаток. Я постоял какое-то время над ним, пока он поднимался, тщетно надеясь, что он мне ответит. У меня прямо чесались кулаки.

Но вместо этого он медленно, не говоря ни слова, встал. Зато взгляд его колющих глазок пробуравил меня насквозь. Потом он повернулся ко мне спиной и пошел прочь.

И тут я понял, что мне не следовало этого делать. Я попал в глупое положение именно потому, что Скитс не захотел драться.

Когда я постучал в дверь фургона Хоги, голос изнутри прокричал, что я могу войти. Он и Мардж сидели в углу фургона, служившем кухней. Компания, производящая фургоны, не подумала о размерах Хоги, проектируя этот маленький отсек. Он занимал его почти полностью. Хоги улыбнулся мне.

– Привет, Эд. Бери стул и садись, но говори потише.

И он кивнул головой в сторону кушетки, на которой я увидел спящую Риту. Она сняла свое сиреневое платье, чтобы не измять. На ней была только кремовая комбинация. Формы, видневшиеся под комбинацией, были так совершенны, что у меня захватило дух.

– Хочешь кофе, Эд? – спросила Мардж.

Кофе мне не хотелось, но я ответил: «Конечно!» Я сам взял чашку и ложечку в шкафчике, а потом уселся на стуле посреди фургона. Так я не видел ни кушетки, ни кремовой комбинации. Я почувствовал себя несколько увереннее.

Мардж налила мне кофе. У нее были усталые глаза. Я впервые заметил серые пряди в ее черных волосах. Она была небрежно причесана и совсем не накрашена. Видимо, она прочла мои мысли.

- Не смотри на меня, Эд. Я знаю, что у меня ужасный вид.
- Вовсе нет! – поспешил сказать я. Она улыбнулась в ответ.
- Во всяком случае, не сравнивай меня с Ангельской Мордашкой.
- С Ангельской Мордашкой?
- С Ритой. Так ее прозвал мой муж. Но вообще-то я его к ней не ревную.
- Вот как! – сказал я.

Хоги рассмеялся:

– Хорошо иметь жену, которая тебе доверяет. На нее можно положиться, если надо скрыть, что ты преступник.

Он говорил не всерьез, но это было все-таки слегка неуместно. Я увидел, что Мардж бросила на него недовольный взгляд. Я даже подумал, что сейчас она начнет ругаться, и поспешил переменить тему.

– А когда откроются «живые картины»?

– Мори сказал, что откроется после трех, если только не начнется дождь. Риту надо разбудить в три часа. Бедняжка плохо спала в эту ночь. А ты сегодня выходил, Эд? Как ты думаешь, будет дождь?

Я пожал плечами.

– Не знаю, но дядя Эм считает, что дождя не будет. У него дар предвидения в отношении погоды. А как поживает Сьюзи?

Хоги удрученно покачал головой.

– Неважно. Мне кажется, я сделал неудачную покупку. Эта обезьяна сильно больна.

Тут вмешалась Мардж:

– За сто пятьдесят долларов я могла бы купить кучу платьев. Да и сезон кончается...

Хоги развел руками:

– Конечно, она обошлась мне в сто пятьдесят долларов, да еще нужно платить за специальный корм и лекарства, но, если я ее вылечу, она окупит все расходы. Ты знаешь, сколько за нее можно будет получить, Эд?

– Сколько?

– Верных пятьсот долларов. Это выгодное дело, но у меня на уме другое. Всю зиму я буду ее дрессировать, и, если у меня получится, как я задумал, я не уступлю ее и за пятьсот. В будущем сезоне она будет выступать в большом шапито. На ней я заработаю немалые деньги.

– Я что-то не совсем понял: ты ее продашь или будешь с ней выступать?

– Мне не очень нравятся ярмарки. Но цирк – другое дело. Я задумал такой номер с обезьяной, что у них глаза на лоб полезут! Новый трюк! Шимпанзе его гораздо легче освоить, чем другим животным.

Я спросил:

– А ты показывал Сьюзи ветеринару?

Хоги рассмеялся, а Мардж сказала:

– Ты что, не знаешь, что Кларенс ветеринар, Эд?

Мне понадобилось довольно долгое время, чтобы сообразить, о ком шла речь; впервые при мне назвали Хоги по имени, а не по прозвищу.

– Кроме шуток?

– Всякий раз, когда тебе будет нездоровиться, можешь смело меня вызывать. У меня, между прочим, есть диплом. Хочешь посмотреть? Он валяется где-то в ящике. Только вместо того, чтобы заниматься практикой, я поступил в цирк; там я встретил Мардж. Именно в цирке я изучил все, что касается шимпанзе и собак. А вот с кошачьей породой я не в ладах.

– Ты хочешь сказать, что работал в цирке дрессировщиком и ветеринаром?

– И тем, и другим. Одно время я выступал с номером ученых собак.

Мардж заметила:

– Именно тогда он собрал коллекцию анекдотов, с которой теперь выступает в шапито. Только вместо женщин в его историях фигурируют суки.

– Ну, я бы этого не сказал! – хмыкнул Хоги.

Я поднялся и пошел в переднюю часть фургона, чтобы посмотреть на шимпанзе. Обезьянка лежала в клетке, которую смастерил сам Хоги, забрав досками часть помещения на метр от стены.

Сьюзи спала в середине клетки, свернувшись клубочком на охапке соломы. По крайней мере, я надеялся, что она спит; она лежала без движения, как мертвая. Но в полутьме клетки я все-таки разглядел, что она еще дышит.

– Не шуми, Эд, – сказал Хоги, – не надо ее будить.

Сзади меня заскрипела кушетка, я обернулся и увидел, что Рита уже сидит, зевая и потягиваясь. Она пробормотала сонным голосом: «Привет, Эдди! Отвернись, мне надо одеться».

Я снова отвернулся к деревянной клетке, но Сьюзи больше не занимала моих мыслей.

К трем часам показалось солнце. Я проводил Риту к палатке, где показывали «живые картины», а потом вернулся к нашему балагану посмотреть, не нужен ли я дяде Эму. У него дела шли настолько хорошо, насколько это можно ожидать при послеобеденном наплыве публики. Он был рад, что я вернулся; ему хотелось есть, а без меня нельзя было оставить палатку открытой. Я сменил его, и он отправился обедать.

Когда он вернулся, я сказал ему, что капитан Вейс пригласил меня поужинать и поиграть с ним дуэтом. Дядя Эм рассмеялся:

– Ах, он еще и музыкант! Он и вправду заинтересовался, когда я ему сказал, что ты играешь на тромбоне, но тогда я не понял почему. Конечно, Эд, ты свободен на весь еечер. Я возьму Мардж на подмогу. Немного эротики не повредит нашему делу, не так ли?

– Мардж?

– А почему бы и нет? Она всегда рада заработать несколько долларов. Думаю, Хоги закрутил ей гайки в отношении тряпок.

– Ну ладно, – согласился я.

Потом я ему рассказал, как излишне распетушился в маленьком шапито у Скитса Гири.

Сначала дядя Эм улыбался, а потом посерьезнел:

– Малыш, тебе надо обратить внимание на твой ирландский темперамент! Конечно, зарабатывать таким образом на убийстве – последнее дело. Но тебя никто не звал в судьи. Пока он не начал наступать тебе на пятки, это тебя не касается. Даже если тебе не нравится то, что он делает. Это еще не резон, чтобы его избивать!

– Это одна из тех штук, которые на первый взгляд кажутся совершенно невинными. Всякий зарабатывает, как может. Но ты прав, я вел себя как дурак! – признал я.

– Вот именно! Но, черт возьми, мне хотелось бы посмотреть на это!

Тут он увидел, что к палатке подходит народ, и начал зазывать:

– Подходите, подходите, дамы и господа! Опрокиньте эти молочные бутылки, и вы выиграете великолепную куклу...

После его ухода я оставался в палатке до половины шестого. Потом оделся, взял свой тромбон и отправился по адресу, указанному Вейсом.

Вейс жил в хорошеньком маленьком коттедже, стоящем на лужайке, окруженной деревьями. Это было место, которое заставляет бродячего циркача задать себе вопрос, кто же настоящий дурак: тот, кто так живет, или он сам.

Вейс открыл дверь.

– Привет, Эд, заходи. Ма, это Эд Хантер.

Ма была одной из тех маленьких дамочек, которые похожи на птичек. Ей было

около сорока, а Вейсу, пожалуй, уже за сорок. Она выпорхнула мне навстречу, а потом пошла на кухню.

Вейс не шутил в отношении трубы. Он тут же достал и разложил на пианино ноты с легкими дуэтами. Я расположился рядом со своим тромбоном, и мы заиграли. Это, конечно, нельзя было исполнять в Карнеги Холл, но мне понравилось. Музыка была не из современных, но, когда играешь сам, то это бывает даже забавно. Мы играли отрывок, написанный для исполнения на двух трубах, и это ставило меня в невыгодное положение: я должен был читать ноты в ключе соль вместо ключа фа и играть на октаву ниже, чтобы приспособить отрывок для тромбона. Но поскольку мы оба играли в бемоле, переложить было не так уж трудно.

Время от времени Ма подходила к двери и хвалила нас. Возможно, она это делала по простоте душевной. А потом она позвала нас на кухню ужинать. У них была великолепная большая кухня. Мне понравилось, что она не стала извиняться за то, что угощает нас на кухне, как это сделала бы любая другая хозяйка. Мне кажется, что всегда нужно есть только на кухне: тут пища кажется гораздо вкуснее. Во всяком случае, ужин, что она нам подала, был просто великолепен. Вейс не преувеличивал. Это была не просто еда – мясо, картошка, дамплинги, соус, – это было нечто божественное. Соус был такой, что с ним можно было съесть тарелку опилок. А на тарелках были далеко не опилки.

Я так объелся, что мне пришлось отказаться от пирога, поданного на десерт. Вейс сказал, что я клюю, как воробышек, – и взял себе два куса, хотя до этого ел больше меня. Миссис Вейс не позволила нам мыть и вытирать посуду. Капитан и я расположились с кофе и сигаретами в креслах и начали разговор о том о сем. Пока он не сделал ни единого намека на убийство, которое нас обоих интересовало.

Потом он спросил меня, не хочу ли я еще поиграть дуэтом, но я ему ответил, что слишком наелся, чтобы пытаться дунуть во что бы то ни было. А он в свою очередь признался, что тоже не горит желанием музицировать. Затем вынул две бутылки пива из холодильника и откупорил их, продолжая болтать о пустяках. Я не выдержал первым и спросил его, удалось ли опознать убитого карлика.

– Нет. И это самое скверное, Эд. Невозможно узнать ничего существенного, пока мы не установим его личность. Однако кое-что мы все-таки сделали.

– Что же?

– Публично об этом объявили. Если в Эвансвилле найден мертвый карлик, значит, где-то этот карлик обязательно исчез. Мы обратились в Ассошиэйтед Пресс и Юнайтед Пресс, чтобы информацию поместили во всех газетах страны. Скоро кто-нибудь сообразит сопоставить приметы где-то исчезнувшего карлика с приметами убитого. И тогда у нас будет хоть какая-то зацепка. Сейчас эта история опубликована во всех вечерних газетах страны, и я не удивлюсь, если нам позвонят с минуты на минуту.

– А «Варьете» и «Билборд» входят в этот список? Ведь циркачи редко читают обычные газеты.

– Разумеется, мы их тоже уведомили. Но «Варьете» и «Билборд» выходят не каждый день, поэтому нам придется подождать, когда придет результат с этой стороны. А тем временем ярмарка переедет на другое место. Поэтому я скорее надеюсь получить сведения из ежедневных газет. А когда мы узнаем, кто он такой, можно будет попытаться установить связь между убитым и кем-то из ваших циркачей.

– Или кем-то из Эвансвилля, – заметил я.

Он медленно покачал головой:

– Нет, это маловероятно, Эд. Я не хочу сказать, что в Эвансвилле нет потенциальных убийц. Но это дело спроворил кто-то из нездешних. Возьмем, к примеру, кинжал. Он принадлежал одному из ваших метателей ножей и обычно находился в сундуке под сценой маленького шапито – в двенадцати метрах от того места, где было совершено убийство. Кто-то из ваших знал, где он лежал, и достал его оттуда. Посторонний вряд ли мог завладеть им незаметно.

Я сказал:

– Представьте себе, что это был вор, который бродил вокруг палаток в поисках поживы. Он наткнулся на сундук и...

Спокойная усмешка Вейса прервала мои рассуждения:

– И тогда он достал из кармана совершенно голого карлика и проткнул его кинжалом. Черт побери, Эд, дело вплотную связано с ярмаркой, тут уж ничего не поделаешь.

Я спросил:

– А вы разговаривали с электриком, который чинил генератор?

– Кто из нас больше старается выудить сведения из другого, Эд? Конечно, я его видел. Это была молния. Убийца воспользовался темнотой, но не он ее спровоцировал. Ты знаешь, Эд, из тебя вышел бы неплохой детектив. Чувство любознательности у тебя развито отменно.

– Вы так думаете?

– А ты разве так не думаешь? Ты прекрасно знаешь, что тебе не менее интересно узнать, что произошло здесь вчера вечером, чем мне. Только мне за это платят, а тебе нет. Хочешь еще пивка?

Он поднялся и, не дожидаясь ответа, достал еще две бутылки пива.

– Эд, я вовсе не хотел вытягивать из тебя что-либо, когда пригласил тебя. Я обдумал это дело и решил, что без верной зацепки мы не тронемся с места. Пока я не узнаю, кто был этот карлик, я не смогу задать тебе ни одного вопроса. А ты не сможешь дать мне ответ. Может быть, позднее я захочу узнать от тебя кое-какие подробности. А сейчас я попрошу тебя совсем о другом: открой глаза и уши. Отмечай все, что покажется тебе необычным, все, что хотя бы отдаленно может иметь отношение к убийству. И держи меня в курсе. Согласен?

– Думаю, да.

– Мне хотелось бы, чтобы ты проявил побольше энтузиазма. Ведь ты же не одобряешь убийств? Или убийство тебе нравится?

– Кому может нравиться убийство?

– Убийцам, черт возьми! Вернее, не совсем так. Скажем, оно им нравится больше, чем другие неприятные ситуации, с которыми им приходится сталкиваться. Возьмем, к примеру, наемного убийцу, который берется убить указанную жертву за пятьсот долларов. Если у него все в порядке с мозгами, то ему не доставит особого удовольствия нажать на курок. Но перспектива лишиться пятисот долларов понравилась бы ему еще меньше. Без этих денег ему, чего доброго, пришлось бы работать.

Он вылил в стакан остатки пива из бутылки и выпил его залпом.

– Преступление психопата может иметь другие мотивы, но в данном случае речь не идет о преступлении психопата, Эд.

– Откуда вы это знаете?

– Я не знаю откуда. Но я в этом уверен. Слишком уж изощренно для психа. Для них это не характерно.

Я с сомнением покачал головой: довод не выглядел очень логичным. Но почему-то мне казалось, что Вейс все-таки прав.

– Вы хотите, чтобы я шпионил в стане врага? Мне это не очень нравится.

– Ты прав, если представляешь себе дело в этом свете, – сказал он. – Если ты считаешь, что ярмарка – это стан врага. Если ты допускаешь, что она вредит закону и порядку до такой степени, что позволяет хладнокровно совершать убийства. Если ты чувствуешь, что стоишь на стороне убийцы только потому, что он циркач. Ты видишь вещи в таком свете, Эд?

Я ухмыльнулся:

– Вы выворачиваете меня, как перчатку.

– Что-то вроде этого, – ответил он. – Хорошенько подумай и дай мне ответ. Я не

буду больше к тебе приставать. Однако действуй осторожно.

– Осторожно?

– Я хочу сказать, не задавай лишних вопросов. Это может оказаться опасным, я не шучу. Типы, совершившие преступление, не любят, когда им задают вопросы. Скажи-ка, кто-нибудь, кроме твоего дяди, знает, что ты пошел сегодня сюда?

– Нет, – ответил я. – Хорошо, я это обмозгую, капитан. И обязательно сделаю вид, что ничего не вижу и не слышу. – Я допил остатки пива и поднялся. – Думаю, сейчас мне лучше уйти. Хочу вернуться вовремя и помочь дяде Эму.

Вейс не стал меня задерживать. Он немного торжественно пожал мне руку, когда я прощался. Миссис Вейс вышла в комнату из кухни. Она вытерла руки о передник и тоже пожала мне руку. Сам не знаю почему, я почувствовал, что оказался в глупом положении. Потом она сказала:

– Не позволяйте ему вас уболтать, а то окажетесь замешанным в эту историю, Эд.

– Ну, меня не так-то легко провести, – сказал я.

Возвращаясь назад на ярмарку, я решил, что не буду лезть в это дело. То есть не буду высовываться. Заниматься своими делами – еще не значит принимать сторону убийцы.

В воздухе стоял легкий туман; огни ярмарочной площади слегка мерцали, образуя световой круг радиусом в два километра. Все вокруг в этот тихий вечер казалось нереальным.

Я остановился у центрального входа и впервые рассмотрел его как бы со стороны. Он казался широким, сверкающим и веселым, как врата рая, а всего в десятке шагов от него проходила улица. Я увидел центральную аллею и стоящие вдоль нее балаганы, услышал взвизги, несущиеся со стороны американских горок, грохот барабана зазывалы, старающегося привлечь внимание зевак. Все эти звуки сливались в единый голос – голос ярмарочной толпы. Мне казалось, что я впервые вижу ярмарочную площадь, впервые слышу этот гул. Вокруг меня спешили люди, к центральному входу устремлялась настоящая толпа – более многочисленная, чем в субботние или воскресные вечера, несмотря на туман и угрозу дождя. И эта толпа была прекрасна, у нее был щедро раскрытый карман. Между прекрасной толпой и просто большой толпой существует огромная разница. Но в этот вечер толпа была и прекрасной, и большой одновременно.

Я было направился к центральному входу, но потом передумал и решил пробраться к нашей палатке с задней стороны. Мне нужно было избавиться от тромбона. Я не хотел идти с ним по центральной аллее – тогда любой встречный мог спросить меня, где я на нем играл. Я подлез под боковую стенку нашего балагана, рискуя получить удар бейсбольным мячом прямо в глаз. Но все обошлось. Дядя Эм и Мардж Хогланд занимались делом. Дядя Эм обратился ко мне:

– Разве спектакль уже кончился, Эд?

Я сообразил, что он дает мне понять, как он объяснил Мардж причину моего отсутствия. Я принял игру.

– Я не стал ждать конца. Пьеса так себе.

Дядя Эм тихонько подтолкнул меня в угол балагана, где Мардж не могла нас услышать.

– Я не советовал бы тебе толочься здесь, Эд. Я пообещал Мардж часть выручки, а если ты останешься, она подумает, что я в ней не нуждаюсь и ей пора уходить. Так что двигай отсюда, ладно?

– Хорошо, но...

– Никаких «но». Послушай, Мардж нужны деньги. В последнее время дела у Хоги идут неважно. Кроме того, он проигрался. Сначала он просадил пятьдесят долларов в очко в начале недели, а потом еще шестьдесят долларов – в рамми⁶ вчера вечером и...

⁶ Рамми – вид карточной игры.

– И ты их у него выиграл?

– Шестьдесят долларов выиграл я. Вот я и пытаюсь теперь вернуть часть денег Мардж. Ей нужны деньги хотя бы на карманные расходы. Так что иди с богом!

– Хорошо, хорошо, – сказал я, – только не толкайся!

– Я тебя только подталкиваю. Вот тебе десять центов, пойдя купи себе поесть.

И он засунул что-то в нагрудный карман моей куртки. Я не рассмотрел, сколько там было, но точно знал, что это не меньше чем пятидолларовая бумажка, а никак не десять центов.

– Спасибо, – сказал я. – Надеюсь, ты не будешь скучать, если я уйду?

Он улыбнулся и толкнул меня так сильно, что я чуть не перелетел через прилавок.

Выйдя из нашего балагана, я смешался с толпой, текущей по центральной аллее. Давка была страшная. Меня понесло вместе с потоком, и я очутился у входа в маленькое шاپито. Я застрял, потому что никто в этой толпе не мог двинуться ни в ту, ни в другую сторону. Такое столпотворение мне показалось странным, потому что на эстраде не было зазывалы. Там сидел на стуле Скитс Гири, повернувшись спиной к публике и гордо сдвинув шляпу на затылок. В двух кассах направо от эстрады шла бойкая торговля входными билетами. Зазывала тут был явно не нужен. Кто-то толкнул меня локтем под ребро. Я обернулся и увидел тетку необъятных размеров. Она была моего роста, но весила втрое больше. Тетка шумно дышала.

– Извините, сэр! Господи, какая давка! Нас вытолкнуло к кассам.

Я спросил:

– Что здесь происходит? Я не вижу зазывалы. Почему здесь такая толпа?

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего.

– Но здесь же убили карлика! Вы что, не читали газет?

– Конечно, но...

– Говорят, они подняли плату за вход в два раза. Вы не знаете, это правда? Даже если так, все равно стоит посмотреть. Моя сестра говорит, что они показывают нож с засохшей кровью, место, где нашли труп, и все такое. Можно даже получить фотографию трупа, но это за отдельную плату...

– О господи! – вырвалось у меня.

Я повернулся к ней спиной и, работая локтями, попытался выбраться на свободу. Подойдя к палатке с прохладительными напитками, я выпил стакан лимонаду, стараясь избавиться от противного вкуса во рту. Расплачиваясь, я достал купюру, которую дядя Эм вложил мне в карман. Мне хотелось разменять ее и переложить в портмоне, где лежали все мои деньги.

Прежде всего, там оказалась не одна купюра, а две десятидолларовые бумажки, то есть двадцать долларов. «У дядя Эма неплохо пошли дела», – подумал я.

На какой-то момент эти деньги вызвали у меня чувство омерзения. Но потом я одумался. Ведь дядя Эм не был виноват в том, что вчерашняя смерть помогла ему подзаработать несколько долларов сегодня вечером! У него не было причин закрывать балаган только потому, что клиентов было больше, чем обычно. Разве можно сравнивать его со Скитсом Гири, который слизывал пенки с этого события!

Потом я немного погулял по центральной аллее, стараясь не подходить близко к нашему балагану. Когда я переходил через рельсы одного из аттракционов, служитель громко меня окликнул, но, узнав, приветственно помахал рукой. На какой-то момент я задержался около зазывалы, скликавшего на представление негритянского балагана. Я с умилением смотрел, как Негро, маленький семилетний чудо-чечеточник, помогал ему, выделявая замысловатые па. Он был просто очарователен.

Когда Негро убежал в балаган, я ушел. На всех представлениях было полно народу. Самые убогие развлечения пользовались небывалым успехом. Все гребли деньги – даже я,

если принять в расчет двадцать долларов, которые всучил мне дядя Эм. При таком стечении народа ярмарка могла работать до часу ночи, выручая тысячи долларов. И это в будний день, когда на дворе стояла сырая погода!

«Если убитый карлик был циркачом, – подумал я, – то его смерть пошла во благо его собратьям».

Глава 4

Перед палаткой с «живыми картинами» собралась толпа. Рита вместе с четырьмя другими девушками стояла на эстраде рядом с зазывалой. Все девушки были одеты в купальные халаты.

Зазывала орал в микрофон. Это был Чарли Вилер. Он принадлежал к старой гвардии конференсье, непривычных к усилителям звука. У него не укладывалось в голове, что, имея в руках микрофон, не было никакой надобности надрывать глотку.

Рита была накрашена чрезмерно, впрочем, как и остальные девушки. Она была самой молодой и красивой. Я попытался привлечь ее внимание, но она меня не заметила. Наконец Чарли кончил вопить; он сделал знак девушкам, и те прошли в балаган. Зазвучала музыка. Чарли знал свое дело – многие из зевак поспешили вслед за девушками.

А я так и остался стоять у входа, горя желанием войти. Одновременно я был рад, что не могу этого сделать. Еще раньше, когда я только начинал работать на ярмарке, дядя Эм рассказал мне о здешних порядках. Это может показаться странным, но, если поразмыслить хорошенько, понимаешь, почему существует запрет. Я хочу сказать, что сами циркачи никогда не ходят на представления «живых картин». Девушкам наплевать, когда они позируют обнаженными перед всякими болванами с улицы. На них они не обращают внимания: это посторонние, их и за людей-то не считают. Все представление как бы обезличено.

Однако знакомым девушек неприлично рассматривать их на сцене. Это считается проявлением нездорового любопытства – чем-то вроде заглядывания в окна фургона или в замочную скважину. Можете считать это полным идиотством, но, если подумать хорошенько – так и должно быть.

Я помыкался какое-то время у входа, соображая, куда можно повезти Риту после представления. У меня, черт возьми, не было машины. Я подумал, что если бы Хоги еще разок одолжил мне свою, то это было бы замечательно. Я не хотел просить – но, может быть, он предложил бы сам.

В фургоне Хоги горел свет. Если я постучу, надо будет войти. Однако что-то меня удерживало. Не могу объяснить почему, но у меня было чувство, что входить не следует.

Но тут я сказал себе, что все эти предчувствия не стоят выеденного яйца, и толкнул дверь; Хоги прокричал, что я могу войти. Со времени моего первого посещения Мардж успела навести порядок в фургоне: Хоги сравнивал ее хозяйственную деятельность со шквалом. Но самого Хоги этот шквал не коснулся. Он сидел на прежнем месте, втиснувшись между столиком и стеной. На сей раз перед ним стоял не кофе, а пустая на три четверти бутылка виски. Я в жизни не видел его таким пьяным. То есть он еще владел собой, но по глазам и обмякшему телу было видно, что он порядочно набрался. Он сказал:

– Присядь, Эд. Пойди возьми стакан и выпей со мной.

Он выражался четко, однако чувствовалось, что он прилагает усилия, чтобы выговаривать слова. Мне не хотелось пить с ним, но все же я пошел за стаканом.

– Совсем немножко, – сказал я, когда он начал наливать мне виски. – Не больше наперстка.

Наперсток по понятиям Хоги вмещал больше, чем фляга. Он наполнил мой стакан почти доверху.

Я сказал: «За здоровье Сьюзи!» – и отпил глоток. Присоединившись к тосту, Хоги выпил вместе со мной. Потом он откинулся назад и стал меня разглядывать помутневшими глазами. Думаю, что, если бы я не знал его так хорошо, я бы испугался его взгляда. А может, я и вправду испугался. До этого вечера я не знал, что он пьет в одиночку. Помолчав немного, я набрался храбрости, отхлебнул немного из стакана и спросил:

– Так как она поживает, Хоги? Я имею в виду Сьюзи?

– Боюсь, что она помирает, Эд. Видит бог, я сделал для нее все, что мог.

– Действительно, тебе не везет.

– Я переживаю не из-за денег, нет. Мне наплевать, что я потеряю сто пятьдесят долларов; когда я ее покупал, я знал, на что иду. Я понимал, почему ее продают дешево. Но, господи боже мой, я к ней так привязался!

Я приподнялся с места; мне хотелось посмотреть на Сьюзи. Но Хоги меня остановил:

– Не беспокой ее, Эд. Я дал ей успокоительное, оно начало действовать.

– Да, конечно, – сказал я и снова сел.

Я не знал, как приступить к разговору о машине. Я взял свой стакан виски и на сей раз осушил его залпом. В горле у меня жгло, во рту был омерзительный вкус, но я был слишком самолюбив, чтобы побежать за водой.

Обретя вновь дар речи, я спросил:

– Рита вернется сюда вечером после представления?

– У нее свидание.

– Что?

Он посмотрел на меня и усмехнулся. Потом взял бутылку и, не ожидая моего согласия, налил мне еще стакан.

– Ты никогда не слышал, как я рассказываю анекдоты, Эд? Если полиция не запретит мой номер в Саут-Бенд на следующей неделе, приходи послушать, ты поймешь, что с тобой происходит... Черт возьми, мне очень жаль, Эд. Вообще-то это меня не касается. Смотри на все проще. У Риты шашни с одним типом. Он банкир из Эвансвилля.

Я вспомнил, что Рита посещала банк, когда мы были с ней в городе. А я – то думал, что у нее там дела!

Глаза Хоги вновь подернулись дымкой.

– Для тебя будет лучше, если ты оставишь всякие мысли насчет Риты. Эта девочка далеко пойдет! Она умеет отличить доллар от клочка бумаги! Только пойми меня правильно, Эд: она хорошая девка! Я ее знал, когда она еще бегала с косичками. Это, кстати, было не так давно. Ей сейчас примерно лет восемнадцать-девятнадцать. Но она довольно быстро выправилась после той скотской жизни, которую вела в детстве.

– Вот как! – сказал я в надежде, что он продолжит. Не знаю почему, но мне хотелось, чтобы он говорил дальше.

– Ее мать умерла, когда ей было двенадцать лет. Это случилось лет шесть-семь назад. Ее папаша, Говард Вейман, был одним из моих старых приятелей. Хороший мужик, пока не пьян, а набирался он частенько. Рита терпела до пятнадцати лет, а потом ушла из дому – если можно назвать домом тот хлев, где она жила со своим стариком.

– А что она делала все это время? – спросил я.

– Стучалась в разные двери. Работала в разных заведениях. Какое-то время была танцовщицей, пока не заметили, что она несовершеннолетняя – в шестнадцать лет она казалась двадцатилетней. Но потом она заболела. Несколько недель назад, еще в больнице, она прочитала обо мне в «Билборде» и написала мне. Вот так она сюда прибилась.

– О господи! – воскликнул я.

– Но она здесь долго не задержится. Она слишком привлекательна, чтобы оставаться девушкой с ярмарки. Кроме того, она честолобива. Вот увидишь, она еще сорвет крупный выигрыш!

– Банкир из Эвансвилля еще не крупный выигрыш.

– Он всего лишь этап на ее пути. Во всяком случае, Эд...

– Хорошо, – сказал я. – Повторять не надо. Я могу понять намек, особенно когда намекают так прозрачно.

– Хочешь еще стаканчик?

На этот раз я не стал упорствовать и предупреждать, что не буду пить много. Он мне

налил сразу целый стакан.

– Не мое это дело, Эд, но ты хороший парень, и мне не хотелось бы, чтобы у тебя были неприятности.

– Давай оставим эту тему, Хоги. Послушай, я вовсе не влюблен в Риту и влюбляться не намерен. Она шикарная девушка и очень мне нравится. И давай не будем об этом больше говорить.

Я взял свой стакан, и мы выпили еще. Я хлебнул сразу так много, что пришлось побежать за водой. Хоги расхохотался.

– Эд, я и забыл, что ты еще не привык к выпивке. Давай лучше остановимся, а то Эм задаст мне перцу.

Я глотал воду, пока он говорил эти слова. Потом я сделал глубокий вдох и вознес господа молитву, чтобы виски осталось там, куда я его послал, и чтобы меня не разорвало изнутри. Улыбнувшись Хоги, я пробормотал:

– Пожалуй, будет лучше, если я не стану допивать этот стакан. Спасибо тебе, но я воздержусь.

Выпив еще немного воды, я поставил стакан на место.

– Ну, я пошел, Хоги! До завтра!

Когда я вышел, он прокричал мне вслед:

– Держись подальше от деревьев и столбов!

Я направился к центральной аллее самым коротким путем и все же ухитрился растянуть ногу в щиколотке, споткнувшись о колышек. Но, думаю, в этом была виновата темнота, а не виски. Однако выпитое давало о себе знать. Хоги заставил меня глотнуть в шесть – семь раз больше, чем я обычно себе позволял. Я изо всех сил старался держаться прямо, однако меня так и кидало из стороны в сторону.

Собрав волю в кулак, я еще мог контролировать себя физически. Но морально я был совершенно подавлен. Казалось, тот факт, что Рита гуляла с кем-то на стороне, не должен был меня удивлять; она была со мной достаточно откровенна в ту ночь, когда мы познакомились.

Я побрел к фургону Ли Кэри, который находился за балаганом с уродами. Фургон не был освещен. Я постоял там какое-то время, размышляя, нужно ли мне заходить. Кэри не раз говорил мне, что, если я захочу послушать музыку, его проигрыватель всегда к моим услугам.

И тут сзади раздался его голос:

– Привет, Эд! Господи, какой вечер! Заходи!

Он, видимо, вылез из-под бокового полотнища балагана, пока я стоял перед фургоном. Затем он вошел к себе, и я последовал за ним.

– Много было народу? – спросил я.

– Жуткая толпа!

Он вытер рукой лоб, на котором блестели капли пота.

– Скитс прямо обалдел. Ему хочется пропустить их как можно скорее, чтобы могли войти следующие. Он дает представление каждые десять минут. Мне осталось всего восемь минут на отдых. Хорошо бы пропустить стаканчик!

Он направился в крохотную кухню в глубине фургона.

– Если хочешь, поставь музыку, Эд. Мне надо прийти в себя.

– Хорошо. Но что тебе поставить?

– Что-нибудь пободрее.

Я выбрал «Болотные огни» из альбома Джимми Дорсея. Когда заиграла музыка и Ли услышал, что я поставил, он прокричал:

– Браво, парень!

Кэри вернулся с двумя стаканами в руках. Мне совсем не хотелось пить, но я не мог ему отказать. Мне следовало подумать об этом раньше. В стакане была такая же порция, как у Хоги.

Я поблагодарил и поставил стакан на маленький столик возле проигрывателя.

– Ярмарке приходит конец, Кэри. Все пьют из стаканов, а не из горла. Даже Хоги.

– Ну, я могу позволить себе лишний стаканчик: я сегодня неплохо подзаработал, приятель. Ты знаешь, сколько карточных трюков я проделал сегодня вечером? Почти две дюжины, да еще по пятьдесят центов каждый вместо двадцати пяти.

– Потрясно, – восхитился я.

Он проглотил содержимое своего стакана, не обратив внимания на то, что я не притронулся к выпивке.

– Ну, как дела, Эд? Все в порядке?

– Конечно!

– У тебя какие-то странные глаза. Но может, это мне только кажется.

Кэри посмотрел на часы:

– Еще четыре минуты. Можно еще посидеть.

И он рухнул на стул.

«Болотные огни» кончились, и я поставил другой диск. Потом взял свой стакан и отхлебнул чуточку виски. Когда я ставил стакан обратно на стол, то чуть не опрокинул его, потому что поставил на какой-то маленький предмет, лежавший в тени проигрывателя. Я отодвинул стакан и взял в руки этот предмет.

Это был непарный кубик для игры в кости, сделанный из прозрачного красного пластика. Я начал искать второй кубик, но не нашел.

Кэри видел, как я его взял.

– Я их купил вместе со стаканчиком, но второй потерялся. Оставь его себе, если хочешь, или выброси.

Я и сам не знал, на что мне сдался этот кубик, но поблагодарил и положил его в карман куртки.

Пластинка кончилась. Кэри встал и потянулся.

– Я возвращаюсь обратно. Можешь остаться и послушать пластинку. Возможно, я буду заскакивать время от времени между представлениями. Налей себе еще стаканчик!

– Хорошо. Передай мои наилучшие пожелания Скитсу Гири.

Он вышел; я порывлся в дюжине альбомов рядом с проигрывателем и выбрал альбом Гарри Джеймса, раннего Гарри Джеймса: «Мемфис-блюз», «Спящая девушка» и прочее. Я прослушал всего несколько мелодий, когда обнаружил, что стакан мой пуст. Первым моим побуждением было пойти на кухню и наполнить его, но я решил этого не делать – если хочу вернуться домой, твердо держась на ногах.

Я прослушал еще несколько дисков и почувствовал, что нахожусь в совершенной отключке. Только теперь я понял, что значит быть по-настоящему пьяным. Мне и раньше случалось прилично принимать, но я никогда не доходил до последней черты. И теперь я спрашивал себя, следует ли ее переступить.

Я вынул из кармана маленький красный кубик. Сейчас подброшу его, решил я. Если выпадет маленькое число – двойка или тройка, – больше пить не стану. Но если выпадет пятерка или шестерка – напьюсь мертвецки пьяным. Я потряс кубик в кулаке, но слабо сжал пальцы – маленькая красная штучка выпала из рук. Кубик описал кривую и упал на линолеум. Я услышал, как он стукнулся, но не разглядел, куда именно он покатился.

Чертыхаясь, я выключил проигрыватель. Опустившись на колени, я стал заглядывать под мебель и наконец обнаружил кубик под столом. Мне пришлось лечь на живот, чтобы добраться до него. И только положив его обратно в карман, я вспомнил, что забыл посмотреть, какая выпала цифра.

Ну и черт с ним, подумал я. Я взял свой стакан в кухню и налил вторую порцию виски – на сей раз поменьше. И поскольку рядом никого не было, заранее приготовил стакан воды.

Поставив очередную пластинку, я не спеша выпил второй стакан и – удивительное дело – даже слегка протрезвел. Я с гордостью подумал, что, возможно, смогу пить как

джентльмен – выпивая помногу и никогда не пьянея.

Мне хотелось, чтобы Кэри вернулся, но он не появлялся. Меня распирало от желания поболтать. Теперь я знаю, что это было следствием выпивки, но тогда мне показалось, что я имею сказать нечто чрезвычайно важное. И конечно, по поводу женщин. Но Кэри так и не пришел. Тогда я пропустил еще стаканчик, закрыл фургон и вернулся на центральную аллею.

Я заметил, что обстановка изменилась. Толпа потихоньку редела. И только у эстрады на входе в маленькое шاپито еще толпился народ. Зазывала исчез – в нем не было надобности. Они и так с трудом могли пропустить всех желающих. Однако ажиотаж спадал. Через час можно было закрывать балаган на ночь.

Туман еще сгустился. Каждый из балаганчиков как бы окружал светящийся ореол. Все в этот вечер казалось странным и одновременно чудесным. Деревянные лошадки на маленьких каруселях замерли неподвижно: вокруг уже не толпилась малышня. Карусели первыми закрылись в этот вечер. Я прислонился к будочке кассира и стал размышлять о том, что со мной произошло. Разумеется, я думал о Рите.

Мне хотелось ее увидеть. «А почему бы и нет?» – подумал я. Она такая же шлюха, как и остальные. Она откровенно призналась, что гонится за деньгами, но это еще ничего не значит. И если она встречается с каким-то типом, то почему бы мне не взглянуть, как она полуголая кривляется перед мужчинами? Ведь это меняет дело, не так ли?

Свернув с центральной аллеи, я пошел окольным путем, чтобы не попасться на глаза дяде Эму. Балаган с «живыми картинами» зазывал публику на последнее вечернее представление. Рита стояла на эстраде вместе с остальными девушками, одетая в купальный халат. Из-под купального халата виднелись ее белые стройные ноги.

Она не заметила меня в толпе. Чарли Вилер сделал девушкам знак, чтобы они проходили в палатку, и объявил о «последнем в этот вечер представлении». Представление действительно было последним, потому что он отключил микрофон, пролаяв напоследок несколько прощальных приветствий.

Я подождал, пока он уйдет, и пристроился в хвост очереди в кассу. Я не знал кассира и надеялся, что он тоже меня не знает. Отдав пятьдесят центов, я купил входной билет.

Внутри балагана царил полумрак. Там не было сидячих мест; публика стояла за веревкой, протянутой в двух метрах от сцены. Тряпка, закрывающая сцену, изображала занавес из черного бархата. За кулисами заиграл проигрыватель, подключенный к усилителям. Раздалась томная чувственная музыка, сопровождающая показ «живых картин». Она должна была создавать соответствующее настроение. Через несколько минут занавес поднялся. На сцене появилась первая «живая картина». В ней участвовали две девушки, Риты не было.

«Живая картина» что-то изображала – я уже забыл, что именно. Так или иначе, публику, стоявшую за веревкой, мало заботил ее смысл. На девушках были трусики, усыпанные блестками, и лифчики из прозрачного газа. Закон запрещал им появляться полностью обнаженными. У девушек были прекрасные фигуры.

Они покрутились на сцене секунд пятнадцать, а затем черный занавес упал. Проигрыватель заиграл песенку «Мой ангел», и занавес поднялся, открывая вторую «живую картину». На этот раз на сцене была одна только Рита.

Предполагалось, что она изображала ангела. Она стояла, раскинув руки. Сверкающие крылья, прикрепленные к запястьям и тонкому пояску трусиков, подчеркивали красоту белого прекрасного тела.

Она была так хороша, что у меня перехватило дыхание. Вместо лифчика на ней была пелеринка из белого прозрачного газа, едва прикрывавшая грудь. Пелеринка не только не скрывала, а еще более подчеркивала безупречную красоту двух округлостей. Такое совершенство форм можно увидеть только в музеях у классических статуй. Ее голова была откинута назад, но на какое-то мгновение мне показалось, что она смотрит прямо мне в глаза. Потом я сообразил, что она не может разглядеть меня в полумраке,

отделявшем публику от слепящего света лампы.

Занавес упал. Немного оправившись от волнения, я заметил, что сильно сжимаю кулаки. Когда я разжал руки, то увидел, что ногти оставили на ладонях красные полукружья.

Растолкав группу мужчин позади себя, я быстро выбрался из балагана. Некоторое время я ошалело бродил по центральной аллее, а потом вернулся в фургон Кэри. Всю дорогу я довольно твердо держался на ногах.

Присев на ступеньки фургона, я дожидался возвращения Кэри. Голова у меня не кружилась, но я был явно не в себе. Я понял, что совершенно пьян, потому что мне хотелось плакать. И еще подраться.

Но вдруг мне пришло на ум, что Хоги мог мне соврать. Я не знал, зачем это могло ему понадобиться, но тем не менее он вполне мог меня обмануть. А если у Риты не было свидания с тем типом сегодня вечером? Вообще никакого свидания? Почему я должен верить Хоги на слово?

Я присидел на ступеньках около десяти минут. Несмотря на хмель, я сообразил, что Рита, вероятно, уже переоделась после представления и собирается домой. Я поднялся и быстро пошел по центральной аллее обратно к балагану.

Когда я подошел к входу в артистическую уборную, девушки были еще там. Они весело переговаривались. Среди их голосов был явно различим голос Риты. Я решил остановиться у входа и подождать.

Первой вышла Дарлена, а за ней еще какая-то незнакомая девушка. Через некоторое время появилась Рита. Я бросился ей навстречу и начал что-то бормотать. Но едва я успел произнести ее имя, как она звонко хлестнула меня по щеке. Это была не просто пощечина, а настоящая затрещина. Я пошатнулся от удара, и в ушах у меня зазвенело.

Пока я приходил в себя от удивления и боли, она скрылась между палатками.

Тем временем другая девушка вышла из балагана и позвала меня:

– Привет, Эд!

Я узнал Эстеллу, девушку, которую уже встречал, но был едва с ней знаком; она проработала с нами почти весь сезон. Это была маленькая брюнетка с матовой кожей и хорошенькой миниатюрной фигуркой. Нечто вроде карманной женщины. Девушка была недурна собой и довольно приветлива. Она была старше меня на один – два года.

– Привет, Стелла, – сказал я в ответ.

Она рассмеялась:

– Что это, Эдди? Кажется, я слышала звук пощечины?

Увидев мою реакцию, она закатилась хохотом. Но смех ее звучал дружелюбно. В нем сквозила легкая насмешка, но не злость. Она подошла ко мне ближе.

– Ты что, собираешься держать свечку? У нее сегодня свидание с одним типом. Он самый что ни на есть настоящий банкир.

«Итак, Хоги не соврал», – отметил я. А я так надеялся, что это неправда!

Эстелла снова сказала:

– А вот я не слишком важничая. Может, ты пригласишь меня выпить стаканчик, Эдди?

«А почему бы и нет», – подумал я. У меня было при себе тридцать пять долларов. И я решил заняться Эстеллой.

– Куда пойдем, детка? – спросил я.

Потом взял Эстеллу под руку, и мы пошли к центральному входу. Народ двигался в том же направлении; ярмарка уже закрывалась. Проходя мимо нашего балагана, я увидел, что Эм уже закончил работу. Теперь мне казалось, что я окончательно протрезвел. Только в ушах у меня слегка шумело, и этот шум приглушал другие звуки.

Выйдя с ярмарки, мы потоптались какое-то время на тротуаре. Я оглядывался в поисках такси, но машин не было. И тут Эстелла предложила:

– Всего в квартале отсюда есть неплохой бар. Посидим там немного, а потом

вызовем такси по телефону, когда толпа схлынет. Ты согласен?

– Великолепно, – сказал я.

В баре мы сели рядышком и заказали виски с содовой. Говорила в основном Эстелла: она взяла на себя труд поддерживать беседу. После всего выпитого в этот вечер лишний стаканчик виски не имел значения. Потом я пошел звонить, чтобы вызвать такси. Возвращаясь, я бросил монетку в игровой автомат. Нужно было подождать, и, чтобы занять время, я спросил Эстеллу, не хочет ли она еще выпить. Она покачала головой.

– Давай подождем, Эдди. В моем отеле есть неплохой бар; там мы и выпьем.

Она не добавила «для начала», но плотнее прижалась ко мне. «Симпатичная девчонка, – подумал я. – Мне с ней будет хорошо». Медленно потягивая виски с содовой, я, к своему удивлению, быстро трезвел. Наконец в дверях появился шофер такси, и мы пошли к выходу. На улице еще больше сгустился туман. Эстелла собиралась сесть в такси, но я взял ее за руку и прошептал:

– Послушай, Эстелла, будет лучше, если я тебя отправлю одну. Сегодня вечером я слишком много выпил с Хоги и Кэри, а этот последний стакан виски меня доконал. Я боюсь заболеть. Мне очень жаль, но...

В ответ она сказала:

– Ладно уж, Эдди, не надо врать своей мамочке! Ты просто втюрился в эту блондинку. – Тут она усмехнулась: – Может, мне следовало бы обидеться и дать тебе по физиономии, но, наверное, будет лучше, если я оставлю тебя в покое.

– Мне действительно очень не по себе. Я знаю, что веду себя как последний дурак.

– Это уж точно, – рассмеялась она. – Спасибо за угощение, но я не настолько сердита, чтобы самой платить за такси. Ты его вызывал, тебе и расплачиваться.

Я улыбнулся и подтолкнул ее к дверце машины. Расплатившись с шофером, я еще долго стоял на тротуаре и смотрел вслед задним фонарям, пока они не скрылись в тумане.

Трудно найти второго такого идиота, как я. Сначала мне захотелось вернуться в бар и выпить еще. Но тогда я напился бы до скотского состояния. Одна капля – и я действительно мог бы свалиться. Только этого еще не хватало, чтобы завершить этот поистине чудесный вечер!

Когда я вернулся, в палатке дяди Эма не было. Наверное, он пошел перекинуться в картишки. Я был этому рад. Раздевшись, я скользнул под одеяло. Я не спал, когда он вернулся, но притворился спящим. Впервые в жизни мне не хотелось с ним разговаривать.

Глава 5

На следующий день я проснулся почти в полдень. На улице снова шел дождь. Дядя Эм куда-то исчез. Во рту у меня был омерзительный вкус, и, чтобы прогнать его, я отпил несколько глотков воды из термоса. После этого мне несколько полегчало.

Дядя Эм вернулся, когда я начал одеваться. Он присел на край кушетки и заглянул мне в глаза:

– Как ты себя чувствуешь, малыш?

– Прекрасно.

– А что стало с тем парнем?

– Каким парнем? – удивился я.

– С тем, кто тебе врезал. У тебя опухла левая щека. Думаю, что против такой болезни прежде всего следует принять порцию бекона.

– Каким образом?

– Через рот – вместе с яичницей и картошкой. Ты сразу почувствуешь себя лучше, а после я смогу как следует намылить тебе шею. Ты готов?

Мы пошли перекусить, и я действительно почувствовал себя лучше. Я сидел, согнувшись, на стуле, ожидая, что дядя Эм начнет задавать вопросы. Но он молчал. Я не выдержал и спросил его первый:

– Как ты узнал? Кто тебе сказал – Хоги или Кэри?

– Я не видел ни того, ни другого. Но когда я вернулся вечером в палатку, мне показалось, что нахожусь на винном заводе. Однако по твоему лицу ничего не скажешь, Эд. У тебя, правда, раздулась щека, но это не очень заметно. Кто угощал тебя выпивкой?

– Я сам во всем виноват, – буркнул я. – Сначала меня угостил Хоги, а Кэри не знал, что я уже изрядно принял, и предложил мне выпить вместе с ним. А потом тип по имени Эд Хантер наклюкался в одиночку.

Я ждал, что дядя Эм начнет ругаться, но он, видимо, и не думал этого делать. Тогда я спросил:

– Есть что-нибудь новенькое?

– О чем ты?

– Ну... вообще обо всем.

– Что-то не очень понятно, – сказал дядя Эм. – Так вот, мы снимаемся сегодня вечером, а не завтра.

– В субботний вечер? Но у нас не хватит времени, чтобы добраться до Саут-Бенда! Мы не сможем открыться в воскресенье!

– Так или иначе, нам здесь больше делать нечего. Метеосводка обещает дождь по крайней мере на три дня. Мы ничего не потеряем, если уедем на день раньше. В Саут-Бенде сухо. А если сегодня вечером будет дождь, соберемся заранее и, может быть, сможем открыться после полудня.

– Но как же быть с этим убийством? Разве полиция позволит нам уехать раньше?

– Что значит один день? В конце концов, они не могут задерживать всю ярмарку. Кстати, сегодня утром я видел твоего приятеля, капитана Вейса. Он разговаривал с Мори по поводу отъезда. Он сказал, что пока нет ничего нового и личность карлика еще не установлена. По его мнению, ты хорошо играешь на тромбоне. Я понял, что ты имел у Вейсов успех.

– Он хороший мужик, – сказал я, – хотя и полицейский.

– Да. Теперь о другом. Мардж мне сказала, что Рита уехала в Индианаполис. Она вчера получила телеграмму как раз перед закрытием, – сказал дядя Эм. – Ее отца сбил грузовик, он в тяжелом состоянии, может, даже умирает. Он хотел ее видеть.

– О господи!

Как раз перед закрытием, подумал я; она обо всем уже знала, когда позировала на

сцене, а я к ней приставал, как пьяный идиот. Значит, свидание с банкиром не состоялось; она его отменила. Не знаю почему, но меня это обрадовало. Но наши отношения испортились, и это произошло по моей вине. Не стоило радоваться, что она не пошла на свидание, в наших отношениях это ничего не меняло. Тем не менее я был счастлив.

На улице шел дождь. В ту субботу больше ничего не произошло.

Сразу после полудня, когда дождь уже лил как из ведра, мы снялись с места и начали готовиться к отъезду. В этот день никто не пришел посмотреть на место убийства и окровавленный кинжал. Путешествие до Саут-Бенда было довольно продолжительным, и мы решили ехать не в грузовике, а поездом. Дядя Эм заказал два билета в спальном вагоне. До вечера мы болтались в городе и даже успели сходить в кино. Потом, чтобы убить время, выпили пива и наконец отправились на вокзал.

В поезде мне не спалось: я все время думал о Рите и тосковал. То, что она не пошла на свидание, служило мне некоторым утешением. Я и сам понимал, что это глупо: если бы она искала денег, она нашла бы кучу возможностей и без этого банкира.

А вдруг она все-таки пошла на свидание? Что, если она выдумала телеграмму себе в оправдание? Может быть, она действительно провела воскресенье с этим типом? Кто видел эту телеграмму? Стук колес не давал мне заснуть. Я попытался утешить себя тем, что все это не имеет ко мне никакого отношения. Может быть, в эту минуту она находилась у постели умирающего отца, а может, развлекалась с этим подонком. Что это меняло? Если у меня и был шанс понравиться ей, то я его потерял: теперь она меня ненавидела.

Мне показалось, что я рассуждаю здраво и логично, но ни логика, ни здравый смысл так и не помогли мне заснуть.

Кажется, к утру я все-таки отключился. Когда я проснулся, поезд стоял. Я взглянул на часы: они показывали пять утра. До Саут-Бенда оставалось еще два часа пути. Меня разбирало любопытство, и я поглядел в окно, чтобы узнать, где мы находимся. Я увидел, что мы стоим на вокзале большого города. И тут до меня дошло, что это за город. Я совершенно забыл, что по дороге в Саут-Бенд, который находится на севере штата Огайо, мы должны проехать через Индианаполис. Так это был Индианаполис! И у меня в голове загорелась дикая мысль: схватить свои вещи и сойти с поезда. Потом я как-нибудь объяснил бы свою выходку дяде Эму. У меня было достаточно денег, я догнал бы его чуть позже. Я сорвал брюки с вешалки и начал их натягивать. Но тут поезд вздрогнул и тронулся. Это меня отрезвило. Я понял, что чуть было не совершил глупость. Но эта глупость совершенно прогнала мой сон. Нечего было и думать о том, что удастся опять заснуть. Я оделся и прошел в самый конец поезда на открытую заднюю платформу. Здесь я сел и стал смотреть на убегающие рельсы. Они разлучали настоящее с прошлым. Мы удалялись от Индианаполиса. Это означало, что, может быть, я больше никогда не увижу Риту.

В Саут-Бенде стояла хмурая погода, но дождя не было. Мы приехали на ярмарочную площадь до основного каравана. На сухой площадке уже было размечено местоположение палаток. Грузовики прибыли в десять часов. Мы сгрузили наши вещи и начали устанавливать балаганчик.

В самый разгар работы к нам подошел Мори и ввязался в разговор:

– Мы приехали на день раньше, но мне кажется, что после полудня и к вечеру здесь уже соберется народ. Я организовал рекламу по местному радио. А еще я позвонил в воскресную газету, чтобы они тиснули статейку по поводу нашего приезда. Так что публика будет о нас знать. Только и здесь попахивает дождем! Черт возьми, нам ужасно не везет!

Я спросил у него, не знает ли он что-нибудь о Рите. И сразу понял, что сделал глупость. Она не могла дать о себе знать так быстро.

– О ком ты спрашиваешь? Об этой платиновой блондинке? Нет, пока я ничего не знаю.

Я понял, что веду себя как круглый идиот, но все-таки не удержался от следующего вопроса:

– А та телеграмма, которую она получила, – ее вручил почтальон?

Он посмотрел на меня с усмешкой и ответил:

– Нет, они передали текст по телефону. Секретарша записала, и я сам ее отнес.

Когда Мори ушел, дядя Эм почесал в затылке и спросил, зачем мне понадобилось задавать такие вопросы.

В тот вечер было пасмурно, но мы все же открылись и неплохо заработали. В понедельник тоже. А во вторник полил дождь. Он начался в половине четвертого. Но с утра мы еще немного поработали. Когда же стало ясно, что дождь зарядил надолго, дядя Эм послал меня опустить штору. Пока я дергал за шнур, кто-то окликнул меня сзади:

– Привет, Эд!

Это был Армин Вейс, полицейский из Эвансвилля. Я ответил на его приветствие.

– Мне сейчас надо кое с кем повидаться. Вы еще побудете здесь? – спросил он.

– Конечно, – ответил за меня дядя Эм, который как раз вышел из балагана. – Мы будем у себя в палатке.

– Тогда мы скоро увидимся. Нам удалось установить личность карлика.

Мы окончательно закрыли балаган и прошли в нашу палатку.

Вейс вернулся через полчаса. Он присел на кушетку, но не торопился начать разговор. Тем временем я достал свой тромбон, почистил его, залил масла в кулису и уже собирался убрать, когда он вдруг сказал:

– Лон Стаффолд. Карлика звали Лон Стаффолд. Вы слышали это имя?

Мы переглянулись и отрицательно замотали головой. Вейс продолжал:

– Он жил в Цинциннати. Ему было тридцать шесть лет. Он занимал меблированные комнаты на Вайн-стрит и владел небольшим газетным киоском в городе. Утром он продавал «Инкуайерер», а вечером «Таймс-стар» и «Пост». Когда-то он был бродячим циркачом, но недолго. Это было шесть – семь лет назад. Он ездил в основном по западным штатам. И еще работал в водевильной труппе. Насколько я успел выяснить, он никогда не работал ни на Востоке, ни на Среднем Западе.

Дядя Эм спросил:

– А кто дал знать об его исчезновении?

– Его квартирная хозяйка. Это тоже бывшая цирковая артистка, работала в комических труппах. Во всяком случае, она постоянно читает «Билборд»; там она наткнулась на статью об убийстве. Хотя в газетах Цинциннати тоже было помещено сообщение, их она не читала. Вот почему она не откликнулась сразу: «Билборд» выходит раз в неделю. Она сообщила в полицию Цинциннати. Описание совпадает.

– Она имеет хоть какое-то представление о мотивах убийства или о том, кто мог это сделать? – спросил дядя Эм.

Вейс пожал плечами:

– Она ничего не сообщила местной полиции. Я еду в Цинциннати, чтобы встретиться с ней. Мне пришлось сделать крюк и заглянуть сюда, потому что надо было узнать вашу реакцию на имя Лон Стаффолд. Иначе мне не с чем будет появиться в Цинциннати. Пока я еще ничего не выяснил.

Он поднялся с кушетки и обернулся в мою сторону:

– А тебе удалось что-нибудь узнать, Эд?

Я отрицательно покачал головой.

– Странное дело! Стаффолд покинул Цинциннати десять дней назад. Найден мертвым на вашей ярмарке в четверг вечером, то есть пять дней назад. Что он делал остальные пять дней? Если мы это узнаем, у нас будет за что зацепиться.

– Как насчет стаканчика? – предложил дядя Эм.

– Пожалуй, я не прочь выпить. Это меня подбодрит. Отсюда чертовски далеко до Цинциннати.

Дядя Эм достал три кружки и бутылку. Мне он налил немного меньше, чем себе и Вейсу. После того как мы выпили, Вейс сказал:

– Он продал свой киоск и выручил за него двести долларов. Это значит, что после возвращения он не собирался опять торговать газетами, иначе он просто отдал бы его в аренду. У него не было намерения возвращаться к этой работе, это ясно. Но он оставил за собой комнату и даже заплатил за две недели вперед. Он дал понять хозяйке, что у него будут деньги, но происхождение этих денег окутано тайной.

– Полиция в Цинциннати хорошо на вас поработала, – заметил дядя Эм.

– Не они откопали эти сведения. Я разговаривал с хозяйкой вчера по телефону. Это некая миссис Червински, вдова. У нее по телефону приятный голос.

При этих словах дядя Эм широко улыбнулся, но тогда я не понял почему. Затем он сказал:

– Еще стаканчик, капитан?

– Нет, мне пора бежать. Послушай, Эд, я еду на машине. Вы все равно не будете работать в такой дождь. Может, поедешь со мной?

Но я отказался:

– Нет, спасибо, капитан. У меня другие дела.

– Ладно, Эд. Оставайся чистеньким. Но держи ухо востро.

– Хорошо, – сказал я.

После его ухода я все время спрашивал себя, почему я не согласился его сопровождать.

Вечером, когда я ужинал в кафе, я встретил Чарли, зазывалу из «живых картин». Я подсел к нему и небрежно спросил:

– Есть какие-нибудь новости о Рите?

Он покачал головой:

– А откуда им взяться? – Он откусил кусок сэндвича, медленно прожевал его и сказал: – Господи, она и не собирается возвращаться.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, я предполагаю. Но я прав. Послушай меня, Эд!

– Я тебя слушаю.

– Забудь эту блондинку. Это в твоих же интересах. Ты хотел бы ее заполучить, но, уверяю тебя, не ты один сходишь по ней с ума. Только она ведь хочет денег. Здесь нет никого, кто был бы для нее достаточно богат. У меня есть для тебя идея: маленькое шапито собирается пригласить татуированную женщину. Ею стоит заняться. Во время бессонницы ты сможешь рассматривать картинки хоть всю ночь.

– Да, конечно, – сказал я. – Именно так я и сделаю.

На следующий день, в среду, опять шел дождь. Дядя Эм отправил меня в город, и я успел посмотреть три фильма. В четверг после полудня слегка просветлело, но дела шли плохо. А к вечеру опять посыпал мелкий дождь. Мы не стали открывать балаган. А те, кто открылся, ничего не заработали.

От скуки я попытался поупражняться на тромбоне, но вместо музыки у меня получался визг и скрежет.

– Ради всего святого, прекрати, Эд! – взмолился дядя Эм.

– Да, я знаю, что играю отвратительно. Сейчас я его уберу.

– Я говорю не о тромбоне. Речь идет о тебе, Эд. Что, в конце концов, произошло? Ты не хочешь говорить?

– Думаю, что нет.

Он прекрасно знал причину моего настроения. Врать было бесполезно, но у меня не хватало духу сказать ему всю правду.

– Малыш, я не могу видеть, как детеныши молча страдают, – сказал он. – Кубышка у нас полна. Надевай свой праздничный костюм. Ты в нем похож на юного киногероя. Выпроси у меня двадцать долларов, а потом можешь уйти куда-нибудь и напиться. Если

ты вывалиешь свой костюм в грязи, я не буду в претензии.

– Я не могу вывалиться в грязи, – ответил я. – И не могу напиться пьяным, это мне не поможет.

Он вздохнул:

– Этого я и боялся. Я думал, что хватит двадцати долларов. Но вижу, что придется пожертвовать сто.

Он не шутил. Вытащив пачку денег, он начал отсчитывать бумажки, откладывая их на кушетку. Банкноты в пять, десять, даже двадцать долларов. Когда в кучке набралось сто долларов, он остановился.

– Этого хватит?

– А зачем мне столько?

Тут он взорвался:

– Ты сам знаешь зачем! Ты должен узнать, что произошло, и как-то выкарабкаться из этой истории. Но возьми себя в руки! Поезд отходит вечером, ты еще можешь успеть.

– Ты хочешь сказать, что я должен поехать в Индианаполис?

Он фыркнул:

– Можешь поехать хоть на Марс – с пересадкой в Патагонии.

Он поднялся и вышел, оставив деньги на кушетке.

Какое-то время я тупо разглядывал денежную кучу, а потом засунул их в портмоне. Вместе с теми, что у меня оставались, я располагал суммой в сто двадцать два доллара. Никогда в жизни у меня не было столько наличных денег. Я чувствовал себя просто богачом.

Я начал медленно одеваться. Но потом сообразил, что, не зная, когда отправляется поезд, могу опоздать, – и заспешил как сумасшедший. Я не знал также, сколько продлится мое путешествие и какая одежда может мне понадобиться. Поэтому я побросал в чемодан без разбора рубашки, носки и все, что попало под руку.

Дядя Эм наверняка отправился в игорную палатку. Ему не понравилось бы, если бы я пошел туда прощаться на людях. Поэтому я черкнул ему несколько строк:

«Чертовски благодарен. Буду держать тебя в курсе». И приколот записку к его подушке.

Я ушел с ярмарки, ни с кем не попрощавшись. Мне так не терпелось поскорее попасть на вокзал, что я прыгнул в такси. Но когда я туда приехал, обнаружилось, что до отхода поезда оставалось еще целых два часа.

Благополучно сев на поезд, я начал размышлять над сложившейся ситуацией. Можно было действовать в трех направлениях: больницы, газеты, полиция. Если в прошлую пятницу действительно произошел несчастный случай, в результате которого пострадал некто по фамилии Вейман, я мог бы узнать о нем из одного из этих источников. Но обращение в полицию было крайней мерой: мне пришлось бы слишком много объяснять.

Было почти два часа ночи, когда я сошел с поезда. Вокзальный газетный киоск был открыт, но там не осталось старых номеров местных газет. Я разменял один доллар и направился к телефонной кабине. В телефонном справочнике Говард Вейман отсутствовал. Вообще-то я не очень надеялся его там найти. По описанию Хоги, Вейман был старым бедным вдовцом; вряд ли у него на квартире был телефон, зарегистрированный на его имя. Он был из тех, кто жил в меблированных комнатах или дешевых гостиничных номерах.

Количество больниц привело меня в отчаяние. Мне хотелось что-то предпринять, прежде чем я начну обходить их все по порядку. Я решил позвонить в госпиталь «Скорой помощи»: мне казалось, что там у меня было больше шансов найти того, кого я искал.

– Вейман у нас не значится, – ответил мне женский голос.

– Но может быть, он уже выписался. Его должны были доставить в прошлую пятницу после автомобильной катастрофы. Посмотрите, если вас не затруднит...

– Подождите минутку, пожалуйста!

Я довольно долго ждал у аппарата, но наконец голос ответил:

– Действительно, в прошлую пятницу к нам привозили некоего Говарда Веймана. Но в воскресенье его перевели в частную клинику «Пайнлоун-госпиталь».

– Спасибо. Я правильно понял, кто-то позаботился о его переводе в частную клинику?

– Вероятно, так оно и есть. Мы занимаемся исключительно срочными случаями. Как только пациент становится транспортабельным, мы рекомендуем госпитализацию в другую больницу, если это возможно.

Тогда я спросил:

– Этим переводом занималась его дочь?

Голос в трубке на какое-то мгновение заколебался. Тогда я поспешил добавить:

– Я ее друг, но я нездешний. Единственный способ связаться с ней – это найти ее отца.

Моя собеседница, видимо, решила, что ничем не рискует. Она сказала:

– Согласно картотеке, делами занималась некая Рита Вейман. Она не упоминала об их родственных связях и не оставила адреса. Возможно, ее адрес имеется в «Пайнлоун-госпиталь».

– Большое спасибо, – сказал я.

У меня оставалось девятнадцать монеток по пять центов. Затем их осталось восемнадцать, потому что я позвонил в «Пайнлоун-госпиталь». Состояние Говарда Веймана, ответили мне, было хорошим. Это была единственная справка, какую мне удалось получить, за исключением времени приема посетителей. Больных можно было посещать каждый день с двух до четырех часов. Адреса Риты они мне не сообщили. И тем не менее два телефонных звонка, которые я сделал среди ночи, дали мне гораздо больше, чем я ожидал.

Я решил дожидаться дня и пойти напролом. Я мог встретиться с Ритой самое позднее во второй половине дня, в часы приема посетителей. Если она приехала в этот город только из-за отца, она ходит навещать его в больницу каждый день.

Я снял комнату в плохонькой гостинице напротив вокзала и лег спать, предварительно попросив, чтобы меня разбудили в десять часов.

На следующее утро после завтрака я отправился в редакцию местной газеты и добыл там воскресный утренний номер. Я подробно его просмотрел и наконец наткнулся на то, что искал. Это было простое сообщение в колонке местных новостей:

ПОПАЛ ПОД ГРУЗОВИК

Говард Вейман, 53 лет, проживающий в доме 430 В по Эймори-стрит, получил серьезные ранения в восемь часов вечера в пятницу. Вейман, сбитый мебельным фургоном на пересечении Эймори-стрит и Блэйн-стрит, был немедленно доставлен в больницу «Скорой помощи». Шофер грузовика пока не найден.

Я взял такси и направился по адресу 430 В, Эймори-стрит. Этот дом оказался трехэтажным кирпичным зданием, занятым дешевыми меблированными комнатами. На одном из окон первого этажа красовалось объявление: «Свободных мест нет».

Входная дверь не была закрыта; я вошел в коридор. По моим прикидкам он должен был привести меня в комнату, на окне которой помещено объявление. Женщина, облик которой вполне соответствовал окружающей обстановке, открыла мне дверь. Я снял шляпу и сказал:

– Мне стало известно, что мистер Вейман находится в больнице. Не могли бы вы мне сказать, как он себя чувствует?

– Насколько я знаю, довольно погано. Какое-то время он находился между жизнью и смертью, но, думаю, он выкарабкается. Им было сказано, что он вернется, но никто не может сказать когда.

– Кому это «им»? – спросил я.
– Ну, тем, с которыми он работает в строительной компании. Ведь вы же пришли от них?

– Нет, я один из его друзей.

Она не могла в это поверить и долго буравила меня злыми глазками.

– Сдается мне, что вы все врете, – сказала она.

Я улыбнулся.

– Точнее сказать, я друг его дочери Риты.

Тут она мне поверила и кивнула.

– Она здесь была. В прошлое воскресенье. Заплатила за комнату вперед и велела оставить ее за Вейманом. Хорошая девушка.

Холодок в наших отношениях с хозяйкой был преодолен. Я уже чувствовал себя почти членом семьи. Она открыла дверь и отошла в сторону.

– Можете войти!

Я вошел в тесную комнатенку и увидел неубранную постель, раковину, заполненную грязной посудой, и стол, покрытый простой клеенкой. Хозяйка проковыляла вслед за мной и села на стул около окна. Я взял стул, стоявший около двери. Шляпа мне мешала, и я уже было собрался бросить ее на кровать, но вовремя удержался. Пришлось положить ее на колени.

– Мне хотелось бы, чтобы вы мне дали здешний адрес Риты, – сказал я.

Она опять недоверчиво взглянула на меня:

– Вы же сказали, что вы один из ее друзей.

– Так оно и есть. Я приехал с ярмарки. Она вам сказала, что работает на ярмарке?

Хозяйка молчала. Тогда я добавил:

– Ее срочно вызвали сюда телеграммой, когда с Вейманом произошел несчастный случай. Она даже не знала, где ей придется остановиться. Я приехал в Индианаполис по делам. Мне нужно с ней повидаться, и я подумал, что смогу узнать ее адрес только через ее отца.

– Ничем не могу помочь. Она не сказала, где будет жить. Правда, она что-то говорила про гостиницу, значит, ищите там. Думаю, вы сможете встретиться с ней в «Пайнлоун-госпитале». Она отвезла своего старика туда.

– Великолечно. Большое спасибо.

Я почувствовал, что больше ничего здесь не добьюсь, и поспешил уйти.

Вернувшись в холл своего отеля, я просмотрел список всех городских гостиниц, зарегистрированных в телефонном справочнике. Их было изрядное количество, но тем не менее я начал методично их обзванивать. Время приближалось к полудню. Скоро можно сделать визит в госпиталь.

Я приехал туда без четверти два.

«Пайнлоун» оказался великолепной больницей. Однако было не совсем понятно, почему ей дали такое название⁷. На лужайке не было никаких елок, потому что и лужайки-то не было. Это было трехэтажное здание с окнами на улицу.

Прислонившись к дереву напротив больницы, я начал наблюдение. Я решил ждать Риту до трех часов.

«Если она не явится до этого времени, выдам себя за знакомого, интересующегося здоровьем Веймана, и попытаюсь добыть ее адрес в бюро госпиталя, – решил я. – Хватит звонить по телефону, надо действовать напролом».

Но мне не пришлось долго ждать. Часы показывали десять минут третьего, когда у входа остановилось такси. Это была Рита. Я перешел улицу, пока она расплачивалась с шофером.

⁷ Пайнлоун – в переводе с английского «словая лужайка».

– Привет, Рита, – сказал я, и она обернулась.

Она явно очень удивилась, но предпочла сделать вид, что ничего особенного не произошло.

– Привет, Эд, – ответила она таким непринужденным тоном, как будто у нас было назначено свидание.

– Как дела у твоего отца? – спросил я.

– Не очень хорошо, Эдди. У него внутренние повреждения и в придачу сотрясение мозга. Они не сразу это определили. Его прооперировали еще вчера. Они полагают, что операция прошла удачно, но полной уверенности пока нет. Не знаю, смогу ли я увидеть его сегодня. Ведь после операции прошло очень мало времени.

– Рита, я так огорчен...

– Пойдем, Эдди! Посмотрим, что там происходит.

Мы поднялись по ступенькам и вошли в холл. Я ждал, пока она разговаривала с медсестрой через окошко. Через некоторое время она вернулась ко мне.

– Ему лучше, но он сейчас спит. Доктор сказал, что следует отложить все посещения до завтра. Пойдем!

И она взяла меня за руку.

– Разумеется! Зачем торопиться? – сказал я.

– Такси стоит у входа. Я предупредила шофера, что, возможно, не смогу увидеть отца, он согласился подождать.

Действительно, такси стояло у входа. Когда машина двинулась к городу, я обнял Риту одной рукой. Она крепко прижалась ко мне и спросила:

– Зачем ты сюда приехал, Эдди?

– Ты сама знаешь зачем.

– Да, думаю, что знаю. Но тебе не следовало этого делать. Тем хуже для тебя, Эдди. Я усмехнулся.

– Я не слышал от тебя более приятных слов, Рита. Ругай меня, мне это нравится.

Потом я обнял ее еще крепче и спросил:

– Ты любишь меня хоть немножко, Рита?

– Что такое любовь?

– То, что я сейчас чувствую.

Она отодвинулась и посмотрела мне в глаза:

– Мне кажется, ты просто чувствуешь зуд в одном месте.

– И это тоже. Но эти две вещи всегда идут рядом. И когда они обрушиваются на человека, он чувствует себя очень несчастным.

– Я тоже была несчастна, Эдди. Но мне нужна не любовь, а деньги. Целая куча денег. Мне нужен миллион долларов. У тебя его нет и никогда не будет. Ты для этого слишком хороший парень.

Я рассмеялся:

– А разве хороший парень не может добыть себе миллион?

Она приняла эти слова всерьез.

– Может, и найдется хороший парень, который в состоянии это сделать, но только не ты, Эдди. Скажи честно, ты можешь представить себя миллионером?

– Нет, – откровенно признался я. – Думаю, ты права, мне никогда этого не добиться. А ты-то что будешь делать с миллионом, если он у тебя появится?

– Что я буду делать? – Тут она расхохоталась. – У меня будет свой дом, шикарная одежда, драгоценности, меха...

– А в этом доме найдется местечко для меня?

– Моему мужу это не понравится. Но я смогу найти тебе квартиру на стороне и платить за нее. И тогда два – три раза в неделю...

– Восемь раз в неделю, – сказал я. – Каждый день и дважды в воскресенье.

– Если мой муж мне это позволит. Ведь ты же не думаешь, что я говорю серьезно,

Эдди?

– Если ты говоришь серьезно, то лучше замолчи.

– Тогда заставь меня замолчать!

Именно это я и сделал: я заставил ее замолчать и прочувствовал этот поцелуй всеми клеточками своего тела. Раньше со мной ничего подобного не происходило. У меня кружилась голова, когда мы наконец оторвались друг от друга. В этот момент такси остановилось у подъезда отеля.

Мы пересекли холл и направились в гриль-бар. Когда мы сели за столик, Рита спросила:

– Ты голоден, Эдди?

– Да, но не в смысле еды!

– Замолчи, пожалуйста, официантка может услышать. А я хочу есть: сегодня я не успела даже позавтракать.

Она заказала себе жаркое с гарниром, а мне кофе и кусок пирога. Когда официантка отошла от нашего столика, Рита нахмурилась и спросила:

– Зачем ты приходил смотреть «живые картины»?

– Я знаю, что не должен был этого делать. Но я немного выпил и потерял контроль. Хоги сказал, что у тебя свидание с каким-то типом – я не мог этого допустить. Мне было наплевать на то, что обо мне подумают, – я должен был тебя увидеть! А теперь можешь оторвать мне голову – я вполне этого заслуживаю!

– Ладно, Эдди, забудем! Но никогда больше не делай этого, вернусь я туда или нет. – Тут она улыбнулась. – Особенно когда там находится Эстелла. Ты ей очень нравишься, Эдди. Она уже пыталась тебя подцепить?

– Нет.

– Ну так попытается.

– Ты вернешься на ярмарку, Рита?

– Я сама еще не знаю. Мне не очень-то нравятся эти «живые картины».

– Мне тоже. То есть я хочу сказать, что мне не нравится, что ты там работаешь. А ты не можешь заняться на ярмарке чем-нибудь другим?

– Чем? Демонстрировать танец живота?

– Черт возьми, ты же знаешь, что я имею в виду!

– Я знаю, что ты имеешь в виду. Но тебе придется к этому привыкнуть. Природа создала меня актрисой, танцовщицей или еще чем-то в этом роде. Прекрасное тело и мало мозгов.

– Сколько будет дважды два?

– Пять. Вот видишь, какая я, Эдди!

– Ну хорошо, я не буду больше об этом говорить.

Официантка вернулась с нашими заказами. Пока Рита ела, я пил кофе и рассматривал ее. Она была прекрасна, даже когда жевала. В тот момент я чувствовал себя самым везучим человеком на свете. Я только немного боялся спугнуть удачу, откровенно смакуя свое счастье. Я не промолвил ни слова, пока она не кончила есть. И тогда я спросил:

– А что теперь, Рита?

– А теперь мы едем на вокзал. Ты должен вернуться.

– Я должен вернуться? Но ведь я только что приехал! Я хотел бы остаться до тех пор, пока не выяснится, что твой отец пошел на поправку. Как только он будет вне опасности, мы вернемся вместе.

– Нет, Эдди. Нужно, чтобы ты уехал сегодня же. Немедленно. Мне самой хотелось бы, чтобы ты остался, но это невозможно. Может быть, папа сейчас умирает. Будет неприлично, если ты останешься.

– Но мы будем хорошо себя вести!

– Мы не сможем. Огонь и порох не могут вести себя хорошо, когда они вместе.

Я прекрасно знал, что она права, но продолжал протестовать. Она наклонилась через стол и приложила палец к моим губам.

– Будь умницей и уезжай, Эдди. Если ты так сделаешь, я обещаю тебе вернуться на ярмарку. Как только смогу. И тогда все будет хорошо.

Я снял палец с моих губ и поцеловал ее теплую ладонь.

– Согласен.

Мы поехали на вокзал. Поезд на Саут-Бенд отправлялся через несколько минут.

При выходе на перрон я ее поцеловал. Это был наш третий и лучший поцелуй. Ее руки лежали на моих плечах, когда она чуть отстранилась и сказала:

– Иди к черту, Эдди! Неужели ты действительно стоишь миллиона долларов?

– Я попытаюсь его добыть.

– Это было бы прекрасно. До свидания, Эдди...

От волнения я забыл стереть с губ ее поцелуй. Я заметил это, только когда увидел свое отражение в зеркале умывальной комнаты. Я туда направился, чтобы привести себя в порядок перед тем, как сойти с поезда в Саут-Бенде. На моем лице, измазанном помадой, играла глупая тщеславная улыбка. Наконец до меня дошло, в каком виде я ехал всю дорогу.

Глава 6

В воскресенье вечером, когда толпа схлынула, мы снялись с места.

В четыре часа утра мы уже были в дороге, а к началу дня прибыли в Форт Вэйн. Во время небольших перегонов мы с дядей Эмом предпочитали оставаться в фургоне.

Открытие ярмарки предполагалось ближе к вечеру, но мы заранее выгрузили свои вещи из фургона, надеясь немного поспать. Солнце уже стояло в зените, когда мы в полном изнеможении повалились на кушетки.

Вечером в понедельник дела шли превосходно. И тем не менее именно в этот вечер произошло второе убийство, если оно могло считаться таковым. Ведь речь шла не о человеческом существе. Жертвой была Сьюзи – шимпанзе Хоги.

Ярмарка закрывалась в полночь. А в два часа ночи в фургоне Ли Кэри собралась теплая компания. Там были мы с дядей Эмом, Ли Кэри, Эстелла Бэк и Великан Моут – наш карлик.

Мы веселились уже полчаса. Кэри и я захотели было включить проигрыватель и послушать музыку, но разговор стал таким шумным, что мы решили бросить эту затею. Кэри откупорил бутылку виски, и все успели выпить по стаканчику, но никто не был пьян. Я тоже не торопился напиваться и потихоньку потягивал первый стакан. Если бы мне предложили второй, я бы отказался.

Дядя Эм и Кэри начали обсуждать политику. Насколько я мог понять, Кэри был за политику, а дядя Эм против; разговор был совершенно идиотским. Толкуя о политике, Кэри упражнялся в игре в «спрятанную монетку»: сверкающая монетка то выглядывала из-под его пальцев, то опять исчезала, когда он поворачивал руку ладонью вверх и вниз. Мне кажется, что он делал это машинально.

Их болтовня меня забавляла, а Эстелле было скучно. Великан Моут молча сидел на краю кровати. Он был похож на большую брошенную куклу. Так мы проводили время, когда в фургон ворвалась Мардж Хогланд.

– Сьюзи пропала! – сказала она.

А Ли Кэри в свою очередь воскликнул:

– Господи! Так, значит, она сбежала?

Я понял Мардж иначе: сначала мне показалось, что Сьюзи умерла. Именно этого следовало ожидать: обезьяна была слишком больна и вряд ли могла передвигаться. Каждый раз, когда я ее видел, она едва шевелилась. Это был живой, едва дышащий комочек обезьяньей шерсти. Я никак не мог себе представить, каким образом она могла сбежать, даже если они оставили дверь клетки открытой. Но Мардж ответила на вопрос Кэри утвердительно.

– Когда Хоги вернулся в три часа из Милуоки, она лежала на месте. Мы с Хоги поехали в город поразвлечься. А когда вернулись несколько минут назад...

– А где Хоги? – спросил дядя Эм.

– Он ее ищет. Сейчас он обыскивает балаганы; мы увидели у вас свет и подумали, что...

– Конечно, мы вам поможем, – сказал Кэри. – Но сначала выпей стаканчик, Мардж!

– Я и так уже выпила в городе. Спасибо, Ли! – она повернулась и вышла.

Мы последовали за ней – все, кроме Великана Моута. Получилось так, что я взглянул на него, когда пошел к выходу вслед за дядей Эмом. Он все еще сидел на краю кровати. Но он весь сжался в комок, как будто хотел занять еще меньше места, чем прежде.

Он поднял на меня глаза, когда я уже был на пороге. И я понял, что он боится, просто умирает от страха. Я спросил:

– Что с вами, Моут? Вы не пойдете с нами?

Он посмотрел на меня пустым взглядом и ничего не ответил. Я задержался, потому

что не знал, следует ли мне пойти со всеми или лучше остаться. Все-таки нужно было узнать, что так напугало карлика. Но дядя Эм крикнул:

– Ты идешь, Эд?

Я вышел и закрыл за собой дверь. Спускаясь по ступенькам, я услышал, как Моут подбежал к двери и закрыл задвижку. Он заперся. Дядя Эм обернулся и пристально посмотрел на запертую дверь. Он тоже услышал лязг задвижки.

– Что происходит с нашим малышом? – спросил он.

– Умирает со страху, – ответил я.

Кэри услышал мои слова и тоже оглянулся. Тогда я осведомился:

– Сколько он выпил, Ли?

– Два стакана, – ответил удивленный Кэри. – Только два.

И тогда я высказал предположение:

– Он слишком мал. Ему достаточно двух стаканов, чтобы напиться в стельку.

Кэри покачал головой;

– Нет, однажды я видел, как он выпил семь или восемь стаканов, и хоть бы что! – Он пожал плечами: – Пусть катится ко всем чертям! Давайте лучше искать шимпанзе!

Тем временем Эстелла и Мардж скользнули под боковое полотно балагана с уродами. Я увидел, что Хоги или кто-то еще уже зажег свет внутри балагана; полчаса назад, когда мы шли в фургон Кэри, все огни были погашены. Мы пролезли в балаган вслед за женщинами. Навстречу нам шел Хоги. За ним плелся униформист Поп Дженни. Он спал в балагане прямо на эстраде; сейчас он на ходу натягивал штаны.

Хоги держал в руке карманный фонарь.

– Ее здесь нет. Я посмотрел под эстрадой. Наверняка она забилась куда-нибудь в угол.

Дядя Эм спросил:

– А как же ей удалось выйти?

– Она сломала щеколду. Черт возьми, я не мог себе представить, что у нее хватит сил!

Тут вмешалась Мардж:

– А следовало бы об этом подумать! Ты ведь всегда говорил, что шимпанзе сильные обезьяны. И ты...

– Заткнись, Мардж! – перебил ее дядя Эм. – После будешь ругаться сколько хочешь, а сейчас надо искать обезьяну. Могла она уйти далеко, Хоги?

– Нет. Скорее всего, она куда-то заползла. Все больные животные так делают. Надо разбиться на группы и хорошенько поискать.

– Может быть, она убежала в лес? – сказала Мардж. – С той стороны ярмарочной площади почти целый гектар леса.

Дядя Эм решил взять дело в свои руки.

– Давайте рассуждать логически. Конечно, она могла уйти в лес, но в темноте мы ее там не найдем. В лесу она могла забраться на дерево или... Давайте-ка пока оставим лес в покое и попытаемся разобраться. Вполне возможно, она еще где-то на ярмарке. Скажи, Хоги, она очень больна?

– Я был в отъезде два дня, – ответил Хоги, – но когда я ее видел в последний раз, она не могла даже сидеть, а тем более ходить, черт побери! Я даже подумывал, не прекратить ли ее мучения. Достаточно было дать ей хлороформу, но Мардж запретила мне...

– Разве я была неправа? – воскликнула Мардж. – Сегодня она уже сидела и даже немного поела. Она съела два банана и высосала всю бутылочку, которую ты ей приготовил.

– Тогда можно предположить, что она ушла недалеко, – заключил дядя Эм. – Ставлю десять против одного, что она еще на ярмарке. Вот что нужно сделать...

И он предложил разбить ярмарочную площадь на семь участков – нас было семеро вместе с униформистом Дженни. Он уже оделся и присоединился к нам. Дядя Эм

продолжал распоряжаться:

– Прежде всего, пойдите за фонарями! Потом прочешите каждый свой участок! Общий сбор у моей палатки через полчаса. Ищите в основном в углах, но посматривайте также наверх. Ей вполне могло прийти в голову забраться куда-нибудь повыше.

Мы уже собрались идти, когда он позвал Хоги. Из любопытства я остался с ними.

– Хоги, тебе следует предупредить полицию.

– Полицию? – у Хоги был такой вид, словно он разговаривал с сумасшедшим.

– Вот именно, полицию. И не разыгрывай идиота, Хоги. Ты прикроешь и себя, и ярмарку. Да и обезьяна будет целее. Ведь ты же не хочешь, чтобы ее пристрелили, если она убежит с ярмарки? Подумай, что будет, если она попадется на глаза полиции!

– Конечно, ты прав. Если она настолько хорошо себя чувствует, что смогла сбежать...

– Тогда предупреди фараонов. Скажи им, что она ручная, да еще в придачу больна. И значит, не представляет никакой опасности. И если где-нибудь будет замечена беспризорная обезьяна, пусть дадут тебе знать. Иначе они могут открыть по ней пальбу. Прими также в соображение, что она может натворить бед.

– О господи, Эм! Она же совсем ручная! Все равно что маленький котенок!

– Пусть так. Но она может напроказничать или напугать кого-нибудь. Тебе же будет лучше, если ты немедленно заявишь об ее исчезновении.

Хоги тяжело вздохнул. Видно было, что эта идея была ему явно не по душе.

– Наверное, ты прав, Эм. Но Мори сейчас в отъезде. Я не могу взламывать служебный фургон, чтобы позвонить по телефону. Я хочу остаться на ярмарке. Надеюсь, что Сьюзи все-таки найдется, и тогда мне придется ею заняться. Может быть, ты позвонишь? – обратился он ко мне.

– Позвоню, конечно, – согласился я.

– Правда, Эд? Послушай, время сейчас позднее, тебе, наверное, придется долго искать телефон. Возьми мою машину. Вот ключи!

Я взял ключи от машины Хоги. Дядя Эм напомнил мне:

– Не забудь прочесать свою территорию! А я пойду в игорную палатку, позову, кого-нибудь на подмогу. Они там режутся в рамми.

Я сел в машину и поехал к центру. Мне повезло, и я довольно быстро дозвонился до полиции. Тип, который сидел на дежурстве, оказался полным идиотом. Сначала он пришел в ужас: мне кажется, он перепутал шимпанзе с гориллой и вообразил, что по беззащитному, ничего не подозревающему Форт Вэйну разгуливает кровожадный Кинг-Конг.

Но в конце концов мне удалось его успокоить. Он пообещал оповестить патрульных полицейских нашего сектора, когда они будут звонить в участок. Он даже собрался послать несколько патрульных машин на ярмарку, но я убедил его, что в этом нет необходимости.

Когда я вернулся на ярмарочную площадь, поиски были в самом разгаре. Кто-то зажег боковые фонари на центральной аллее. В большинстве палаток горел свет. Поисковые группы все увеличивались, потому что ищущие успели разбудить остальных.

Некоторое время я слонялся вокруг балаганов, пытаюсь разыскать дядю Эма, но не помнил, какой именно участок он отвел для себя. Мне так и не удалось его найти.

Потом я заглянул под прилавок палатки, где торговали лимонадом. Мне вдруг показалось, что Сьюзи могла там спрятаться. Затем я уселся на прилавок и начал размышлять. Мне хотелось, чтобы меня посетила блестящая идея и чтобы все остальные дивились моему уму-разуму.

Такая идея уже забрезжила у меня в голове, когда мои мысли были прерваны появлением Эстеллы. Она помахала мне рукой и весело крикнула:

– Привет, Эд!

– Вы так ничего и не нашли? – спросил я.

– Моя территория – это балаган с «живыми картинами» и раздевалка. Никакой обезьяны там нет. Кстати, я очень этому рада, потому что я ее ужасно боюсь.

– Такая большая девочка боится такой маленькой обезьянки?

– С тобой я бы не боялась. А какого она размера? Ты ее когда-нибудь видел?

– Много раз. Мне только что пришло в голову, где еще можно ее поискать. Хочешь пойти со мной?

Я спрыгнул с прилавка, и мы направились к центральной аллее.

– Куда мы идем, Эдди? В чем состоит твоя идея? – спросила Эстелла.

– Мы идем туда, куда, кроме нас, никто не догадается заглянуть. В фургон Хоги.

– Зачем?

– Даю голову на отсечение, что, когда Хоги обнаружил пропажу обезьяны, он начал искать ее по всей ярмарке, но не заглянул ни под кровать, ни в шкафы. Может быть, она забилась в какую-нибудь дыру с другой стороны фургона.

– Подумать только! – воскликнула Эстелла. – Ко всему прочему у тебя есть еще и мозги!

Пробираясь между палатками, чтобы срезать путь, мы направились к фургону Хоги. Было совершенно темно. Я сжал руку Эстеллы, а она повисла на мне, дрожа от страха. Мы продвигались вперед медленно, натываясь на веревки и колышки от палаток. Когда мы были почти у цели, я вспомнил, что у Эстеллы есть фонарь. Эстелла зажгла его по моей просьбе, и мне почему-то показалось, что она усмехнулась.

Подойдя к фургону, я нащупал дверную ручку и слегка нажал на нее. Дверь бесшумно открылась. Это показалось мне странным: Хоги всегда ставил замок на собачку. Для того чтобы открыть дверь, нужно было повернуть ручку, а тут она открылась сама собой. Я взял у Эстеллы фонарь и начал рассматривать замок. Гвозди, закреплявшие его, были вырваны.

– Я ошибся, обезьяна действительно убежала из фургона, – сказал я Эстелле.

Я отметил, что замок вообще держался очень слабо. Не требовалось большой силы, чтобы взломать его. Если щеколда клетки, которую Хоги смастерил для своей питомицы, была столь же ненадежной, обезьяне ничего не стоило оттуда выйти.

Мы вошли в фургон и зажгли свет. Я прошел в отсек фургона, где содержалась обезьяна. Там было темно – Хоги прикрыл лампу с одной стороны, он боялся, что свет будет падать Сюзи прямо в глаза. Я опять воспользовался карманным фонарем, чтобы обследовать щеколду.

Щеколда валялась около клетки с внешней стороны. Кстати, это была не обыкновенная щеколда, а скорее задвижка с навесным замком. Замок был совершенно цел; обезьяна вырвала крепежные винты. Задвижка держалась на трех винтах с каждой стороны. Замок был сорван справа; два винта валялись на полу клетки, а третий еще держался в дырочке металлической пластинки. Винты имели пятнадцатимиллиметровую длину, дерево клетки также выглядело весьма прочным. Не знаю, что это было за дерево, во всяком случае не ель.

Я сразу подумал, что надо было тянуть с недюжинной силой, чтобы сорвать металлическую пластинку. Человеку это не удалось бы, я был в этом уверен. У меня холодок пробежал по спине, когда я осознал, насколько могучим животным была сбежавшая обезьяна. Пусть она была ручной, это мало что значило. Сейчас она разгуливала где-то на свободе.

Эстелла наклонилась вместе со мной, и я почувствовал, что она дышит мне в затылок. Она спросила:

– Ты что-нибудь нашел, Эдди?

Я покачал головой. Теперь я решил обследовать саму клетку. Открыв дверцу, я просунул голову внутрь. Хоги содержал ее в полной чистоте. На полу лежал пятисантиметровый слой соломы. В углу валялись шкурки от бананов, которые Мардж не успела убрать, – единственное, что нарушало безупречный порядок. То, что я назвал

клеткой, не было ею в собственном смысле слова: это была перегородка из досок, прибитых гвоздями к полу и потолку. Между перегородкой и стеной оставалось пространство приблизительно в один метр. Площадь клетки составляла около двух квадратных метров. Там было тесновато для такого крупного животного, но Хоги говорил, что он не собирался долго держать Сьюзи взаперти. Она должна была там ночевать в тот период, когда он намеревался заниматься дрессировкой.

Изучив пространство за дверцей, я понял одну вещь, которая сняла у меня камень с души: не нужно было обладать нечеловеческой силой, чтобы сорвать замок. Дело значительно облегчалось именно потому, что расстояние между стеной и перегородкой составляло всего один метр. Если бы некто, находящийся в клетке, уперся плечами в стену, а ногами в дверцу, то достаточно было сделать незначительное усилие, чтобы сорвать винты. Даже ребенок одного роста с Сьюзи был бы на это способен, если бы у него хватило ума действовать ногами. А для обезьяны столь же естественно действовать ногами, как и руками. Кто-то открыл дверь фургона, и я обернулся. На пороге стоял Хоги.

– Привет, ребята! Держу пари, что у вас возникла та же мысль, что и у меня. Вы искали ее здесь?

– Я было подумал, что она прячется где-то в фургоне, но она действительно сбежала. Замок на двери сломан.

– Именно поэтому я не стал здесь искать. Но потом подумал, что, может быть, она пришла обратно. Она могла побродить на воле, а потом испугаться и вернуться домой. Давайте посмотрим!

Мы помогли ему обшарить все шкафы, заглянули во все углы: шимпанзе в фургоне не было.

Затем Хоги предложил нам выпить, и Эстелла охотно согласилась. Согласился и я. Пока Хоги наполнял стаканы, я вышел с зажженным фонарем и посмотрел под фургон, вокруг него и даже слазил на крышу. Мне хотелось быть полностью уверенным, что Сьюзи здесь нет. Мы выпили по стаканчику, и я отдал Хоги ключи от его машины. А потом показал ему, как, по моим догадкам, Сьюзи ухитрилась открыть дверцу клетки. Он согласно кивал:

– Она меня провела. Я об этом даже не подумал. Когда я навешивал замок, то для верности попробовал сорвать его с внешней стороны. Но у меня ничего не вышло. – Он с досадой пожал плечами: – Ну, теперь поздно об этом рассуждать. Мне кажется, что полчаса давно прошли. Пойдем посмотрим, как там дела у остальных.

Когда мы пришли на общий сбор, то оказалось, что к нам присоединилась еще целая дюжина добровольных помощников. Но никто не нашел даже следа Сьюзи. Мы опять разошлись, чтобы сделать еще одну попытку, но и она окончилась провалом. Было уже больше трех часов ночи. Хоги сказал, что обезьяна наверняка убежала в лес. Поскольку до рассвета оставалось всего два часа, он решил не ложиться и продолжить поиски с рассветом. Мы с дядей Эмом предложили ему свою помощь, так же как и Кэри. Эстелла пожаловалась, что падает с ног от усталости. Хоги и Мардж пришлось отвезти ее в отель на машине. Потом дядя Эм, Кэри и я вернулись в фургон Кэри. Дверь все еще была закрыта изнутри. Кэри начал колотить в нее изо всех сил и громко звать Моута, но никто не отзывался. Однако в фургоне горел свет. Как мы ни старались, нам ничего не удалось разглядеть через замочную скважину. Тогда я обошел фургон и заглянул в окно. Карлик лежал на полу около кровати, широко раскинув маленькие ручки. Сначала я страшно испугался, но потом у меня отлегло от сердца: я увидел, что он слегка ворочает головой, словно пытаясь ее приподнять. Я вернулся и все рассказал Кэри.

– Чертов идиот! – выругался Кэри. – Что ж, видно, придется ломать!

Поскольку это была его дверь, мы предоставили ему возможность взломать ее самому.

Внутри атмосфера была как на винном заводе. Полупустая бутылка виски валялась рядом с карликом. Значительная часть ее содержимого разлилась по полу. Мы обошли

лужу, дядя Эм склонился над Моутом, а Ли раскрыл все окна. Все задвижки были предусмотрительно заперты.

– Он смертельно пьян, и ничего больше, – констатировал дядя Эм. Потом он поднял карлика и переложил его на кровать.

– Он явно чего-то боялся, – заметил я.

Потом мы разлили по стаканам жалкие остатки виски, которые еще плескались в бутылке, и выпили каждый не более наперстка. Кэри вытащил колоду карт; по его словам, она еще не была крапленой, и мы, дожидаясь возвращения Хоги и Мардж, начали играть в рамми по пять центов за партию. Все равно Кэри выиграл у каждого из нас по доллару, хотя карты были честными. Я помню, что он отказывался сдавать:

– Нет уж! При ставке в пять центов я буду жульничать, как последний скот, хотя бы из спортивного интереса! Если бы мы играли по-крупному, тогда, пожалуй, я постарался бы вести честную игру!

Дядя Эм широко улыбнулся:

– А если бы с нами играл какой-нибудь дурень со стороны?

– В таком случае это уже не было бы игрой, – ответил Кэри.

Хоги и Мардж вернулись, когда забрезжил рассвет.

Мардж немного успокоилась и выглядела гораздо лучше, а у Хоги глаза были здорово красными. Я вспомнил, что он ездил в Милуоки – ему нужно было уладить некоторые формальности нашего пребывания на тамошней ярмарке. Вероятно, он не спал еще и всю предыдущую ночь, потому что ему обязательно нужно было вернуться. Скорее всего, он не спал двое суток, а именно с того момента, как ярмарка покинула Саут-Бенд.

Мы подождали, пока окончательно рассветет, и вчетвером прочесали несколько акров леса. Это заняло у нас два часа. Мы старались на совесть и в конце концов пришли к выводу, что Сьюзи в лесу нет.

Нам всем уже давно хотелось спать, да и голод давал о себе знать. Поскольку палатка, торговавшая съестным, еще не открылась, Хоги повел нас всех в ресторан, где мы и позавтракали.

Я опять позвонил в полицию и узнал, что пока никто не сообщал о беспризорной обезьяне. Потом мы вернулись на ярмарку. Там все было спокойно. Казалось, мы уже ничего не могли больше предпринять.

– Она ушла с ярмарочной площади, – сказал Хоги. – Но и в лесу ее нет. Может быть, она забилась в какой-нибудь гараж или еще куда-нибудь. Вполне вероятно, что ее уже нет в живых. Но ведь мы не можем обыскивать весь город! Остается только ждать новостей. Во всяком случае, я вам всем чертовски благодарен.

И тут дядя Эм предложил:

– Сейчас уже светло. Давайте прочедем еще раз ярмарочную площадь! Может быть, мы забыли куда-нибудь заглянуть.

– Нет уж, хватит! Надо же и поспать! – проворчал Хоги.

– Да нет ее здесь! – вмешался Кэри.

Он весьма и весьма ошибался, но это выяснилось только после полудня.

Мы расстались, и я побрел к нашей палатке. Дядя Эм подошел через несколько минут. Мы оба слишком вымотались, чтобы разговаривать.

Дядя Эм захрапел, как только донес голову до подушки. Мне тоже смертельно хотелось спать, но усталость мешала заснуть. Я ломал себе голову над тем, что могло случиться с Сьюзи. Мне пришла на ум одна старая байка про деревенского дурачка, который потерял лошадь. Он попытался вообразить себя на месте лошади, чтобы догадаться, где ее можно искать. Я мысленно сделал то же самое, но это ни к чему не привело. И все потому, что я никак не мог представить себя в обезьяньей шкуре.

Потом мне опять вспомнился Великан Моут и его ужас. Наверняка он что-то знал или подозревал. Без веских причин он не стал бы так паниковать. Моут был карликом. Другого карлика убили на ярмарке десять дней назад. Может быть, между ними

существовала какая-то связь. А мы разбежались и оставили его одного; он валялся в фургоне в бессознательном состоянии, пока мы рыскали по лесу. А ведь все то время, пока мы утром искали шимпанзе и завтракали в ресторане, дверь фургона оставалась открытой!

Я успокоился на мысли о том, что Кэри все-таки нашел его в добром здравии, когда вернулся к себе. Если бы что-то случилось, он бы нам сообщил.

Так я размышлял еще некоторое время, пока не начал дремать. В полусне ко мне опять явилась Рита. Мне хотелось, чтобы она как можно скорее вернулась из Индианаполиса. Может быть, даже сегодня – какое это было бы счастье! И тут я уснул.

Проснувшись, я узнал сенсационную новость. Сьюзи нашлась – но нашли ее не мы, а какой-то посторонний болван, слонявшийся по ярмарке. Он обнаружил ее во второй половине дня, когда на ярмарке уже было полно народу. Она плавала мертвая в бассейне с водой. В этом бассейне Хило Петерсон, «Неустршимый Обмани-Смерть», демонстрировал каждый вечер смертельные прыжки в воду. У зрителей дух захватывало, когда он бросался вниз с высоченного трамплина.

Обыкновенный посетитель заметил Сьюзи, когда поднялся вверх на чертовом колесе; сначала он просто увидел, что на поверхности бассейна что-то плавает. Но с такого расстояния он не мог ясно разглядеть, что это за предмет. Когда колесо опустилось, он решил проверить и подошел к бассейну. Поднявшись по лесенке к краю борта, он заглянул внутрь. Вот таким образом он и обнаружил Сьюзи.

Новость быстро распространилась по ярмарке. Мы с дядей Эмом решили на время прикрыть наш балаганчик и побежали посмотреть. В тот момент, когда мы подошли к бассейну, Сьюзи уже вытащили из воды. Она лежала завернутая в кусок холста. Кто-то уже успел предупредить Хоги; он распорядился, чтобы тело обезьяны унесли. Вокруг бассейна стояла такая плотная толпа, что мы не стали пытаться пробраться поближе. Дядя Эм сказал, что, в конце концов, все это не имеет к нам никакого отношения, и мы вернулись к своей палатке.

Но во время обеденного перерыва мы опять закрылись и пошли посмотреть, что происходит около бассейна. Рабочие как раз сливали из него воду: Мори стоял рядом и давал ценные указания. У него был такой вид, словно его вот-вот стошнит.

– Пресвятая мадонна! – причитал он. – Петерсон говорит, что он ни за что не будет прыгать в воду, в которой целый день плавала мертвая обезьяна. Из-за него приходится сливать воду. Какой убыток!

– А как бы ты поступил на его месте, Мори? – усмехнулся дядя Эм.

– Я? У меня хватает здравого смысла вообще не прыгать с такой высоты в метровую глубину. А если бы я был идиотом, мне было бы все равно, плавала там дохлая обезьяна или нет!

Я поднялся к борту бассейна и заглянул вниз. Вполне можно было себе представить, как все это произошло. Глубина бассейна составляла один метр девяносто пять сантиметров, то есть его край находился выше уровня глаз даже очень высокого человека. Поэтому никто не заметил Сьюзи, пока этот тип не поднялся вверх на чертовом колесе. Официально бассейн был заполнен водой на один метр двадцать сантиметров; на самом же деле воды было на пятнадцать сантиметров больше, следовательно, расстояние между уровнем воды и бортом составляло шестьдесят сантиметров.

Я явственно представил себе, как было дело. Сьюзи убежала примерно в час ночи, когда эта часть центральной аллеи была погружена во мрак. Ей захотелось пить, она почуяла воду и вскарабкалась на борт бассейна. Потом она наклонилась, чтобы напиться, и плюхнулась в воду. Ослабленная и больная, она тут же захлебнулась. Когда я спустился вниз, Мори подозвал меня и сказал:

– Слушай, Эд, там тебе письмо.

А дядя Эм добавил:

– Пойди заberi его, малыш. Встретимся у Хоги.

Глава 7

Я пошел за письмом. Оно было от Риты. Судя по штемпелю на бумаге, она отправила его из отеля в Индианаполисе. В нем было всего несколько слов:

Дорогой Эд!

Отцу становится все хуже, а я так надеялась на улучшение. Неизвестно, когда я смогу вернуться. Подожди меня, Эдди! Ты знаешь, что я имею в виду.

Рита

Я пошел к фургону Хоги, но вместо того, чтобы войти, вызвал дядю Эма. Когда он вышел, я показал ему письмо:

– Мне хотелось бы ей позвонить. Может быть...

Он положил руку мне на плечо:

– Хорошо, малыш. Видимо, тебе понадобятся деньги, если ты решишь туда ехать?

– Я почти ничего не потратил из тех денег, которые ты мне дал в прошлый раз. У меня еще осталось около восьмидесяти долларов. Вполне достаточно, чтобы добраться.

– Мардж хочет, чтобы мы перекусили вместе с ними. У них там полно жратвы. Она приглашает нас обоих. Может, ты позвонишь немного позже?

– Нет, я должен позвонить немедленно. Мне нужно все выяснить. Думаю, они не обидятся, если я поем где-нибудь в другом месте. Скажи, как там дела у Хоги?

– Вроде неплохо. Он пережил всю эту историю легче, чем мы ожидали. Я увижу тебя в ближайшее время или нет?

Я сказал, что не уеду в Индианаполис, не предупредив его. Так или иначе, мне необходимо было забежать в нашу палатку, чтобы собраться.

Я отправился в город на автобусе и позвонил Рите в отель из уличной телефонной кабины. Ее не было в номере, и я пошел завтракать. Только со второй попытки мне удалось с ней связаться.

– Послушай, Рита, я могу к тебе приехать. Может, я смог бы тебе помочь?

Честно говоря, я слабо себе представлял, в чем конкретно могла состоять эта помощь.

– Нет, Эдди, пожалуйста, не приезжай! Я уже тебе объяснила почему. Ты ничего не сможешь сделать. Никто ничего не сможет сделать.

– Как он себя чувствует? – спросил я. – Что-нибудь изменилось с тех пор, как ты отправила письмо?

– Пока ничего нельзя сказать, Эдди. Нет еще полной уверенности... Доктор говорит, что настал критический момент. Через пару дней или начнется улучшение, или... И тогда я вернусь на ярмарку. Но не надо сюда приезжать, подожди меня там.

– Конечно, подожду. Но мне хотелось бы как-то помочь...

– Ты уже мне помогаешь. Но только нужно подождать. Я вернусь. Честное слово!

– Это будет замечательно! – сказал я.

– Раньше я ненавидела ярмарку, Эдди. Но теперь я вернусь, потому что ты там. У меня появились кое-какие мысли о нас обоих.

– У меня тоже.

– Да я не об этом говорю, дурачок! Хотя и об этом тоже. Это связано с деньгами. Честно заработанными деньгами.

– Хочу надеяться, что есть и такой способ зарабатывания денег. Так в чем же состоит твоя идея?

– Я тебе все расскажу, когда приеду. Сейчас не время. Ты меня любишь, Эдди?

– Самую чуточку.

– Вот и я тебя люблю самую чуточку. Только забудь про Эстеллу, а то я ей глаза

выцарапаю!

- Я и близко к ней не подойду!
- Не болтай зря, Эдди! До скорого свидания!
- До встречи, Рита!

После нашего разговора у меня словно крылья выросли. Послав к черту автобус, я шикарно нанял такси и прибыл на нем на ярмарку.

Этой ночью, после закрытия балаганов, дядя Эм изменил своему обыкновению и не пошел играть в карты. Мы оказались наконец вдвоем в нашей палатке. Я присел на свою кушетку, а он – на свою.

Меня просто распирало от счастья: нечего было и думать о том, чтобы заняться чем-нибудь. Сначала мне захотелось музыки, но лень было вставать и браться за тромбон. В последнее время я часто ходил к Кэри, и мне было совестно опять его беспокоить, чтобы послушать пластинки.

– Что-то давно не слышно твоего тромбона, малыш, – сказал дядя Эм. – Ты совсем его забросил.

- Может быть, я опять начну упражняться, но, наверное, завтра.
- А что ты будешь делать сегодня?
- Не знаю. Скорее всего, ничего.
- Ты хочешь спать?
- Нет.
- Малыш, ты действительно так втюрился в эту блондинку? Совсем готов?
- Думаю, что да.
- А она тоже без ума от тебя?
- Ее прельстило мое невиданное богатство.

Дядя Эм улыбнулся. Потом он поинтересовался:

– А когда она вернется?

Я ему рассказал о нашем телефонном разговоре.

– Мне кажется, что вы оба помешались, – заметил он.

– А разве это плохо? – спросил я.

– Такова жизнь, малыш, – значительно промолвил дядя Эм. – Я не стану давать тебе какие бы то ни было советы. Никаких проповедей – это не в моих правилах.

– Чем бы я ни решил заняться?

– Эд, если бы ты решил заняться взломом квартир, я купил бы тебе фомку. Это твоя жизнь. Ну а как насчет сегодняшнего вечера? Ты уже проголодался?

– Похоже, что да.

– Тогда одевайся! Поедем в город! Давненько я не ужинал в хорошем ресторане с шоу. Хотелось бы поглядеть, так ли это забавно, как раньше. Ну так как?

– Конечно, поедем!

– О господи, малыш, что с тобой происходит? – воскликнул дядя Эм.

Вскоре мы уже сидели в ночном клубе, если можно было так назвать это заведение. Оно находилось как раз у въезда в Форт Вэйн. Там было совсем неплохо. Зал утопал в табачном дыму, а оркестр играл так громко, что заглушал даже мысли. Мы было попытались переговариваться в этом грохоте, но это оказалось почти невозможно.

– Ничего со мной не происходит, – орал я через стол. – Все в полном порядке!

– Расскажи кому-нибудь другому! – прокричал в ответ дядя Эм. – Столик в этом вертепе стоит три доллара, а у тебя такой вид, будто ты скучаешь за десять центов в час. Нас надули, это ясно!

Я бросил взгляд на маленькую переполненную танцплощадку и предложил дяде Эму:

– Может, потанцуем?

– Нет, танцевать мы не будем, – ответил он. – Сейчас начнется шоу. У них уже все готово. И хватит рыдать в стакан, там хорошее пиво!

– Пиво, может, и хорошее, но мне оно не нравится. Ты знаешь, какой у него вкус?

Он сказал, что ему это не интересно, но я все-таки сообщил, что у этого пива вкус помоев. Он ответил, что надо же чем-то прополоскать рот. И тогда я отхлебнул еще глоток, чтобы доставить ему удовольствие.

Тем временем началось шоу. Оно было именно таким, как я и ожидал. Конферансье был одет весьма экстравагантно. Только представители этой профессии могут позволить себе такие вычурные костюмы. Он рассказывал сальности, на которые публика, бог весть почему, отвечала бурными аплодисментами. То, что он говорил, было совсем не смешно. Потом выступила певица с песней в стиле блюз, потом фокусник, который был гораздо хуже Ли Кэри. А затем чечеточник и, наконец, номер стриптиза.

Я делал вид, что меня интересует представление, потому что мне не хотелось, чтобы дядя Эм волновался. Когда публика вернулась на танцплощадку после представления, он потребовал счет. Счет составил девять с половиной долларов: мы съели по сэндвичу, я выпил один стакан пива, а дядя Эм – два.

Он увидел, что цифра меня весьма удивила, подмигнул и рассмеялся.

– А ты думал, малыш, что наша ярмарка – это воровской притон. Нам, простофилям, у них учиться нужно! Вот где сидят настоящие обиралы!

Он расплатился по счету, и мы вышли. Перед дверью клуба стояло такси. Мы влезли в машину, и дядя Эм спросил:

– Где-нибудь поблизости есть рулетка?

Шофер сдвинул кепку на затылок и недоверчиво на нас посмотрел.

– Не беспокойтесь, мы с ярмарки, – сказал дядя Эм.

– Ну, тогда я отвезу вас в клуб Сиксти. – И машина тронулась с места.

– Расслабься, Эд, – приговаривал дядя Эм, пока мы ехали в этот клуб. – Это наверняка где-то на другом конце города. Куда бы тебя ни вез шофер такси, это место всегда находится на другом конце города. Даже если поблизости есть игорный клуб, он все равно отвезет нас в клуб Сиксти.

– Ну и дела! – Я никак не мог отделаться от впечатлений, полученных от счета за ужин. – Интересно, где это люди берут столько денег, чтобы вот так швыряться ими.

Дядя Эм пожал плечами:

– Занимаются каждый своими делишками. Но что такое деньги? Бывают, правда, случаи, когда долларовая бумажка выглядит больше, чем ковер. Но если у человека завелись деньги и у него нет с ними проблем, то он может спокойно их швырять.

– Но ведь нужно копить на старость, – заметил я.

– Если ты уже сейчас об этом думаешь, то можешь не беспокоиться, тебе это не удастся. К старости ты будешь гол как сокол. Как тебе понравилась танцовщица стриптиза?

– Недурна. – Я не стал ему говорить, что все время думал о Рите, пока смотрел номер.

Он прыснул со смеху:

– Наконец-то ты проявил энтузиазм! Но скажи все-таки, какой камень лежит у тебя на душе?

В его голосе сквозила легкая насмешка, но я понимал, что он видит меня насквозь. Я вел себя как полный идиот. Зачем мне было изображать из себя разочарованного пижона? Только потому, что Рита еще не вернулась? Но ведь мне повезло в тысячу раз больше, чем я смел надеяться. Она вернется!

– Мне кажется, что я веду себя как дурак, – признался я.

Чтобы поддержать разговор, мне надо было нащупать интересную для нас обоих тему. И тогда я спросил:

– А что слышно о капитане Вейсе? Он еще не бросил свои поиски?

– Он скоро приедет сюда. Держу пари, что мы с ним увидимся уже завтра.

– А почему завтра?

– Из-за Сьюзи.

– А какое отношение имеет к убийству утонувшая обезьяна?

Дядя Эм пожал плечами:

– Может, и никакого. Но не думай, что полицейские из Форт Вэйна не приглядывают за ярмаркой. Наверняка они поддерживают тесную связь с парнями из Эвансвилля, то есть с капитаном Вейсом. И уж конечно, капитан успел собрать сведения об убитом карлике – вот только я забыл, как его звали?

– Лон Стаффолд.

– Теперь вспомнил. Хотел бы я иметь твою память на мелочи. Во всяком случае, совершенно ясно, что Вейс не раскопал еще ничего серьезного – иначе он давно бы снова сюда заявился под звуки фанфар. А ты-то открыл глаза и уши?

– Что-то я тебя не понимаю.

– Ведь Вейс просил тебя об этом. У тебя есть что ему сообщить?

– Нет.

Он посмотрел мне прямо в глаза:

– Почему у тебя такой кислый вид?

– Не нравится мне все это. Мне очень хотелось бы, чтобы он не ловил здесь блох. Все это начинает пахнуть доносами и прочими полицейскими штучками.

Дядя Эм замолчал. Он не раскрывал рта всю дорогу, пока такси ехало вдоль ярко освещенных кварталов. Наконец он не выдержал:

– Малыш, ты глубоко ошибаешься. В этом есть и моя вина, я так тебя воспитал. Мы, циркачи, не очень-то любим полицию, но это касается только цензуры. Мы никак не можем покрывать убийство.

Ясное дело, он был прав. Но в этот момент во мне проснулся бес противоречия, мне захотелось поспорить во что бы то ни стало.

– А почему бы тебе не заняться их работой? – спросил я.

От отнесся к моей выходке вполне терпимо:

– Во-первых, это не мое дело. Пусть Вейс разбирается сам. Но я должен сообщить Вейсу все, что мне станет известно по этому поводу. Если бы я знал, кто всадил в карлика нож, я бы обязательно ему сказал. И не стал бы считать себя доносчиком. Разве не так?

– Конечно, так, – согласился я.

Такси доставило нас в заведение, которое снаружи выглядело как обыкновенный бар, но внутри было отделано с вызывающей роскошью.

В баре было совсем мало народу; это был фасад, призванный придать благопристойность тому, что происходило в задних комнатах. Лысый бармен не стал долго разговаривать с дядей Эмом и мотнул головой в сторону двери в игорный зал. За этой дверью стоял дым коромыслом. Все играющие были прекрасно одеты. Половину из них составляли женщины. Из них так и сыпались деньги. «Вот бы заманить парочку таких пижонов на ярмарку!» – подумал я. В зале были две рулетки. Вокруг одной из них стояли всего три человека, а вокруг второй толпилась целая дюжина. Был также полукруглый стол для игры в очко и круглый стол для покера, за которым сидели семь или восемь игроков.

– Ну, Эд, во что будем играть? – спросил дядя Эм.

Я ответил, что хочу пока погулять между столами и посмотреть на игроков. Дядя Эм направился к угловому столику, за которым сидел человек с козырьком на лбу, продающий жетоны. Вернулся он с раздутым карманом и целой стопкой жетонов. В стопке было три голубых жетона и около двадцати белых.

– Набрал на тридцать пять долларов, – сказал он. – Голубые идут по пять долларов, а белые – по одному. Пойди поиграй! Когда все просадишь, ищи меня. Я буду за покерным столом, если там еще найдется местечко.

Я постоял какое-то время перед играющими в занзи, но за столиком не было места, и я не стал делать ставку. Потом сыграл несколько партий в очко по одному белому жетону

за партию. В первый раз я набрал двадцать очков и выиграл. Во второй раз – шестнадцать, и опять выиграл; потом я получил две девятки, удвоил ставку на каждый из них и снова выиграл. Таким образом, у меня появилось четыре выигранных жетона. И тогда я сделал то, что делают все болваны, – стал играть на эти четыре доллара. На следующей сдаче я получил короля и девятку. Счастье, казалось, плыло в руки. Но тут сдающий вытащил туза, а за ним даму – и я проиграл.

Все вернулось на круги своя – мои тридцать пять долларов остались при мне⁸. И тогда я осмелел до того, что рискнул сыграть в рулетку. Около одной из них еще оставались свободные места. Дядя Эм давно уже обосновался у покерного стола. Кроме обычного и двойного zero, у этой рулетки было еще и тройное zero – настоящая ловушка для простаков. Без особого волнения я бросил несколько жетонов на черное и красное. Играющая публика интересовала меня гораздо больше.

Толстяк в смокинге, стоявший рядом со мной, играл по-крупному; он пренебрегал белым цветом. Рядом с ним лежала стопка голубых и желтых пяти- и десятидолларовых жетонов. Он не ставил на отдельные номера, а бросал целые кучи голубых на «красное – черное», «чет – нечет» и «пас – манк». Его спутница придерживалась противоположной тактики. Это была ярко накрашенная девица, напоминающая танцовщицу из мюзик-холла. На ней было открытое платье с щедрым декольте, едва прикрывавшим грудь. Перед ней лежали исключительно белые жетоны, и в каждом туре она рассеивала их по полудюжине отдельных номеров.

Я проиграл игру, ставя попеременно на красное и черное. Через какое-то время я увеличил ставку до двух белых жетонов, потом до трех и, наконец, до пяти. Выигрывал я столь же часто, как и проигрывал, и вскоре мне стало скучно.

Видимо, я не родился игроком, ведь для настоящего игрока игра является излюбленным возбуждающим средством. Бросив рулетку, я пошел посмотреть на дядю Эма. Всегда интересно наблюдать за партией в покер, особенно когда болеешь за одного из игроков. Здесь можно положиться на собственную ловкость, а не доверяться слепому случаю или обманчивой рулетке.

Уверенность в том, что рулетка – это всегда обман, навела меня на размышления о трех zero: ни один из них не выпал в течение длительного времени. Я опять вернулся к рулетке и, вместо того чтобы поставить на черное, поставил по жетону на каждый из трех номеров банка: zero, двойное zero, тройное zero. Конечно, я ничего не выиграл, но вошел в азарт. Через три тура я уже лишился значительной части жетонов. Но, продолжая упорствовать, я опять поставил по два жетона на три zero. Они ускользнули от меня так же, как и предыдущие. Тогда я увеличил ставку до трех жетонов. В следующей игре выпало двойное zero. Крупье выложил рядом с моими тремя белыми стопку в двадцать один голубой жетон – сто пять долларов. Это был мой выигрыш. Я сгреб деньги и начал считать свое богатство. Таким образом я пропустил следующий тур. В наличии у меня оказалось сто тринадцать долларов. Я разделил их на две стопки в сто и тринадцать долларов. Прежде всего, я решил не рисковать и оставить сто долларов при себе. У маленького столика мне обменяли двадцать голубых жетонов на наличные деньги. А вот тринадцатью долларами стоило рискнуть.

Я поставил десять долларов на черное и три на «нечет». Рулетка остановилась на четном красном номере.

Вернувшись к покерному столику, я встал за спиной дяди Эма. Он почувствовал, что я подошел, повернулся ко мне и спросил:

– Ну, что? Проигрался в пух? Дать еще денег?

Но я его обрадовал:

⁸ При игре в очко высшей считается комбинация в 21 очко; простые карты имеют номинальную стоимость, валет, дама и король оцениваются в 10 очков, а туз – в 11 очков.

– Наоборот, выиграл сто долларов.

– Bravo! Понаблюдай-ка за покером! Здесь ставят только наличные.

И он вернулся к игре: человек, сидевший напротив него, начал сдавать карты. Это был пятикарточный студ-покер⁹. Перед дядей Эмом лежало двести долларов, но это еще ничего не значило, потому что я не знал, какова первоначальная ставка. Думаю, она была не меньше ста долларов.

Он накрыл свою закрытую карту ладонью, сгреб ее и приподнял так, чтобы только я один мог ее увидеть. Это был червонный валет. При следующей сдаче он прикупил червонного короля. Игрок, прикупивший туза, поставил следующие пять долларов, и дядя Эм его поддержал. Второй партнер, прикупивший семерку, удвоил ставку. Видимо, у него уже была одна семерка, и он реально рассчитывал на комбинацию. Третьей картой дядя Эм получил червонную девятку – тут уж пахло «стритом» или «флешем»¹⁰.

На другом конце стола игрок, имеющий на руках две десятки, увеличил ставки до двадцати долларов. Дядя Эм поддержал, партнер с тузом на руках тоже, как и тот партнер, у которого предполагалось две семерки, однако на сей раз он не стал удваивать ставку. Четвертой картой дядя Эм прикупил червонную тройку. Он немедленно поднял ставку до пятидесяти долларов. Двое игроков сразу устарились; остались дядя Эм и тот партнер, у которого была пара десятков. Затем пара десятков вытащил какую-то карту, а дядя Эм – пикового валета. Валет разрушил его «флеш», зато оказался старшим в двойке. Он бил пару десятков, но оставалась еще одна неоткрытая карта. Игрок с парой десятков заявил:

– Я поднимаю до ста долларов! Хотите присоединиться? И бросил пять желтых жетонов на стол.

Дядя Эм только тяжело вздохнул и сосчитал свои жетоны.

– Ставлю восемьдесят, только чтобы посмотреть. У меня два валета.

Партнер перевернул закрытую карту, оказавшуюся тройкой. Последней картой он прикупил также тройку. Дядя Эм сокрушенно покачал головой:

– Оставьте за мной место. Пойду поищу подкрепление.

Я пошел за ним к кассиру. Дядя Эм опять набрал жетонов на двести долларов, что практически опустошило его кошелек.

– Не беспокойся, Эд! На ярмарке у меня осталась заначка. Без гроша мы не останемся.

– Да я и не беспокоюсь. Но может быть, тебе не везет из-за меня? Давай-ка я лучше уйду, и не стану смотреть, как ты играешь.

– В покере никто не может помешать, Эд. Все зависит от того, как ты сам оцениваешь комбинацию... и от карт.

Я присутствовал еще при двух партиях, в результате которых дядя Эм быстро спустил всю свою наличность. Он все-таки попытался отыгаться в третьей партии: в открытую ему пришлось два туза, он поставил на них и проиграл против трех шестерок. Он поднялся и сделал знак типу, который ждал, пока кто-нибудь не освободит место.

– Малыш, дальнейшая гульба – за твой счет, – и он печально улыбнулся. – Поднеси-ка мне стаканчик пива.

– Конечно, – сказал я и уже было полез в свой кошелек, чтобы отсчитать ему те сто долларов, которые я выиграл. Он понял, что я собираюсь делать, и отстранил мою руку. После долгих препирательств мне все-таки удалось всучить ему тридцать пять долларов, положивших начало моему выигрышу.

⁹ Пятикарточный студ-покер: каждому игроку сдается одна закрытая карта, называемая «дырой», и одна открытая карта. Затем поочередно делаются ставки. Банкомет раздает еще по одной карте. Операция повторяется до тех пор, пока на руках у игроков не окажется пять карт.

¹⁰ «Стрит» – комбинация из пяти карт, идущих подряд. «Флеш» – комбинация из пяти карт одной масти. Обе комбинации дают реальный шанс на выигрыш.

И мы пошли в бар, где заказали по стакану пива.

Я спрашивал себя, сколько он мог проиграть: во второй раз он купил жетонов на двести долларов. Если вначале он обменял сто долларов, то это уже составляло кругленькую сумму в триста долларов. Он догадался, о чем я думаю, и усмехнулся:

– Быстро выиграл, быстро спустил. Но ты не беспокойся. Ты не игрок. Ты всегда уходишь раньше, чем появляется возможность сорвать банк.

– Мне это не очень интересно.

– Может, это и хорошо. Но мне кажется, что я тоже не настоящий игрок, иначе я вернулся бы, чтобы проиграть твои тридцать пять долларов... или полностью отыграться.

– Так почему же ты не идешь?

– А что, надо пойти?

– Это твоя жизнь, – сказал я. – Я не стану давать тебе советы.

Он рассмеялся и вернулся в игорный зал. Через десять минут он оттуда вышел со смущенной улыбкой на лице.

– Бывают дни, когда в кармане невозможно удержать даже десять центов.

Я заказал ему еще порцию пива и сказал:

– А теперь выбрось все это из головы и давай вернемся к убийству. Я не понял, почему ты считаешь, что смерть Сьюзи заставит капитана опять приехать на ярмарку. Что ты имеешь в виду?

– Он все узнает от полиции Форт Вэйна. И вернется в том случае, если...

– Если что?

Дядя Эм вздохнул и поболтал пиво в стакане.

– Эд, я говорил тебе, что когда-то работал в сыском агентстве?

– Да.

– Так вот! Там не часто расследовали убийства, и я не особенно разбираюсь в этих вопросах. Я знаю только, что существуют две категории убийств. Первая – это когда полиция хватается какого-нибудь парня с пистолетом в руке или какой-нибудь тип звонит в полицию и заявляет: «Я только что убил свою жену». Но есть и вторая категория.

– И что это за вторая категория?

– Это будет тебе стоить еще одной порции пива.

Разумеется, я заказал ему пиво.

– Вторая категория встречается реже, но все же встречается. Это то убийство, которое описывается в детективных романах. Калейдоскоп фактов, которые полиция должна собрать в единую картину.

– Каким образом?

– Приходится анализировать миллион деталей, которые, казалось бы, не имеют отношения к делу. А потом сопоставить те, которые взаимосвязаны, и свести их в схему, которая разрешит загадку.

– Ты хочешь сказать – убийство.

– Вот именно. Однако, с моей точки зрения, те факты, которые они пытаются сейчас включить в общий план, очень необычны. Именно это Вейс имел в виду, когда просил тебя открыть глаза и уши и отмечать все из ряда вон выходящее. Ведь он просил тебя об этом?

Я утвердительно кивнул.

– Вейс чертовски хитрый малый, – заметил дядя Эм. – А теперь скажи: есть что-то необычное в том, что обезьяна утонула в бассейне для прыжков? Сколько ты знаешь шимпанзе, которые погибли таким образом?

– Немного, – согласился я.

– Чтобы быть точным, только одну. Следовательно, это необычно.

– Но как это можно связать с убийством карлика?

Он поставил свой стакан на стойку и веско заявил:

– Кто завлек карлика на ярмарку? Почему он был убит? Кому это было выгодно и в

связи с чем?

– Я не знаю, – ответил я.

– Вот видишь – ты не знаешь. Однако ты можешь себе представить, что между смертью карлика и смертью больной обезьяны существует какая-то связь. Какая именно? Имеется по крайней мере два совпадения. Прежде всего, эти события произошли на ярмарке. И затем, оба эти факта весьма необычны. Тогда напрашивается вопрос: а может быть, существуют и другие связующие звенья?

Я поразмыслил и сказал:

– Допускаю, что они существуют, но пока не вижу этих связующих звеньев.

– А их и невозможно увидеть с теми элементами, которые имеются в нашем распоряжении. Нужны другие факты. Только тогда начнет вырисовываться общая схема. Вейсу придется немало потрудиться, чтобы их откопать. И тем не менее у тебя есть что сказать Вейсу, если бы он стал тебя спрашивать.

Я зажег сигарету и несколько раз в раздумье затянулся.

– Только то, что Великан Моут почему-то был страшно напуган и заперся в фургоне.

– Молодец! А теперь скажи: почему это должно заинтересовать Вейса?

– Потому что, как и в случае с убийством, речь идет о карлике.

– Из тебя выйдет отличный детектив. Не хочешь попробовать?

– Пока не знаю.

Мой ответ прозвучал вполне серьезно.

– Давай вернемся к Моуту. Ты прекрасно понимаешь, что этому факту можно дать только одно простое объяснение – и это объяснение может оказаться совершенно неправильным.

Я подумал и сказал:

– Может, он просто боится обезьян. Ему сказали, что шимпанзе разгуливает на свободе – и он сдрейфил. Ведь шимпанзе для карлика все равно что горилла для нормального человека.

– Рассуждаешь вполне здраво. Но если ты действительно хочешь помочь Вейсу, разузнай завтра, продолжает ли Моут чего-то бояться. Ведь шимпанзе больше нет.

– Попробую, – сказал я без особого энтузиазма.

– А еще кто-нибудь боится? – спросил он.

– Рита очень испугалась в ту ночь, когда произошло убийство. Но это понятно – она наткнулась на труп. Любая женщина испугалась бы на ее месте.

– И это все?

– Насколько мне известно, это все. А почему ты спрашиваешь? Кто еще боится?

– Мардж Хогланд. Разве ты не заметил, что с того момента, как было совершено убийство, она сама не своя от страха?

Я покачал головой и сказал:

– Теперь-то я вижу, что в ее поведении есть что-то странное. А Хоги?

– Хоги не боится ни бога, ни черта.

– Он-то не боится. Но, может быть, Мардж боится Хоги. В последнее время он слишком много пьет.

– Но никогда не теряет головы. Он умеет пить. Проблема Мардж заключается не в этом: он никогда не был с ней жесток ни в пьяном, ни в трезвом виде. Кроме того...

– Что?

– Мардж не стала бы его бояться: она слишком в него влюблена. Она бросилась бы за него в огонь, если бы он попросил.

– А скажи-ка, кто-нибудь ходил с Кэри посмотреть на Моута, когда мы вернулись из леса? – спросил я.

– Я сам ходил туда вместе с Кэри. Мы посадили его в такси и отправили в отель. Он уже проснулся, но не успел протрезветь.

После его слов я успокоился. Значит, с карликом ничего страшного не случилось.

– Хочешь еще пивка? – предложил я. Конечно, он хотел. Но на этот раз я составил ему компанию. На этом, однако, мы решили остановиться. Нам обоим хотелось поскорее вернуться домой.

Глава 8

Дядя Эм оказался прав в своих предсказаниях: первым человеком, которого мы встретили, вернувшись утром на ярмарку, был Армин Вейс. Мы переодевались, когда кто-то прокричал:

– Черт побери, как можно постучать в дверь палатки?

Это был Вейс.

Он присел на один из складных стульев и стал подробно расспрашивать о том, что нам известно об истории с шимпанзе. Разумеется, мы ему все рассказали. Он уже успел переговорить с Хоги и с Мардж и знал факты, но ему хотелось их проверить – ведь мы могли кое-что добавить. Особенно его интересовало, как обезьяне удалось выйти из клетки. Теперь я поздравлял себя с тем, что успел осмотреть клетку, и выложил ему свои соображения.

Он сразу же заявил, что никто не видел, как он вошел в нашу палатку, поэтому он мог оставаться у нас сколько ему заблагорассудится. И действительно, он не торопился уходить. В Цинциннати дела у него зашли в тупик. Ему удалось выяснить довольно подробно, кем был убитый карлик Лон Стаффолд. Но он ничего не знал о том, кто завлек карлика в «Хобарт-шоу» – так назывался наш цирк. Он казался сбитым с толку и клял себя за бездарность. Правда, вскоре он нашел себе оправдание.

– Черт побери, ведь это переходит все границы! Если взять любое другое убийство, так там хотя бы обстановка неизменна. А тут убийство совершается в Эвансвилле, а потом весь этот базар переезжает в Саут-Бенд и Форт Вэйн. Значит, и вероятный преступник, и все замешанные лица тоже снимаются с места. Попробуй тут что-нибудь выяснить! Куда вы направляетесь после Форт Вэйна?

– В Милуоки.

Он выругался.

– Слава богу, мне хотя бы оплачивают расходы на бензин. Скажи, Эд, если отбросить этот случай с шимпанзе, больше не произошло ничего экстраординарного?

Тут я рассказал ему о паническом страхе Великана Моута и описал ночь, когда мы охотились за пропавшей обезьяной.

– Может быть, здесь и кроется какая-то тайна. Но вполне вероятно, что он просто испугался сбежавшей обезьяны. Однако я припоминаю, что, когда я его допрашивал после убийства, у него был подавленный вид. Это навело меня на кое-какие мысли. Так вот, да будет тебе известно, я узнал всю его подноготную вплоть до бабушек и дедушек. Я действовал методом сравнения – ведь убитый тоже был карликом. Выяснилось, что дороги Моута и Лона Стаффолда не пересекались, когда они оба работали в цирке. Но неизвестно, встречались ли они когда-нибудь раньше. Скорее всего, они даже не подозревали о существовании друг друга.

Он сдвинул шляпу на затылок и продолжил:

– Чертовски запутанное дело! Все равно что искать кошку в темной комнате.

Я предложил ему выпить стаканчик. Сначала он отказался, но потом передумал и выпил немного виски.

– Я пока побуду в городе, – сказал он. – Если понадобится, ищите меня в отеле «Ардмор». Я не уеду раньше завтрашнего дня, хотя сам не знаю, что мне тут делать.

Потом выпил второй стаканчик, который дядя Эм предложил ему «на посошок», и исчез.

Была среда; после убийства прошло уже тринадцать дней. Я никогда не забуду вечера этой среды: в этот вечер произошло третье убийство, которое вызвало неистовый гнев у меня и у дяди Эма. И именно в тот вечер я впервые увидел призрак. Публика в тот день разошлась довольно рано. Особых причин для этого не было – просто так сложились обстоятельства. К одиннадцати часам центральная аллея уже почти опустела. Зазывалы

еще пытались заманить последние группы зевак, а Мори дал сигнал к финальному одиннадцатичасовому представлению – смертельному прыжку.

Нам удалось подцепить напоследок нескольких клиентов, возвращавшихся с представления, но около полуночи балаган пришлось закрыть. Как обычно, дядя Эм спросил:

– Ну, что будем делать, малыш?

Думаю, ему хотелось, чтобы я опять попросил его пройтись по значным местам, но я ему ответил, что собираюсь поиграть на тромбоне. Я действительно достал тромбон и попытался изобразить на нем несколько аранжировок мелодий Дорсея. Однако ничего путного из этого не вышло. Сыграв несколько гамм и арпеджио, я забросил инструмент. Тромбон был не в форме, или, если хотите, не в голосе. Когда дело оборачивается таким образом, продолжать не стоит.

Дядя Эм читал, лежа на кушетке. Когда я почистил тромбон и уложил его в футляр, он бросил книгу и взглянул на меня с удрученным видом. Он ничего не сказал, но я знал, что он прекрасно понимает мое состояние.

– Не могу сказать, что игра на тромбоне меня больше не интересует, но сегодня у меня все не ладится, – начал я оправдываться.

– Понятно. Все мы прошли через это, Эд. И некоторые из нас, представь себе, выжили. И даже дожили до почтенного возраста. – Он медленно покачал головой. – Я тебе когда-нибудь рассказывал о той рыженькой, с которой я познакомился в Каире?

– Ты же никогда не был в Египте, не пытайся меня провести!

Он оскорбился:

– Конечно, я никогда не был в Африке. Каир – это городок в штате Иллинойс. Но все-таки я ездил в Египет.

– Что?

– Да, черт побери, в Малый Египет¹¹. Напомни мне как-нибудь, я расскажу тебе много интересного. Итак, мы остановились на том, что я был в Каире на Миссисипи. Когда, дай бог, памяти, это было?.. Вспомнил! Это было, когда случилась снежная буря. Только она случилась зимой, а я там был летом...

Я не стал слушать его болтовню. Прервав его на полуслове, я предложил:

– Давай сходим к Кэри.

Дядя Эм согласился и начал напяливать ботинки. Мы направились к фургону Кэри. Эстелла уже сидела там. Радио в фургоне орало во всю мощь: мы слышали его еще с центральной аллеи. Шла ночная программа популярной танцевальной музыки из Чикаго. Кэри и Эстелла танцевали.

Когда мы вошли, дядя Эм сразу приглушил радио.

– Вы что, глухие? – раздраженно спросил я.

Кэри и Эстелла оторвались друг от друга, и Кэри радостно воскликнул:

– А вот и Отважные Охотники¹²! Что будем пить? У нас есть виски.

Я заявил, что пока не хочу пить, а дядя Эм склонялся к тому, чтобы выпить каплю виски. Бутылка стояла на столе, и он налил себе полстакана.

– Эм, у меня есть идея по поводу нового номера – буду работать со специальной колодой. Мне нужно, чтобы ты помог мне сделать рекламу, – сказал Кэри.

Он заложил правую руку в карман, а левой выбросил колоду карт. Затем они сели с дядей Эмом за стол друг против друга, и Кэри начал объяснять, в чем состоял фокус. Кажется, речь шла о каком-то мексиканском шулерском приеме. Но мы с Эстеллой ничего не поняли.

По радио передавали недурную музыку. Играл маленький оркестр с чудным

¹¹ Малый Египет – южный район штата Иллинойс.

¹² Имя «Хантер» переводится с английского как «охотник».

контрабасистом. Я немного увеличил звук и протянул руку Эстелле, приглашая ее потанцевать. Она замотала головой:

– Нет, Эдди, я больше не танцую.

Меня это не обескуражило; мне вовсе не хотелось танцевать. Я сел, а Эстелла взобралась ко мне на колени. «Опять началось», – подумал я. Но теперь мы были под прикрытием: присутствие дяди Эма и Кэри несколько оправдывало наше поведение. Я улыбнулся и сказал:

– Дядя Эм, ты бы последил за мной, а то я наделаю глупостей.

Эстелла расхохоталась. Дядя Эм глянул через плечо и пробурчал:

– Бог не оставит тебя своей милостью.

И он опять повернулся к Ли Кэри.

– Передай-ка мне бутылку! – попросила Эстелла.

Мы с ней налили себе немного виски и выпили. «А виски-то дрянь», – подумал я. Оно было слишком крепким и драло горло.

– Мне кажется, что я немного опьянела, – заявила Эстелла.

– Тебе это совсем не кажется. Однако с тебя хватит, а то мне придется отнести тебя домой.

– Отнести меня домой, Эдди? Сейчас?

– Нет, еще не сейчас, – сказал я.

– Какой ты романтичный, Эдди! Вот почему ты мне так нравишься. И еще потому, что ты такой красивый!

– Еще одна такая шутка, и я сброшу тебя на пол!

– А потом упадешь вместе со мной, Эдди?

– Ах ты маленькая... – у меня не нашлось слов, чтобы закончить фразу. Ни одно из грубых слов, которые я знал, не подходило к Эстелле. – Ты помешалась! – сказал я.

– Ты тоже. Но мне хотелось бы, чтобы ты помешался на мне. Скажи, это виски пить можно?

– Оно довольно поганое. Поэтому злоупотреблять не стоит.

– У меня так сильно бьется сердце! Послушай! – и она положила мою руку туда, где, по ее понятиям, находилось сердце.

Я быстро убрал руку. Во рту у меня пересохло; мне пришлось сглотнуть, прежде чем выговорить:

– Прекрати это, Стелла! Пожалуйста! Я сделан не из дерева, но все-таки я...

– Ответь мне на один вопрос, Эдди. Но только честно.

– Слушаю тебя.

Она слегка откинулась и посмотрела мне прямо в глаза.

– Ты что, действительно так влюблен в эту Риту?

– Думаю, что да, – сказал я, а потом прибавил: – Не думаю, а уверен.

Она слегка вздохнула и, к моему удивлению, улыбнулась.

– Ну хорошо, Эдди, твоя взяла. Я больше не буду тебе докучать. Но мы все же будем друзьями?

– Приятелями, – уточнил я.

– Хорошо, Эдди. С этого момента мы с тобой приятели. Но сначала поцелуй меня. Только один разок.

На меня нахлынули воспоминания – именно эти слова произнесла Рита, когда я поцеловал ее в первый раз. Это было ровно две недели назад, в вечер убийства, когда она наткнулась на труп карлика и я катал ее в машине Хоги, чтобы немного успокоить. Тогда она дала мне понять, что я не должен за ней ухаживать, а потом попросила поцеловать ее. Она тоже сказала: «Поцелуй меня, Эдди. Только один разок».

Эстелла наклонилась ко мне, и я ее обнял. Я закрыл глаза, когда наши губы слились в поцелуе, но все равно я не мог не думать о Рите и пытался себе представить, что я снова ее целую.

Эстелла отстранилась и опять взглянула на меня. Ее глаза были подернуты дымкой, но потом она пришла в себя и улыбнулась.

– Ты думаешь, ты меня поцеловал? Впрочем, я сама напросилась, ведь так?

Я попытался улыбнуться ей в ответ, но она неожиданно стала серьезной.

– Я тебе сказала чистую правду, Эдди. Я больше не буду к тебе приставать. Ты целиком принадлежишь Рите. Будем просто друзьями. Тебе не будет неприятно, если я посижу у тебя на коленях?

Я ответил, что ничего не имею против, но я солгал. Она опять потянулась за бутылкой.

– Выпей немного, Эдди!

Я налил себе в стакан капельку виски и передал ей бутылку. В тот момент, когда она пила из своего стакана, я поднял глаза к открытому окну. Возможно, меня привлек странный запах; я и сам теперь не помню, что меня заставило посмотреть через плечо Эстеллы. В окно с улицы смотрела обезьяна, шимпанзе. Это была не Сьюзи. Это был ее призрак.

Морда обезьяны находилась в нескольких сантиметрах от окна. Лампа, висевшая посередине фургона, слабо освещала его внутренность, но тем не менее я явственно различил потешную физиономию, строившую гримасы. Только это было далеко не смешно; я застыл от ужаса. Он призрака исходил запах разрытой земли, запах свежей могилы. На голове шимпанзе я заметил комья приставшей к шерсти влажной грязи.

Этот запах не был плодом моего воображения. Мне могло почудиться все, что угодно, но запах выдумать нельзя. В окно сквозило, и на какое-то мгновение это веяние могилы заглушило и запах виски, и духи Эстеллы.

Затем обезьянья морда в окне пропала; запах тоже исчез.

Эстелла протянула мне бутылку.

– Действительно, виски – жуткая дрянь. Но раз больше ничего нет, может, добьем эту бутылку... Что с тобой, Эдди? Тебе плохо?

Она соскочила с моих колен и стала пристально вглядываться мне в лицо. Ее изменившийся голос привлек внимание дяди Эма и Кэри. Дядя Эм обернулся в мою сторону и озабоченно спросил:

– Что с тобой, малыш? Ты побелел как полотно!

Но я не хотел сразу рассказывать, что мне привиделось в окне. На какое-то мгновение мне даже показалось, что я бредил. «Может быть, я слишком много выпил, – подумал я. – Но ведь с двух стаканов трудно заполучить белую горячку».

Я тряхнул головой, делая вид, что пытаюсь отрезветь. По их лицам было видно, что они обо мне думают.

– Все в порядке. Я как-то странно себя почувствовал. Надо выйти на воздух.

Я поднялся и пошел к двери фургона. Эстелла бросилась было за мной, но дядя Эм ее удержал. Он ей шепнул, что меня сейчас вырвет, а в таких случаях человеку лучше побыть без свидетелей. Закрывая за собой дверь, я услышал, как Эстелла распорядилась, чтобы Кэри заварил кофе покрепче.

В фургоне мне было страшно, но только выйдя наружу, я понял, что значит настоящий ужас. Я был один в темноте и знал, что собираюсь делать. Мне хотелось прогнать от себя все мысли. Усилием воли я заставил себя обойти фургон и посмотреть с обратной стороны на окно, в котором увидел призрак.

Разумеется, там не оказалось никакой обезьяны – ни мертвой, ни живой. Сноп света из окна падал на довольно значительное пространство. Но прямо под окном фургона валялся перевернутый деревянный ящик. Шимпанзе ничего не стоило залезть на этот ящик и заглянуть в окно.

Мой страх отчасти пропал. Сам не знаю, что я ожидал увидеть, но этот ящик меня несколько успокоил. Я подошел к нему и двинул ногой. Ящик был пуст, под ним тоже ничего не оказалось. Затем я отошел назад на дюжину шагов и встал так, чтобы можно

было заглянуть под фургон. С той стороны фургона огни центральной аллеи освещали пространство под ним. Я нагнулся и внимательно посмотрел между колесами – там ничего не было. В раздумье я вернулся к фургону. Мне пришло в голову чиркнуть спичкой или сбегать за карманным фонарем, чтобы проверить, отпечатались ли под окном следы. Но потом, почувствовав под подошвами твердую почву, я понял, что никаких следов не осталось. Присев на ящик, я начал обдумывать положение. Вызвав в памяти увиденный кошмар, я еще больше себя запутал. Кроме Сьюзи шимпанзе на ярмарке не было – это несомненно. Смерть Сьюзи тоже была реальностью. Она была не только мертва, но и похоронена: один из служащих ярмарки сказал мне, что Хоги закопал ее в лесу к западу от ярмарочной площади, – именно в том лесу, где мы искали ее вчера утром.

Разве можно было представить себе хоть на секунду, что Сьюзи не умерла? Я не присутствовал при том, как ее нашли, но куча народу видела, как ее выловили из бассейна. Ведь Хоги не похоронил бы ее, если бы она была жива...

Вся эта история теперь казалась мне настолько немыслимой, что я спрашивал себя, действительно ли я видел обезьяну. Может быть, кто-нибудь из артистов негритянского цирка или чернокожий служащий заглянул в окно, а я спьяну вообразил бог весть что. Я уговаривал сам себя, но одновременно сам себе не верил. Обойдя еще раз фургон, я вернулся в компанию. Эстелла сидела около плитки, на которой кипел кофе.

– Ну, как дела, Эд? Тебе уже лучше? – спросил Кэри.

– Да, думаю, все обойдется. Брось возиться с кофейником, Эстелла.

– Ты все-таки выпьешь кофе, Эдди, а то я вылью его тебе за шиворот. Сейчас все будет готово.

Дядя Эм поддержал ее:

– Ты бледновато выглядишь, Эд. Чашечка кофе тебе не повредит.

Я присел за стол. Мне было неприятно думать, что они считали меня неспособным выпить без последствий пару стаканов (а я и их-то не выпил). Кэри пошел искать в шкафчике чашку, а Эстелла возилась с кофейником. Дядя Эм подошел ко мне и шепнул, чтобы они не слышали:

– Что случилось, Эд? Ведь виски здесь ни при чем, не так ли?

Заметив, что Кэри возвращается с чашкой, я пробормотал:

– После скажу.

Кэри взял бутылку виски, опустевшую на две трети.

– Мы произвели анализ, Эд. Результат – виски никуда не годится, но это все же виски. Сколько ты выпил?

– Только два стакана. Но дело не в виски. Я, должно быть, съел какую-то гадость.

Он поставил бутылку и заключил:

– Все ясно – пищевое отравление. Может, ты сводишь его к врачу, Эм?

– Да нет, не надо, все уже прошло, – сказал я.

– Он поправится, Ли, – засмеялся дядя Эм и подмигнул мне.

Эстелла принесла крепкий обжигающий кофе, и я был вынужден его выпить. В глубине души я предпочел бы выпить трижды охаянное виски. У меня тряслись руки: пережитый страх давал о себе знать. Но нечего было и думать о том, чтобы попросить стаканчик – Эстелла и Кэри считали именно выпивку причиной моего недомогания.

Дядя Эм и Кэри вернулись к прерванной беседе, а я мелкими глотками потягивал кофе, пока не выпил всю чашку. Эстелла тут же предложила мне вторую, но я отказался и заявил, что мне нужно выйти на свежий воздух и погулять.

– Я пойду с тобой, – сказала Эстелла. На этот раз ее компания меня устраивала. И мы побрели без определенной цели вдоль центральной аллеи.

– Может, зайдём в тот бар, где мы с тобой были в прошлый раз, – предложил я.

– Я согласна, Эдди, только... тебе не надо больше пить.

– То, что со мной произошло, не имеет никакого отношения к спиртному, Эстелла. Я прекрасно себя чувствую.

– Ты в этом уверен?

Мы пустились вниз по широкой улице и остановились у бара. Он еще был открыт. Сев за столик, мы заказали виски с содовой.

Свой первый стакан Эстелла выпила залпом и принялась за второй.

– Эдди, – спросила она после недолгого молчания, – что произошло между тобой и Скитсом Гири?

– Ничего особенного. А почему ты спрашиваешь?

– На твоём месте я бы поостереглась. Не знаю, что ты ему сделал, но он имеет на тебя зуб. А такой тип, как он, всегда мстит. Он будет выжидать месяц, год – а потом ударит из-за угла. Тебе будет казаться, что все уже забыто, но он никогда не простит.

– Он мерзкий поганец. Такое дерьмо, что не стоит даже о нем говорить.

– Тут ты прав. Но он хитрый. Он не станет рисковать и постарается сделать так, как будто он совсем ни при чем. Сам он и пальцем тебя не тронет, но...

– Все понятно. Если на меня упадет кирпич или я свалюсь в яму с дерьмом, я буду знать, что это проделки Гири. Но тогда я с ним поговорю с глазу на глаз, будь спокойна!

– Не надо его недооценивать, Эд. У него всегда водятся деньги: дела у маленького шапито в этом году идут прекрасно. Он здорово нажился на этом трюке с окровавленным ножом... И потом, он скряга и не швыряет деньги на ветер, как большинство из нас. Я думаю, что он самый богатый на ярмарке и может оплатить некоторые услуги.

Я ласково погладил ее руку, лежавшую на столе:

– Спасибо, Стелла. Я поостерегусь.

Она убрала свою руку и сказала:

– Не надо глупостей, Эд. Помни, что мы теперь только друзья.

– Действительно, я и забыл, – рассмеялся я.

– И каждый будет платить за себя. Теперь я угощаю. Ты и вправду уверен, что с тобой все в порядке?

– Вполне. Не беспокойся за меня.

Я пожалел, что попытался оправдать свое состояние выпитым виски. Теперь всякий раз, когда мне захочется выпить, нужно будет просить разрешения. Эстелла заказала еще две порции виски с содовой. После того поила, которым нас угостил Кэри, это виски показалось мне райским напитком.

– Эдди...

– Что такое?

– Поскольку мы теперь друзья, я должна сознаться, что все наврала про Риту.

– Вот как!

– Она не шлюха. Она порядочная девушка, Эдди. Мы с ней работаем вместе не так уж давно, но сразу видно, что она не из таких. На этой ярмарке никто от нее ничего не добился. Только ты один.

Теперь настала моя очередь задавать вопросы:

– А тот пижон, о котором ты говорила, – банкир из Эвансвилля?

– Я ничего не могу сказать наверняка. У нее действительно было свидание с каким-то банкиром, но, по-моему, это было связано с денежными делами. Во всяком случае...

– После закрытия банка? В два часа ночи?

– Это действительно выглядит странно, но мне кажется, что любовью здесь и не пахнет.

Я недоверчиво хмыкнул. Эстелла перегнулась через столик и вполне серьезно сказала:

– Не будь дураком, Эдди. Рита хорошая девушка. Даже если допустить, что это было не деловое свидание, это еще не значит, что она с ним спала. Может, она познакомилась с ним, когда открывала счет в банке или выписывала чек. Он мог предложить ей посидеть где-нибудь в баре и выпить стаканчик после закрытия ярмарки. Что же в этом плохого?

– Да вроде ничего.

– Не все девушки с ярмарки ведут себя легкомысленно. Только некоторые – и то, когда сами этого захотят. Рита не из тех, кого зовут «Мэри-ляг-скорей-со-мной». Она не для банкиров из маленьких городков.

– Она только для банкиров из больших городов? – усмехнулся я.

Я подумал, что она рассердится, но она рассмеялась:

– А почему бы и нет?

Потом она опять перешла на серьезный тон:

– Ты сам прекрасно понимаешь, Эдди, что такой девушке нечего делать на ярмарке. Она может подцепить кого угодно, если захочет. Даже большую шишку. И она достаточно хитра, чтобы не лезть сразу в постель. Вот только где был ее ум, когда она в тебя влюбилась?

– За одно это ее надо послать к психиатру. Самое смешное, что я действительно так думал.

Я подозвал бармена и заказал еще две порции. Только сейчас опьянение дало о себе знать, но я наконец-то пришел в себя. Бармен принес два стакана и заявил, что это последние, потому что бар закрывается. Мы выпили, я купил еще бутылочку хорошего бурбона, засунул ее в карман, и мы отправились обратно на ярмарку.

В баре я почти забыл о кошмаре; спящая ярмарочная площадь живо мне его напомнила. У центрального входа я остановился. Мне необходимо было сделать одну вещь. Теперь я твердо знал, как мне следовало поступить, и я не хотел ждать. Видимо, я изменился в лице, потому что Эстелла спросила меня:

– Что с тобой опять, Эдди?

– Стелла, где и когда Хоги похоронил Сьюзи?

– А почему ты спрашиваешь?

– Мне нужно знать.

– Вчера, ближе к вечеру. Я видела, как Хоги и Поп Дженни тащили ее в лес. Хоги нес обезьяну, а Дженни – лопату. Это было почти сразу после того, как они ее нашли. А что случилось?

– А ты уверена, что они несли именно шимпанзе?

– Ты что, сошел с ума?

– Очень может быть. Повторяю, ты уверена, что они несли обезьяну?

– Она была завернута в холст. Но почему ты сомневаешься, что это была Сьюзи?

– А почему ты в этом так уверена? Ты ее видела?

– Я видела, как ее вылавливали из бассейна. Тогда как раз начиналось представление «живых картин», и я стояла на эстраде у входа. Мы растеряли публику: все кинулись смотреть, как ее вытаскивали из воды, и побежали к бассейну. Чарли даже перестал орать.

– А ты-то сама туда ходила?

– Нет. С эстрады лучше видно. Притом на мне был один пеньюар, а под ним только трусики. Не могла же я броситься в толпу мужиков в таком виде. Представляешь, какая началась бы свалка, если бы кто-нибудь из этих придурков начал ко мне приставать! Я не такая дура.

– Ты абсолютно уверена, что из бассейна вытащили именно Сьюзи?

– Ты что, совсем обалдел, Эдди? Я видела, как они вытащили из бассейна мертвую обезьяну. Если это была не Сьюзи, то кто? У нас тут нет других шимпанзе.

Я замолчал. Вся эта история представилась мне вдруг такой чудовищно абсурдной, что мне опять стало страшно. Эстелла взяла меня за руку и встряхнула.

– Эдди, скажи мне, что это значит? Ты что, совсем пьян?

– Я совсем не пьян. Видимо, придется тебе все рассказать.

И я рассказал ей, что видел в окне фургона Кэри.

После моего рассказа она долго на меня смотрела, а потом прошептала:

– Мне страшно, Эдди.

– Мне тоже, Стелла. Хочешь вернуться домой? Я посажу тебя в такси.

– Зачем? Что ты собираешься делать? Ведь ты же не будешь...

Я кивнул головой:

– Я это сделаю. Мне нужно узнать.

– Тогда я пойду с тобой.

Я было начал с ней спорить, но потом передумал. Мне совсем не улыбалось идти одному ночью в лес, чтобы вырыть труп, хотя это всего только труп шимпанзе.

Глава 9

Эстелла ждала меня около нашего балагана, пока я не вернулся с карманным фонарем и лопатой. Этой лопатой с короткой ручкой мы обычно рыли канавки после дождя. Я надел широкий плащ, чтобы под ним не было видно, что я несу.

Когда мы шли вдоль центральной аллеи, Эстелла вдруг сказала:

– Эдди, пока ты собирался, мне в голову пришла одна мысль. А что, если Хоги уже обзавелся другой обезьяной? Ведь это вполне вероятно.

– Он еще не сошел с ума!

– А почему бы и нет? Если он купил одну обезьяну, то почему бы ему не купить другую, если первая сдохла? Тем более если он знал, где ее можно раздобыть. Ты говорил с ним или с Мардж после всего, что случилось?

– Нет. Но, по-моему, это совершенно идиотское предположение.

– Послушай, мы все равно пойдем мимо их фургона. Если там горит свет, можно будет зайти.

В фургоне Хоги действительно горел свет. Они не спали.

– Только один шанс на миллион, что ты права, – сказал я. – Но если ты настаиваешь, давай проверим. Только не стоит входить вместе. Ты зайди одна, а я тебя подожду. Скажи, что ищешь Кэри, выдумай что-нибудь...

Я расположился у балагана с «живыми картинами» и стал ждать Эстеллу. Она вернулась через пять минут.

– Я ошиблась, Эдди. Нечего было и спрашивать. Хоги уже разобрал клетку. Никакой обезьяны у него нет – это ясно.

– Ну хорошо. А ты уверена, что хочешь пойти со мной?

– Да, Эдди. Только... почему ты не поговоришь с Хоги? Его сейчас нет дома. Там одна Мардж. Он, наверное, пошел в игорную палатку. Может быть, стоит вызвать его и спросить, уверен ли он сам, что это была Сьюзи?

– Нет, – сказал я. – Я ничего не буду спрашивать у Хоги, я вообще ничего ни у кого не буду спрашивать. Я должен выяснить все сам.

– Хорошо, Эдди. Пошли!

Мы сделали крюк, чтобы Мардж не увидела из фургона, куда мы направляемся, пересекли ярмарочную площадь и вошли в лес.

Я уже был в этом лесу вчера утром. При свете дня он выглядел маленьким и радостным. Но теперь, среди ночи, он показался мне огромным.

Я вспомнил, что вчера утром мы шли по дорожке, и подумал, что Хоги вырыл могилу где-нибудь недалеко. Обшарив опушку леса с карманным фонарем, мы нашли тропинку и пошли в глубь леса.

Эстелла тряслась от страха. Она вцепилась в мою руку так сильно, что позже я обнаружил на руке синяки. Я все время шарил фонариком по сторонам тропинки, пытаюсь найти бугорок или свежевзрытую землю. В первый раз мы прошли мимо. Дойдя до конца дорожки, мы повернули обратно, и только тогда я заметил небольшой бугорок размером примерно сто двадцать на шестьдесят сантиметров. На рыхлой земле четко отпечатались следы лопаты. Бугорок напоминал детскую могилку: тот, кто ее вырыл, работал очень аккуратно. Эстелла еще крепче прижалась ко мне и прошептала:

– Эдди, а ведь это действительно похоже на могилу.

– Так оно и есть. Только здесь похоронена обезьяна. По крайней мере, я на это надеюсь. Что же, давай проверим!

– Эдди, умоляю, не делай этого!

– Сначала я отведу тебя домой.

– Нет, если ты твердо решил, я останусь. Буду тебе светить.

– Спасибо. Ты храбрая девочка!

Я передал ей фонарь, и она стала немного в стороне. Я начал рыть землю. Земля была рыхлой, и работа продвигалась быстро. На глубине шестидесяти сантиметров лопата наткнулась на холст. Но я продолжал копать, пока не освободил его от земли по всей длине.

Взяв фонарь у Эстеллы, я сказал ей:

– Тебе лучше отвернуться. Зрелище будет не из приятных.

Я посветил ей, пока она не отошла к дорожке. Она не стала отворачиваться: с такого расстояния все равно ничего нельзя было разглядеть. Мне самому было жутко заглядывать внутрь холста, но я хотел быть полностью уверенным. Из-под холста кое-где выглядывали клочки шерсти. Собравшись с духом, я стал на колени, нагнулся и развернул холст.

– Ну как, Эдди? Что ты там нашел? – крикнула Эстелла.

– Это Сьюзи, – ответил я.

Она подошла поближе, и я вернул ей фонарь. Она светила мне, пока я засыпал маленькую яму и приминал рыхлую землю лопатой.

На обратном пути мы не сказали друг другу ни слова. Только когда мы вышли на опушку леса и увидели ярмарочную площадь с палатками, балаганами, чертовым колесом, у нас немного отлегло от сердца. В небе мирно светила луна, слабо мерцающие окна фургонов навевали спокойствие.

Эстелла взяла меня под руку.

– Давай немного подождем, Эдди. Мне кажется, я сейчас упаду в обморок. Я вся дрожу. У тебя с собой бутылка, которую ты купил в баре?

– О господи, я о ней совершенно забыл! А ведь она пригодилась бы мне, пока я там играл в гробокопателя. Да и сейчас глоточек виски мне не помешает.

Я направил свет на Эстеллу. Она не шутила: ее лицо было бледным как полотно, а тело тряслось, как в ознобе. Конечно, она испугалась еще больше меня. Однако она довольно быстро справилась с собой. Я понимал, что ей нужно время, чтобы окончательно успокоиться. Здесь, рядом с мирными огнями ярмарки, вдали от места нашего зловещего приключения, мы оба почувствовали себя лучше. Нам хотелось передохнуть.

– Давай присядем и выпьем немного, – предложил я.

Сняв плащ, я расстелил его на земле, положил фонарь и достал бутылку. Мы оба выпили по глотку: бурбон подействовал гораздо приятнее, чем виски Кэри. Я почувствовал, как теплая волна растекалась по моей груди. Я сделал еще глоток.

– Не жадничай, Эдди. Оставь и мне немножко, я совсем закоченела, – попросила Эстелла.

Я обнял ее одной рукой и передал бутылку. Она тесно прижалась ко мне и сказала:

– Ты такой милый и такой теплый, Эдди. Только помни, никаких глупостей!

– Помню.

Как хорошо было сидеть в тишине и темноте, смотреть на огни ярмарки и ни о чем не думать! И все-таки было бы гораздо лучше, если бы сейчас рядом сидела Рита. Я начал считать дни. Сколько же мы не виделись? Кажется, прошла уже целая вечность. Эстелла вновь передала мне бутылку. Мы не спеша ее высосали: торопиться было некуда.

– Теперь я чувствую себя гораздо лучше, – сказала Эстелла. – Все в порядке.

– Хочешь вернуться? – спросил я.

– Если ты сам этого хочешь.

– Я не хочу, – сказал я.

– Я тоже.

Лицо девушки белело в темноте рядом, я чувствовал тепло ее тела. «К черту дружбу», – подумал я и поцеловал Эстеллу. Мы долго не могли оторваться друг от друга.

– Почему ты не поцелуешь меня так, как поцеловал бы Риту? – прошептала она.

Она прочла мои мысли.

– Это было бы нечестно по отношению к тебе, Эстелла, – сказал я.
– А почему бы и нет, Эдди? Совсем не обязательно принимать это всерьез. Можно поцеловаться просто ради удовольствия.
Тут ее мысли совпадали с моими. Но я решил не поддаваться соблазну.
– Пойдем домой, Эстелла, уже поздно.

* * *

Когда я проснулся на следующее утро, дядя Эм сидел на своей кушетке и натягивал носки. У него был взволнованный и озабоченный вид. Хорошо выспавшиеся люди обычно выглядят иначе.

Я слегка привстал, пытаюсь понять причину его беспокойства.

– Опять что-то произошло, Эд! Ты слышишь? Я чувую что-то неладное.

Я открыл было рот, чтобы спросить, что он имеет в виду, но тут же закрыл и внимательно прислушался. Может, после слов дяди Эма воображение у меня разыгралось, но я чувствовал, что в воздухе носилась тревога. Нечто весьма неопределенное: подавленное возбуждение, смешанное со страхом, – такое испытываешь, ожидая раската грома после блеска молнии. Или когда кто-то приходит с плохой новостью, и ты читаешь ее на лице у пришедшего. Ты еще не знаешь, что он скажет, но предчувствуешь несчастье.

Потом я не раз спрашивал себя, откуда у меня взялось это предчувствие – что-то в вопросе дяди Эма и в том, как спешно он одевался, натолкнуло меня на эту мысль.

Еще одно убийство! Кто же на сей раз?

Догадаться было невозможно. Сбросив ноги с кушетки, я начал торопливо одеваться. Конечно, дядя Эм был готов раньше меня, но я попросил его подождать. Мы выскочили из палатки и ринулись к центральной аллее.

Сначала мне показалось, что там было полно полицейских, не менее дюжины. Но присмотревшись, я насчитал шесть полицейских, которые, разбившись на три группы, допрашивали свидетелей. Некоторые из них держали в руках открытые блокноты. Я чуть-чуть отошел и огляделся. По всем признакам центром внимания был негритянский балаган. Возле него стояла кучка негров, мулаток и несколько человек белых. Внутри балагана слышались рыдания какой-то женщины. Я направился к балагану, но кто-то меня окликнул:

– Постой!

Я остановился и оглянулся. Ко мне бежал полицейский. Он спросил меня:

– Мы уже записали твое имя?

– Нет, – ответил я. – А что произошло?

Дядя Эм подошел к нам с другим полицейским. Тот только что отпустил кого-то из наших. У первого полицейского в руках были блокнот и карандаш.

– Твое имя?

– Эд Хантер. А что здесь происходит?

– Ты работаешь здесь?

Я кивнул.

– А почему вы спрашиваете?

Он записал мое имя в блокнот, но ничего не ответил. Потом опять поднял на меня глаза и спросил:

– Чем ты занимаешься здесь?

В этот момент дядя Эм, стоявший рядом, слегка толкнул меня локтем, чтобы я помолчал.

– Он работает со мной, господин полицейский. Это мой племянник. У нас тут балаганчик с аттракционами. Мы готовы отвечать на ваши вопросы хоть до будущей недели. Но вполне естественно, что нам хотелось бы знать, что, собственно, произошло. Мы только-только проснулись. Если вы на минутку прервете ваши вопросы и

соблаговолите объяснить нам причину переполоха, мы будем вам очень благодарны. Да и дело от этого только выиграет, потому что мы сможем ответить на ваши вопросы гораздо обстоятельнее.

Полицейский улыбнулся:

– Ладно, приятель, твоя взяла. Этой ночью убит негритянский мальчик, некий Брукер Т. Брент. А теперь скажи мне твое имя.

Дядя Эм назвал себя, полицейский сделал отметку в блокноте.

– Ну хорошо, я буду спрашивать вас обоих. Выходили ли вы сегодня ночью за пределы ярмарки?

Дядя Эм ответил отрицательно. Я собрался было соврать, но передумал.

– Я ходил в бар за несколько кварталов отсюда.

– К Фелтнеру?

Я ответил, что не знаю имени хозяина, но что бар находится в нескольких кварталах к северу от центрального входа. Он кивнул головой.

– А в котором часу?

– Я не обратил внимания, но, наверное, где-то после полуночи. Скажем, около часу ночи. Мы посидели там полчаса и вернулись на ярмарку.

Он хотел узнать, кто был со мной, и я назвал Эстеллу.

– Ты знаешь убитого малыша?

Я покачал головой, но тут вмешался дядя Эм:

– Конечно, он его знает, но только под другим именем. Это Негро.

– О господи! – вырвалось у меня.

Почему такое случилось именно с Негро? Он был такой забавник, так чудесно бил чечетку, был таким хорошим парнишкой. Невозможно себе представить, что он мертв!

Но полицейский подтвердил:

– Да, именно под этим именем он фигурировал на афишах: Негро. Когда вы его видели в последний раз?

Я подумал и ответил:

– Где-то ближе к вечеру. Я проголодался и пошел перекусить. В негритянском балагане как раз начиналось представление: зазывала уже стоял на эстраде. Негро был рядом и танцевал, когда я проходил мимо.

– Ты видел его после закрытия?

– Нет.

Дядя Эм сказал примерно то же, что и я: в последний раз он видел мальчика, когда тот танцевал на эстраде. Но он его видел чуть раньше, чем я, потому что мы ходили есть по очереди, чтобы не закрывать балаган.

– Хорошо, – сказал полицейский. – А где стоит ваш балаган?

Дядя Эм указал ему нашу палатку.

– Кто-нибудь еще работает с вами?

– Нет, нас только двое.

– Вы всегда ночуете на ярмарке?

– Да, в палатке позади балагана.

– Ну ладно, я записал ваши данные: Эмброз Хантер, Эд Хантер.

Когда он пошел вдоль центральной аллеи, к нему присоединился второй полицейский. Навстречу им попался Поп Дженни, и они немедленно взяли его в оборот. Блокнот снова был раскрыт.

Я собрался подойти к кучке людей, стоявших у негритянского балагана, но дядя Эм меня остановил:

– Подожди, Эд! Там мать и отец мальчика. Оставь их одних. Им сейчас совсем не нужна толпа.

– Но ведь надо же найти, кто это сделал!

– Конечно, надо. Но им уже ничем не поможешь.

– А с чего надо начинать поиски?

– С обычных полицейских процедур. Но совсем не обязательно трезвонить об этом деле на всех углах. Капитан Вейс еще в городе. Вчера он сказал, что останется в «Ардморе» на весь сегодняшний день. Так что еще не поздно. Ясно как божий день, что он уже в курсе событий. Скоро мы его здесь увидим.

– А ты считаешь, что он как-то свяжет оба эти убийства? – спросил я.

– Откуда мне знать? Ведь я не знаю, при каких обстоятельствах был убит мальчик. Давай позвоним. Но только не отсюда, а из бара.

– Ты прав, там точно есть телефон.

И мы пошли в бар. Дядя Эм заказал пиво, а я кока-колу. Пока бармен занимался нашим заказом, дядя Эм спустился вниз позвонить и вернулся через несколько минут.

– Вейс в центральном полицейском управлении. Он еще не выехал из «Ардмора». Он назначил нам встречу в отеле на три часа.

Я посмотрел на часы: был уже час дня.

– А зачем нужно ждать так долго?

Дядя Эм бросил косой взгляд на бармена, но тот, видимо, не обращал на нас никакого внимания. Дядя Эм понизил голос и прошептал:

– Эд, не нужно ничего от него утаивать. Я хочу, чтобы ты рассказал ему все, что рассказал мне. Я имею в виду то, что ты видел в окне фургона Кэри.

– Вернее, то, что мне померещилось. А что мы будем делать эти два часа?

– Сначала нужно повидаться с Эстеллой. Так или иначе, вы оба замешаны в этом деле. Нужно, чтобы ее версия совпадала с твоей. Если полиция начнет ее допрашивать, а она заявит, что никуда с тобой не выходила сегодня ночью, ты попадешь в передрагу.

Я отпил глоток кока-колы.

– Хорошо, допустим, я им скажу, что я увидел в окне. Но нужно ли говорить, что я ходил в лес откапывать обезьяну? Я уже дал показания, что отлучался на полчаса, чтобы посидеть в баре.

– Не беда! Если они загонят тебя в угол, ты дашь задний ход. Скажешь, например, что лес прилегает к ярмарке и практически является частью ярмарочной площади.

– Все это так, но они спросят, зачем мне понадобилось туда ходить.

– Не валяй дурака, Эд. Ты им скажешь, что видел в окне Сьюзи или какую-то другую обезьяну. Они не глупее тебя. Они сходят в лес и увидят, что могилу кто-то разрыл. Потом они найдут там нашу лопату. Ты ведь ее бросил где-то у могилы. Лучше во всем сразу признаться.

– А разве я не принес лопату обратно?

– Я ее не видел, когда ты вернулся.

Я стал припоминать: я оставил ее не на могиле Сьюзи, это точно. Мы останавливались на опушке леса, когда шли обратно. Скорее всего, она там.

– Думаю, что в тот момент голова у тебя была забита другими проблемами, – заметил дядя Эм. – Самое важное сейчас не в этом. Ты знаешь, где живет Эстелла? Мы должны срочно ее разыскать.

– Она живет в «Ардморе», как и Вейс. Сегодня ночью я велел шоферу такси отвезти ее туда.

– Тогда чего же ты ждешь? Позвони ей немедленно, пока она никуда не ушла. Договорись о встрече, но не в «Ардморе». Не надо рисковать встретиться с Вейсом раньше времени. В городе есть ресторан, который называется «Макси». Скажи ей, чтобы она туда подъехала к двум часам.

Я пошел к телефону и позвонил Эстелле. Она была у себя.

– Привет, Эдди, – ответила она сонным голосом. – Я еще не совсем проснулась.

– Так ты еще не знаешь, что произошло?

– Нет, ничего не знаю.

Я кратко рассказал ей все, что знал сам, и попросил встретиться с нами, чтобы

согласовать версии, на тот случай, если нас будет допрашивать полиция. И назначил ей встречу в два часа в «Макси».

– Эдди, откуда ты звонишь?

– Из кабины в баре.

– Что касается этой ночи, Эдди: я знаю, что между нами ничего не могло произойти, и не хочу портить твои отношения с Ритой. Ты ничего никому не говорил? Я имею в виду твоего дядю.

– Ты прелесть, Стелла. О нас с тобой я ничего ему не сказал. Но его невозможно обмануть. Он все читает по моему лицу. Не знаю, как ему это удастся, но это так.

Она рассмеялась.

– Хорошо, Эдди! Итак, между нами ничего не было. Согласен?

– Согласен, – я почувствовал, как у меня с души свалился камень. – Ну, пока!

Встретимся в два у «Макси».

Я вернулся в бар и сказал дяде Эму, что все в порядке.

– Тогда пошли! У нас еще есть время вернуться на ярмарку.

– Зачем?

– Нужно найти эту чертову лопату. Если ты оставил ее там, где рыл, это еще ничего: ты объяснишь, почему она там оказалась, раз уж решил признаться. Но если ее найдут на опушке леса, это будет трудно объяснить.

– Ты прав, – согласился я.

Мы вышли из таверны и направились к ярмарочной площади.

– Пока ты будешь искать лопату, я хотел бы поговорить кое с кем из маленького шاپито. Не совсем понятно, почему так испугался Великан Моут, когда сбежала обезьяна. Ты ведь помнишь, как он себя вел? Что это было – страх перед обезьяной или что-то другое?

– Мы ведь говорили об этом с Вейсом. Может быть, он нашел причину?

– Наверняка он пытался. Но ему трудно докопаться до истины – если только Великан не расколется и не выложит все начистоту. А я в это не очень-то верю.

На центральной аллее нас опять остановила парочка полицейских, и нам пришлось объяснить, что с нас уже сняли показания. Мы описали им тех полицейских, которые нас опрашивали, и они отпустили нас с миром. Тут мы расстались, договорившись встретиться у Ли Кэри.

Я свернул с центральной аллеи на дорожку, ведущую к лесу. Найти лопату не составило никакого труда, но мне пришлось сделать здоровенный крюк на обратном пути, чтобы вернуться в нашу палатку. У меня еще оставалось немного времени, и я переоделся. Я облачился в свой лучший костюм и новые ботинки, поскольку нам предстояло обедать в городе. Утром я так торопился, что нацепил ту же одежду, в которой копался ночью в лесу. Одежда кое-где была запачкана засохшей грязью.

Дядя Эм уже ждал меня в фургоне Кэри. Когда я вошел, он даже присвистнул:

– Вот что значит быть весьма элегантным молодым человеком!

А Ли добавил:

– Ну прямо картинка из журнала мод!

– Мне что, следует вернуться и надеть спецовку? – рассердился я.

– Времени не хватит. Ли едет в город на машине, он нас подвезет. Успеем прямо к началу спектакля.

Он повернулся спиной к Кэри и подмигнул мне. У меняхватило ума не спрашивать его, на какой спектакль мы идем. Я понял, что он не хотел посвящать Ли в истинную цель нашей поездки в город.

Глава 10

Мы забрались в машину Кэри. Дядя Эм сел посередине, а я сбоку. Я впервые ехал с Кэри и сразу же отметил, что он водит с той же ловкостью и непринужденностью, с какой показывает фокусы с картами и монетами. Иногда он лихачил: втискивал машину в такое узкое пространство, что, казалось, там не проедет и велосипед. Когда мы подъехали к центру, дядя Эм спросил:

– Слушай, Ли, ты случайно не знаешь, в каком отеле живет Великан Моут?

Ли Кэри ответил, что не знает.

– Наш малыш все еще трусит. Он сегодня заезжал на ярмарку после полудня, но когда узнал, что стряслось, быстренько схватил такси и смылся.

– Ты ему сказал, что Негро убит?

– Да был ли он убит, вот в чем вопрос! Полиция не уверена... Ли, выкинь-ка нас здесь! Мне надо кое-куда забежать, прежде чем идти на спектакль.

Мы вышли из машины и направились к большому универмагу. Пройдя его насквозь, мы вышли на улицу с противоположной стороны.

– Отсюда всего два шага до «Макси», – сказал дядя Эм.

– А почему ты решил отделаться от Ли? – спросил я.

– Только так ведутся все серьезные дела. Прежде всего, не надо трезвонить встречному и поперечному. Если наши заподозрят, что мы общаемся с Вейсом, они никогда не будут с нами откровенны. А если мы скажем Ли, что идем обедать с Эстеллой, он увяжется с нами. Но нам нужно обсудить версии вчерашних событий. Кэри совсем необязательно все это знать.

– Послушай, а тебе не удалось выяснить, что случилось с Негро? Как он был убит?

– Кэри кое-что известно, но больше я ни с кем не говорил. А вот и «Макси». Пойди посмотри, там ли Эстелла. Я не буду рассказывать эту историю два раза подряд.

Эстелла заняла столик посреди зала, откуда прекрасно просматривалась дверь. Она нас сразу заметила и помахала рукой. Мы сели за столик. Эстелла тут же набросилась на нас с расспросами, но дядя Эм остановил ее: «Немного терпения!» К нам направлялась официантка. Мы сделали заказ и выждали, пока она отошла. И тогда дядя Эм начал рассказывать:

– Так вот, дети мои, мне удалось разузнать кое-что у Кэри. Негро обнаружили в четыре часа утра, как раз перед рассветом. Но не на ярмарке, а где-то на дороге. По первым признакам, его вроде бы сшибла машина. Тело отвезли в морг, как это делается при всех несчастных случаях. Мальчика опознали только после полудня, когда родители известили полицию о его исчезновении.

– Он не ночевал дома? – спросил я. – И они спохватились только к полудню?

– Вот именно. Они все ночуют на ярмарке. Парень обычно ночевал со своей матерью в четвертом фургоне, но она подумала, что он пошел на ночь куда-нибудь к друзьям, и не стала поднимать панику. Они там все бродят с места на место. А потом она забеспокоилась и спросила у Мори, не видел ли он мальчика. И тот вообразил, что парень просто сбежал – он уже сбегал один раз в начале сезона. Так он набивал себе цену: без него негритянский спектакль ничего не стоит. Тогда Мори позвал униформистов и приказал обшарить все места, где он мог спрятаться. И только когда мальчика нигде не нашли и выяснилось, что никто его не видел, начали звонить в полицию.

– Но все-таки полиция думает, что он был убит. Ведь есть же для этого какая-то причина? Если его просто сшибла машина, они не послали бы сюда такую кучу народу.

– Причина наверняка есть. Но я рассказал все, что знаю сам. Так вот, Эстелла...

– Слушаю вас, Эм.

Он сказал ей, что мы собираемся к Вейсу. При этом ему пришлось объяснить, кто такой Вейс и что он делает в Форт Вэйне. И прибавил, что я должен рассказать Вейсу,

почему я откопал Сьюзи.

– Если ты не хочешь вмешиваться в это дело, можешь наврать, что Эд пошел туда один после того, как посадил тебя в такси, – сказал дядя Эм. Эстелла посмотрела на нас обоих и ответила:

– Нет никаких причин скрывать, что я там была и даже держала фонарь. Ведь они ни в чем не могут нас обвинить, не так ли?

– Разумеется, никакой вины тут нет, – подтвердил дядя Эм. – Конечно, существует закон, запрещающий вскрывать могилы людей без специального разрешения. Но могил животных он вряд ли касается...

– Хорошо, – сказала Эстелла и взглянула на меня. – Но все-таки не говори ему...

– Я скажу, что после того, как мы зарыли могилу, я посадил тебя в такси, потому что ты себя плохо почувствовала.

– Так оно и было на самом деле. На этих условиях можешь упомянуть меня, Эдди.

Официантка принесла наш заказ, и мы начали молча есть. Потом Эстелла сказала, что собирается вернуться на ярмарку, а мы сели в автобус и поехали в «Ардмор».

Администратор отеля заявил, что Вейс пока еще не появился, но он звонил и разрешил нам подняться в его номер. Администратор вручил нам ключ, мы поднялись на лифте и вошли в комнату Вейса. Дядя Эм сразу уселся в кресло, а я подошел к окну, в которое была видна только вентиляционная труба. Разглядывать ее было совсем неинтересно, и я тоже сел. Говорить нам было не о чем, но, к счастью, долго ждать не пришлось.

Дверь позади меня открылась, и я обернулся. Это был Вейс. По его виду я понял, что он изнемогает от жары и усталости.

– Привет! – бросил он небрежно. Потом снял шляпу и расстегнул пиджак. Подойдя к секретеру, он снял телефонную трубку. Вел он себя так, словно нас в номере не было.

Заказав по телефону бутылку «Сигрема», он наконец обратил на нас внимание. «Почему он не захватил бутылку с собой?» – подумал я. Вейс прочел мои мысли.

– Так дешевле. Спиртное входит в счет за обслуживание, а мое пребывание здесь оплачивает полицейское управление.

Он улыбнулся и придвинул к нам свой стул.

– Ну, ты нашел что-нибудь, Эм?

– Может, да, а может, нет. У Эда сегодня ночью было странное приключение. Послушай-ка его сам.

Тут я вступил в разговор и обстоятельно рассказал ему, как мы пошли в гости к Кэри, застали там Эстеллу, как я случайно посмотрел в окно и что мне там привиделось. Я тщательно выбирал слова, стараясь ничего не преувеличивать. Но и преуменьшать необычность этого видения мне тоже не хотелось. Он несколько раз прерывал меня по ходу моего рассказа, но его вопросы не помешали мне изложить события так, как я считал нужным. Когда я начал описывать, как мне пришло в голову проверить, действительно ли Сьюзи похоронили, он спросил:

– А почему ты так решил? Ты что, считаешь, что она встала из могилы?

– Я не знаю, почему я решил действовать именно так, но я видел шимпанзе, а кроме Сьюзи здесь шимпанзе не было. Я должен был увериться, что видел не Сьюзи. Я не мог полагаться на слова тех, кто якобы видел ее мертвой.

Вейс фыркнул:

– Таких было не меньше тысячи. Ну хорошо. Ты и эта Эстелла Бэк – так, кажется, ее зовут? – вы пошли в лес и разрыли могилу. И что же вы там обнаружили?

– В могиле лежала Сьюзи. Я закопал могилу и ушел. Он провел рукой по редющим волосам.

– Если я правильно тебя понял, Хоги завернул обезьяну в холст. Ты действительно пошел до конца и развернул его?

Я ожидал этого вопроса.

– А зачем бы я стал это делать? Вы считаете, что она вылезла из могилы и оставила кого-то взамен себя?

Вейс чертыхнулся. Мне не хотелось валять дурака дальше.

– Разумеется, я его развернул. Я не уверен на сто процентов, что там была именно Сьюзи. Но то, что это была обезьяна, и притом мертвая, – это уж точно.

– Самка?

– Я не стал выяснять такие интимные детали. Он опять выругался.

– На какой высоте находится окно фургона? Человек может заглянуть туда?

– Человек мог бы, если он высокого роста. Но шимпанзе пришлось бы взобраться на что-нибудь. Кстати, неподалеку валялась вещь, на которую обезьяна могла влезть.

И я рассказал ему про ящик, который нашел около фургона.

Дядя Эм подтвердил:

– Он все еще там, я проверял. Я спросил у Кэри, и он сказал, что этот ящик валяется там уже давно. Значит, его не клали туда специально, чтобы какая-то обезьяна смогла заглянуть в окно.

– Ящик был пуст?

– Да. В таких ящиках одна фирма поставляет материалы для иллюзионных трюков. Кэри делает оптовые заказы для маленького шапито и для себя лично.

– Может быть, чтобы показать фокус с обезьяной?

– Вы на ложном пути, капитан. Это был не фокус и не трюк. Это была...

Вейс предостерегающе поднял палец, и я замолчал. Кто-то постучал в дверь.

– Входите! – крикнул Вейс.

Вошел официант, он принес виски и стаканы. После его ухода Вейс стал разливать виски. Я попросил налить мне самую капельку. Он протянул мне стакан.

– Хорошо, Эд. Ты говорил об иллюзионных трюках...

– Это не был иллюзионный трюк, – возразил я. – Могу дать руку на отсечение. Это могло быть нечто вроде оптической иллюзии; я хочу сказать, когда бросаешь быстрый взгляд на какую-то вещь, то может показаться, что видишь совсем другое. Но стоит только взглянуть...

Вейс недоверчиво покачал головой:

– Например, я вижу, что в комнату входит человек, а потом вглядываюсь и понимаю, что это вешалка, на которой висят пальто и шляпа. Конечно, можно обмануться на какую-то долю секунды, если обладаешь богатым воображением.

– Могло быть и так, но я не думаю, что ошибся. Во-первых, я видел шимпанзе не долю секунды, а несколько секунд. Во-вторых, этот призрак появился на расстоянии приблизительно тридцати сантиметров от окна. Снаружи было совершенно темно, свет падал изнутри. С большой натяжкой я могу допустить, что это был человек, но тем не менее считаю, что видел кого-то, очень похожего на обезьяну.

– Может, это был негр. Ведь их полно на ярмарке. Световой эффект...

– Может быть, – сказал дядя Эм. – У парня богатое воображение, капитан. Вот такая история! Делайте с ней что хотите, мы вам ее продаем.

Вейс опять провел рукой по волосам.

– Ну, спасибо. Это как раз такая история, на которой можно свихнуться. Еще по стаканчику?

Дядя Эм выпил еще, а я отказался. Свой стакан Вейс налил доверху, но не выпил, а оставил на столе...

– Теперь о другом. Что вы выяснили про Моута? Кстати, его настоящее имя Джозеф Дентон.

– Я как раз хотел вам сказать, капитан, – продолжил дядя Эм. – Он опять чего-то боится. Сегодня около полудня он приезжал на ярмарку...

Вейс прервал его:

– Я в курсе. То есть я хочу сказать, что мне известно, как сильно он испугался в ту

ночь, когда исчезла обезьяна. Почти как Эд прошлой ночью. Может, тогда в окне тоже появлялся призрак шимпанзе?

Я взглянул на дядю Эма. Он был просто ошеломлен таким предположением.

– Сьюзи скорее всего была уже мертва, – сказал я. – Они не знали точно, когда она сбежала.

– Сьюзи утонула прошлой ночью, это доказано. Значит, он мог увидеть в окне то же самое видение.

Я не сразу сообразил, как мне реагировать на его слова.

– Ничего он не видел; вошла Мардж и сказала, что Сьюзи исчезла. Я разговаривал с Моутом до ее прихода. У него был абсолютно нормальный вид. Правда, он был в мрачном настроении. Мы все смотрели на Мардж, когда она просила нас помочь в розысках Сьюзи. Он наверняка тоже на нее смотрел. А потом Мардж поднялась и собралась уходить. Вот тогда-то я и обратил внимание на то, что он безумно испугался. На нем лица не было. Он испугался того, что сказала Мардж.

Вейс взял свой стакан со стола и осушил его залпом.

– А теперь вы нам кое-что расскажите, капитан, – попросил дядя Эм. – Нам известно о смерти Негро столько, что этого хватило бы на целую книгу.

Вейс ответил без тени юмора:

– Принеси мне эту книгу, я поставлю на ней дарственную надпись. И что же вы знаете?

Дядя Эм выложил ему все, что знал.

– К сожалению, мне почти нечего добавить, – сказал Вейс. – Его нашли на Дейн-роуд, за километр от городской черты. То есть приблизительно в полутора километрах от ярмарки. Рано утром, точнее, в четыре часа утра, какой-то проезжий увидел его на обочине дороги. Водитель остановился и пошел проверить; мальчик был мертв. Он не повез его в больницу, а оставил свою машину около трупа и вернулся в город пешком. Он позвонил шерифу из ближайшей телефонной кабины. Тот, конечно, немедленно выслал бригаду на машине. Но во всем этом деле есть одна необычная деталь.

Вейс остановился, ожидая наших вопросов. Но поскольку мы молчали, он продолжил:

– На мальчике не было одежды. Он был совершенно голым.

Дядя Эм негромко выругался.

– Как и карлик, убитый в шапито, – сказал я.

И почувствовал, что по спине у меня пробежала дрожь.

– Без этой детали вполне можно было бы предположить, что речь идет об обычном несчастном случае. Причина смерти – перелом основания черепа. Есть и другие следы ударов. На дороге обнаружены следы крови. Казалось бы, мальчик просто шел вдоль шоссе, а какой-то шоферюга задавил его и смылся. Остается один вопрос: зачем кому-то – даже семилетнему ребенку – может понадобиться разгуливать вдоль дороги в голом виде? Это поставило всех в тупик. Мальчика отвезли в морг. И знаете, что вообразили эти идиоты? Мальчик, видите ли, был лунатиком! Лучшего объяснения они не могли придумать! Ярмарка расположена в стороне от дороги, о ней никто не подумал. В рапорте руководству полиции сообщалось, что найден труп негритянского ребенка. Там указано, что ребенок найден голым, но и только. Здешняя полиция поставлена в известность об убийстве Лона Стаффолда, поэтому за ярмаркой приглядывают. Совпадение вида обоих трупов должно было бы навести их на определенные мысли. И только когда Мори дал знать об исчезновении с ярмарки негритянского мальчика, они спохватились. Вот и вся история.

– Вполне достаточно, чтобы начать следствие, – сказал дядя Эм. – А что же дальше?

– А дальше ничего. Полиция допросила на ярмарке практически всех, и не нашлось никого, кто видел мальчика после полуночи. Точнее, после одиннадцати часов сорока минут – в это время закрывается их балаган. До утра никто не знал о его исчезновении и

не пытался его искать. До сих пор неизвестно, ушел ли он сразу после полуночи или ближе к утру. И что он делал все это время, тоже неизвестно. Разумеется, его осматривал врач. Труп доставили в морг в пять утра. В заключении сказано, что смерть наступила между тремя и четырьмя часами утра. В такое время на дороге почти отсутствует движение. Вполне вероятно, что его убили в другом месте и выбросили на дорогу. А может, мальчика убили именно на дороге. Кстати, его нашли всего через десять минут после наступления смерти.

– А его одежда? – спросил я.

– Это пока единственная интересная деталь, которую удалось установить следствию. Его одежда находилась в фургоне номер четыре, где он обычно спал. Он всегда был одет в комбинезон, как если бы...

– Но у него ведь был еще и костюм для выступлений и специальные туфли. Он же бил чечетку.

– Все это найдено. Он переоделся в балагане после выступления и опять нацепил свой комбинезон. Кстати, все участники негритянского представления в один голос уверяют, что тогда-то его и видели в последний раз. Комбинезон тоже нашли – он лежал в фургоне. Все признаки указывают на то, что он туда вернулся после спектакля и лег спать. А затем произошло следующее: либо он ушел куда-то совершенно голый, что кажется весьма странным, либо кто-то поднял его с постели, если считать постелью кучу грязных одеял на полу.

– А что вы имеете в виду, когда говорите, что кто-то поднял его с постели? – поинтересовался я.

– Ну, не знаю. А вдруг его утащила обезьяна, Эд? Ведь ты же сам уверяешь, что видел сегодня ночью шимпанзе.

Дядя Эм даже поперхнулся, когда услышал такую гипотезу.

– Не надо так шутить, капитан. А то прямо получается какой-то фильм ужасов. У меня даже мурашки по телу побежали. Давайте лучше выпьем еще по стаканчику, раз уж контора платит.

Вейс разлил виски. Я отошел со своим стаканом к окну и стал рассматривать вентиляционную трубу. В голове у меня было пусто.

Дядя Эм поднялся с кресла и начал расхаживать по комнате.

– Давайте опять вернемся к Великану Моуту. Вы знаете, в каком отеле он остановился?

– Уже ни в каком, – отозвался Вейс. – Он сделал ноги. Если побег Сьюзи его испугал, то смерть Негро вышибла последние мозги. Он схватил такси, помчался в свой отель и быстренько собрал чемоданы. Служащий отеля говорит, что, когда Моут расплачивался по счету, его трясло и он едва выговаривал слова. Он побросал свои вещички в такси и напрямик покатил на вокзал. Ну, правда, карлика нетрудно выследить, он слишком приметен. Его засекли в Сент-Луисе. Наши послали туда телеграмму, чтобы его задержали.

– Моут не мог убить Негро. Во-первых, ему было бы не по силам унести его так далеко, а во-вторых, он не водит машину.

– Не водит или не умеет водить?

– У Моута нет машины. Да он и не смог бы вести обычную машину: у него ноги не достают до педалей. К тому же, чтобы разглядеть что-нибудь перед собой, ему пришлось бы стоять за рулем.

– О господи! Да мы его ни в чем таком не подозреваем. Просто хотелось бы выяснить, чего он так боится. В этом чертовом деле не за что зацепиться. Бессмыслица на бессмыслице.

– Да уж, капитан, – ухмыльнулся дядя Эм. – Жаль, что убийца не оставил вам свою визитную карточку.

Вейс никак не отреагировал на его шутку.

Я устал стоять у окна и присел на край кровати. У меня что-то застряло между зубами во время обеда. Я стал рыться в кармане куртки в поисках зубочистки. Зубочистку я так и не нашел, но в правом внутреннем кармане мои пальцы наткнулись на маленький предмет. Это был красный пластмассовый кубик для игры в кости, который я зачем-то прихватил с собой в фургоне Кэри. От нечего делать я начал вертеть его в руках, а потом бросил на покрывало.

– Откуда у тебя эта штучка, малыш? – спросил дядя Эм.

Я ему ответил, и он опять начал мерить шагами комнату.

– Капитан, если допустить, что смерть Сьюзи входила в общий план, то в этих трех убийствах есть сходные признаки, – сказал дядя Эм.

Вейс нахмурился:

– Ни на ком из них не было одежды. Правда, трудновато требовать от обезьяны, чтобы она одевалась. Пока это единственный признак. Разве есть и другие?

Дядя Эм ткнул в меня пальцем:

– Посмотрите на игрушку Эда. Вот вам и ответ на ваш вопрос.

Вейс недоуменно взглянул на него.

– Что-то не понимаю. Он вертит в руках кубик.

– Не просто кубик, а маленький кубик, и к нему нет пары. Стаффолд – Сьюзи – Негро. Карлик, шимпанзе, ребенок. Они все были приблизительно одного роста, капитан.

– А ведь и правда! – воскликнул Вейс.

Я все еще продолжал крутить в руках кубик. Потом я закрыл глаза: вдруг меня словно озарило. Неясная догадка вспыхнула в моем мозгу, но тут же погасла, уступив место сомнениям.

– Поднимайся, Эд, мы уходим, – сказал дядя Эм.

Я побрел за ним.

Глава 11

Негритянский балаган в этот вечер был закрыт. Остальная ярмарка работала, но дела шли неважно. Все чего-то боялись.

Я удивлялся, почему не явились толпы зевак, как это было в Эвансвилле после первого убийства. В ту ночь ярмарка напоминала сумасшедший дом. Дядя Эм объяснил это так:

– Черт возьми, малыш, эти пижоны и не предполагают, что здесь произошло новое убийство. Мальчика якобы сбила машина. По крайней мере, в газетах выдвигается именно эта версия. У полиции есть на то свои причины.

– Я хотел бы сам прочесть эти газеты.

– Пожалуйста! Если тебе так хочется, можешь не возвращаться. Я закроюсь пораньше. Все равно дела идут ни к черту!

Я пошел в ближайшее кафе и купил вчерашнюю местную газету. Заказав молочный коктейль, начал искать статью о смерти Негро.

На первой странице я не нашел ничего. Зато на второй сразу наткнулся на четыре маленькие колонки. Там не было и намека на то, что смерть мальчика явилась результатом убийства. Статья также умалчивала о том, что труп был найден в голом виде. Даже всем известное имя маленького Негро – чудо-четечотника с ярмарки – не упомянули. Просто речь шла о некоем Брукере Т. Бренте, чернокожем ребенке с ярмарки Дж. Хобарта. Констатация факта – и ничего более.

Вернувшись на ярмарку, я стал расспрашивать дядю Эма, почему полиция не сообщает прессе о таком интересном факте. Он пожал плечами.

– А чтобы поиграть в тайны, Эд. Полиция обожает тайны, причем сама не знает почему. Им кажется, что так они выглядят солиднее, что на руках у них всегда есть козырная карта. Вот они и прячут ее в рукаве до поры до времени.

– Если ты себя считаешь умнее полицейских, то кто, по-твоему, убил парня?

– Не знаю, Эд. А тебе кажется, что я знаю?

– Мне казалось, что ты мог бы в этом разобраться. Ведь ты был сыщиком.

– Я работал в частном агентстве – вот и все. Разыскивал людей, переехавших на новую квартиру, не заплатив хозяевам старой, наводил справки, иногда занимался слежкой, но не более. Это совсем другое дело. И потом, это было так давно!

– Зато теперь ты стал хитрее, – польстил я ему. – Seriously, почему бы тебе не заняться самому этим делом?

Он нахмурился.

– Я припоминаю, что позавчера вечером ты не проявил особого энтузиазма, когда Вейс попросил тебя последить кое за кем. Или я не прав?

– Я ошибался, и ты меня в этом убедил. Может быть, мы ошиблись оба. В тот момент, когда ты мне заявил, что это не наше дело, я был полностью с тобой согласен. Но ты больше виноват – ты сразу мог многое предпринять.

– За кого ты меня принимаешь? За Шерлока Холмса или за Фила Вэнса?

Он очень рассердился на меня – впервые с тех пор, как мы стали работать вместе. У дяди Эма был самый мягкий характер, какой я когда-либо встречал; рассердить его было чрезвычайно трудно.

– Господи, Эд! Полиции именно за то и платят, чтобы она разбирала дела об убийствах. Зачем мне в это лезть – у меня и своей работы хватает! Даже если бы я мог...

– Значит, ты все-таки мог, – сказал я. А затем, отвернувшись в сторону, добавил: – Когда убили карлика, это было действительно не наше дело. Но если бы мы тогда вмешались, негритянский балаган был бы сегодня открыт. А Негро танцевал бы на эстраде.

– Не трави мне душу, Эд!

На этот раз он просто рассвирепел.

Какой-то пижон с завитыми волосами и бутоньеркой подошел к нашему балагану, остановился и спросил:

– А сколько я выиграю, если опрокину все бутылки?

– Идите вы к черту! Аттракцион закрыт! – заорал дядя Эм.

Пижон посмотрел на него убийственным взглядом. Дядя Эм нарочито угодливо подал ему бейсбольный мяч. Но пижон решил не нарываться на драку и пошел прочь.

– А ведь он тебя испугался, – засмеялся я. – Это все твоя черная шляпа. У тебя в ней прямо-таки зловещий вид.

Я ждал, что после моих слов он опять на меня рассердится. Присев на край прилавка, я начал жонглировать тремя бейсбольными мячами и тут же уронил один из них. Мяч стукнулся о мой ботинок и откатился к этажерке, на которой стояли молочные бутылки. Я не стал его поднимать. Из-за размолвки с дядей Эмом я чувствовал себя чертовски неловко. Мне хотелось помириться.

– Ты сердишься, потому что чувствуешь мою правоту, – сказал я. – Ты же умный человек. Ты гораздо умнее этих придурков полицейских. Во всяком случае, ты не глупее Вейса. И ты находишься внутри этого дела, а они снаружи. Может, тебе и не удастся открыть, кто убил карлика и Сьюзи. Но все-таки ты мог бы попробовать. А вместо этого ты режешься в рамми. Я тоже мог бы попробовать. Если бы мы сразу за это взялись, Негро остался бы жив. Разве ты сам этого не понимаешь?

Больше мы ничего друг другу не сказали. Молчание длилось минуту-другую, но показалось мне целой вечностью.

К балагану подошел еще один пижон. Он заговорил с дядей Эмом, но тот ответил довольно резко: «Извините, мы закрываемся». В его голосе больше не слышалось гнева. Я бы даже сказал, что он говорил своим обычным голосом, в нем не было слышно также ноток преувеличенного спокойствия, за которым скрывается подавленное раздражение. Это означало, что он принял решение, но сути этого решения я пока не понимал. Он вполне мог заявить: «Знаешь, малыш, это твое мнение, а я предпочитаю не ввязываться».

А мог сказать и совсем иное: «Хорошо, Эд, ты меня убедил. Так с чего же мы начнем?». Я ждал от него именно этих слов, и я их дождался. Итак, все шло прекрасно. Я встал и поднял бейсбольный мяч, закатившийся в угол. Когда я повернулся к дяде Эму, он сказал:

– Кстати, как мне лучше надевать эту шляпу – вот так или еще больше опустить поля? Мне хочется, чтобы у меня был совсем зловещий вид.

Он опустил поля шляпы и глубоко надвинул ее на уши. На его губах играла таинственная улыбка. Я не мог удержаться и громко рассмеялся.

Когда мне удалось подавить свою веселость, я сказал дяде Эму:

– Послушай, дядя Эм, я совсем не хочу, чтобы мы закрывали лавочку и денно и ночью занимались сыском. Я только имел в виду, что, начиная с этого момента, мы должны быть наблюдательнее и серьезнее обдумывать то, что мы видим. У тебя, наверное, есть кое-какие мысли. Давай дождемся закрытия ярмарки и обговорим все это дело сегодня вечером. Может, кое-что и прояснится.

– Хорошо, Эд. Но, так или иначе, у меня нет настроения продолжать работу. Давай все-таки закроемся. Мы ничего не теряем.

– Ладно.

Я уже поднялся, чтобы опустить штору, как вдруг услышал позади голос Армина Вейса, который нас приветствовал.

– Входите! – пригласил дядя Эм.

Вейс вошел, и я опустил штору. Вейс присел на прилавок и спросил:

– А почему вы закрываетесь так рано?

– Сегодня что-то нет охоты работать.

Вейс вздохнул:

– Везет вам, циркачам! Захотел – работаешь, захотел – гуляешь. Чудная жизнь!

– Что новенького? – поинтересовался я.

– Да ничего особенного. Парни из Сент-Луиса засекли Великана Моута, когда он сходил с поезда. Он не желает возвращаться.

– Не желает возвращаться?

– Заявил, что только грубая сила может заставить его подчиниться. Он уже успел нанять адвоката. Если мы хотим видеть его на ярмарке, то должны получить разрешение на его насильственное препровождение сюда – а к этому нет оснований. Мне гораздо проще съездить туда самому и переговорить с ним, чем ввязываться в такие сложности. Кстати, не думаю, что смогу многого от него добиться.

– Но ведь он будет говорить?

– Конечно, будет. Он ответит на все вопросы – но как! Ребята из Сент-Луиса подтянули его к телефонной трубке, и он уже наговорил кучу интересного. Например, что вернуться на ярмарку или хотя бы в этот штат означает для него переступить через свой собственный труп. Эту мысль он повторил неоднократно, так что телефонный разговор обошелся недешево.

– А почему он сбежал? Он как-то это объясняет?

– Разумеется. Он говорит, что панически боится стать следующей жертвой. И еще он боится обезьяны.

– А что он еще сказал? Почему он считает, что его должны убить?

– Заявляет, что начал бояться с того самого момента, как нашли мертвого карлика. Он решил, что некто начал планомерную кампанию по истреблению карликов. Он ведь здесь единственный карлик. И когда нашли другого карлика с ножом в спине, он решил, что очередь за ним. Других доводов он не приводил. Однако он клянется, что не знает Лона Стаффолда, никогда его не видел и никогда о нем раньше не слышал. Побег Сьюзи тоже заставил его поволноваться – он ужасно боится обезьян. Не только потому, что он маленький, а из какого-то суеверного страха. Он сказал, что всегда работал на ярмарках, а не в цирках, именно по этой причине – в цирках полно обезьян. Когда Хоги купил Сьюзи, он уже почти собрался уехать, но потом все-таки решил дожждаться конца сезона.

– Но ведь когда Сьюзи нашли мертвой, ему с этой стороны больше ничего не угрожало! – воскликнул я. – Так почему же он уехал? Этой ночью я видел шимпанзе, но ведь он не мог об этом знать. Пока об этом никто не знает, кроме нас и Эстеллы. Вы его случайно не спрашивали об этом? Может быть, он тоже что-то видел?

– Разумеется, я его об этом спросил, не намекая конкретно на шимпанзе. Он божится, что этой ночью ничего особенного с ним не приключалось. Он отправился в город сразу после закрытия маленького шапито. И я ему верю. Если бы он видел нечто подобное тому, что видел ты, он уехал бы еще ночью и ни в коем случае не стал бы возвращаться утром на ярмарку. А он тем не менее вернулся.

– А потом быстренько смотался из города!

– Да, когда узнал, что убили Негро. Он не стал даже расспрашивать, как и почему это произошло. Он навел нас на ту же мысль, что и Эм: на ярмарке за две недели совершено три убийства, и все жертвы маленького роста. Того же роста, что и он. Просто он не хотел проверять, остановится ли убийца на цифре три или будет продолжать дальше в том же духе.

– А он имеет хоть какое-то представление о том, кто и почему мог это сделать? – спросил я.

– Да. Он думает, что на ярмарке орудует маньяк, который выбирает жертвы только определенного роста. И что этот маньяк кочует с ярмаркой из города в город.

– Этакий «призрак с ярмарки», – засмеялся я. Однако моя шутка никого не развеселила.

– А может, он отчасти и прав, – сказал дядя Эм. – Я хочу сказать, что убитый карлик был не из наших – значит, и убил его кто-то не из наших. Нет, что-то я совсем запутался.

Во всем этом деле нет никакой логики.

– В жизни вообще нет логики, – заметил Вейс. – Ну ладно. Я прослежу за нашим малышом. Мне хотелось бы еще кое с кем переговорить. Пока не знаю о чем, но ведь надо отрабатывать жалованье, не так ли?

– Вы едете в Сент-Луис? – спросил я.

– Пока не знаю. Может быть, мне и удастся вытянуть из этого карлика еще что-нибудь, если поговорю с ним наедине. Надо только суметь к нему подобраться. Плохо, что он нанял адвоката. Ребята из Сент-Луиса не смогут держать его долго – придется отпустить. И если я действительно захочу с ним переговорить, мне нужно будет ехать во Флориду.

– Во Флориду? Если он уехал во Флориду, то какого черта он оказался в Сент-Луисе? Ведь это огромный крюк! – воскликнул дядя Эм.

– Ему было все равно. Он скакнул в первый поезд, отходящий из Форт Вэйна. Если бы даже ему пришлось ехать во Флориду через Канаду, это бы его не остановило, лишь бы убраться отсюда. У него кое-что припрятано в чулке. По его словам, он не собирается больше работать в этом году. По всей видимости, ему наплевать на ярмарку Хобарта! И, между прочим, я его понимаю. Теперь о другом: следствие по делу мальчика Брента начинается завтра в десять утра в городе. Но вы не обязаны туда являться: в качестве свидетелей вы не фигурируете. Кстати, никаких свидетелей по этому делу нет, кроме родителей малыша и того типа, который нашел его на дороге. Да еще, пожалуй, эксперта, который подписал заключение.

– Может, нам все-таки прийти? – спросил я.

– Не вижу надобности. Как отсюда выбраться?

– Пролезайте под боковым полотнищем.

– Похороны мальчика состоятся завтра в три часа дня. На негритянском кладбище Уили. Гроб будет закрытый. Ну ладно, я пошел. Мне еще нужно повидать Мори.

И он скользнул под боковое полотнище.

– Что будем делать, Эд?

– Я тоже хотел бы знать твое мнение.

Дядя Эм на минутку задумался, а потом сказал:

– Вот что, давай-ка сходим к Кэри. Он будет ходить туда-сюда между представлениями: какое-то время мы будем одни. Можно было бы переговорить и у нас в палатке, но я что-то начинаю дрейфить. Мне вдруг показалось, что нас кто-то подслушивал. Сам понимаешь, что через холст все слышно. Поэтому я предпочитаю иметь вокруг стены – хотя бы и стены фургона.

Когда мы вышли на центральную аллею, он вдруг резко остановился.

– Цветы, Эд. Мы должны купить цветы для Негро. Который час?

– Начало девятого. Может, подождем до завтра?

– Нет, лучше сделать это сегодня. Если мы ляжем поздно, то завтра можем не успеть. Ведь должна же быть в городе цветочная лавка, которая работает по вечерам. Возьми-ка такси и скатай в город.

– Хорошо. Ты будешь у Ли?

– Да. Вот тебе двадцать долларов. Закажи там венок получше и попроси написать на ленте: «От Эма и Эда». Только имена.

– Какие цветы заказывать?

– Все равно. Впрочем, выбери что-нибудь поярче. Он любил яркое. Красные розы или другие красные цветы – под цвет костюма, в котором он выступал. Давай я провожу тебя до такси.

Мы направились к центральному выходу. Я был рад, что дядя Эм вспомнил о цветах: я мог забыть о них даже завтра.

Такси появилось именно в тот момент, когда мы подошли к центральному входу; из него высаживались люди, приехавшие на ярмарку.

Я попросил шофера отвезти меня в город и поискать цветочную лавку, которая еще могла бы работать в этот час.

Лавка отыскалась довольно быстро. Я заказал красные розы – на двадцать пять долларов. Ведь на венке должны были быть написаны наши имена. Я хотел, чтобы часть этих роз была лично от меня. Потом я зашел в холл одного из отелей, разменял доллар на мелочь и направился к телефонной кабине. Я набрал номер отеля Риты в Индианаполисе. Мне повезло: Рита была у себя и сняла трубку.

– Как замечательно, что я опять слышу твой голос, Рита. Я так давно с тобой не говорил. Как дела у твоего отца?

Она помолчала, а потом сказала:

– Он вчера умер, Эд. Сегодня вечером были похороны. Я только что вернулась.

Ее голос звучал совершенно спокойно.

– Мне очень жаль, Рита! Почему ты мне не позвонила? Я бы приехал.

– Я сначала хотела тебя вызвать, а потом передумала. Ты ничем не смог бы мне помочь. Ты его не знал, даже никогда не видел...

– Когда ты вернешься?

– Завтра вечером. Поезд, кажется, приходит в семь вечера. Если хочешь, приходи меня встречать.

– А почему ты не выехала сразу после похорон? Зачем ждать до завтра?

– Нужно было уладить кое-какие дела. Оплатить счета. Я хотела до отъезда все привести в порядок.

– Может, тебе нужны деньги?

– Нет. Я ничего не знала, пока отец сам не сказал мне перед смертью. У него была страховка. Мама застраховала его на довольно крупную сумму. Я думала, что страховка пропала после того, как мама умерла. Но оказывается, она заплатила взносы вперед и сделала так, чтобы страховка не попала ему в руки при жизни. Перед смертью она перевела ее на мое имя.

– Прекрасно, – сказал я. Если бы ей нужны были деньги, я не колеблясь продал бы все, что имею, в том числе и тромбон. И я не постеснялся бы попросить для нее денег у дяди Эма. К счастью, в этом не было необходимости.

– Эдди, я так рада, что мы скоро увидимся. Мне хотелось бы, чтобы ты сейчас был рядом со мной.

– Я могу... – воскликнул я, но вовремя спохватился. Я собирался сказать, что могу выехать к ней в Индианаполис сейчас же, а затем вернуться вместе с ней завтра вечером. Мне безумно хотелось как можно скорее увидеть Риту. Но после того, как я устыдил дядю Эма и заставил его вплотную заняться убийствами, с моей стороны было бы бессовестно пойти на попятную. Я взял себя в руки и сказал Рите:

– Господи, мне тоже хотелось бы, чтобы мы сейчас были вместе.

– Но только не надо сюда приезжать. Я знаю, что ты собрался это сделать. Мы не должны встречаться так скоро – это будет плохо по отношению к папе. И когда я вернусь, то не смогу сразу же... Ведь ты меня понимаешь, Эдди?

– Конечно, понимаю.

– Это продлится недолго, не больше недели. Когда я вернусь во второй раз...

– Во второй раз?

– Завтра я приеду за вещами, я их оставила в балагане. И еще мне нужно переговорить с Мори. Если все будет хорошо, я поеду ненадолго в Чикаго.

– В Чикаго?

– Не повторяй за мной как попугай, Эдди. Я не могу рассказать тебе все подробности по телефону, но я устраиваю наши общие дела. Ты с ума сойдешь, когда узнаешь...

– Не уверен. Но я схожу с ума по тебе, это уж точно.

– Ты меня встретишь у поезда? Кажется, он приходит в семь вечера, я не знаю точно расписания...

- Не беспокойся, я там буду.
- Хорошо, Эдди. Ты любишь меня хоть немножко?
- Я тебя немножко люблю.
- Тогда до свидания.
- До свидания, Рита.

После этого разговора я был вовсе не расположен думать об убийствах. Я был безумно счастлив. Мне страшно не хотелось идти к Кэри и обсуждать там с дядей Эмом все эти ужасы. Как было бы хорошо, если бы я мог поехать за Ритой в Индианаполис или хотя бы вернуться в нашу палатку и поиграть на тромбоне. Я чувствовал, что музыка мне просто необходима. Но, разумеется, вместо этого я поплелся к Кэри. Дядя Эм сидел уже там, но не один, а в компании с Хоги. По всей видимости, дядя Эм и не собирался ломать себе голову над разгадыванием криминальных тайн. Они сидели за столом и резались в рамми. Между ними стояла бутылка виски, к которому они уже успели приложиться. Однако никто еще не потерял головы; казалось, партнеров всецело поглощала игра. Я кинул взгляд в записку: Хоги выигрывал несколько очков.

- С цветами все в порядке, дядя Эм, – сказал я.
- О господи, если бы я знал раньше, куда ты поехал, – воскликнул Хоги, – я бы попросил тебя заказать цветы и от моего имени. Ну, не беда, завтра утром я еще успею в город.
- Тебя вызывает следователь? – поинтересовался я.
- С какой стати? А ты что, едешь туда, Эм?
- Нет, – ответил дядя Эм и бросил карты на стол. – Четыре очка.
- Иди ты к черту, – сказал Хоги, разложил в свою очередь карты и начал подсчитывать очки.

Я подошел к радио и стал крутить ручку настройки, пока не напал на хорошую музыку. Потом приглушил звук, чтобы музыка не мешала игрокам, и уселся в кресло. Вскоре я услышал, что Хоги крупно повезло. После окончательного расчета дяде Эму пришлось выложить шесть долларов и двадцать центов. Они не стали начинать следующую партию. Откинувшись на спинку стула, дядя Эм закурил сигарету.

– Хоги, мы тут пытаемся себе представить, кто мог устроить на ярмарке эту бойню. Что ты об этом думаешь?

– А что я, собственно, должен думать? Этого карлика я не знал. Зачем мне ломать голову над тем, кто и почему его убил. А вот мальчик – это другое дело. Если его действительно убили, а не задавили машиной, то с поганца, который это сделал, надо шкуру спустить. Только я не люблю иметь дело с полицией...

– Его убили, Хоги. Здесь и речи не может быть о несчастном случае.

– А почему ты так считаешь? Я, правда, слышал кое-какие разговоры. Его нашли на обочине дороги. Что в этом деле так вас удивляет?

– Отсутствие на нем одежды, – сказал дядя Эм. – Он был совершенно голый, как и карлик. Это наводит на мысль, что эти две смерти как-то связаны. А что ты скажешь по поводу Сьюзи?

Дядя Эм явно заинтересовал Хоги своим вопросом.

– А при чем здесь Сьюзи?

– По всем признакам она убежала и случайно утонула в бассейне. Но меня смущает одна вещь – ее рост. Лон Стаффолд, Сьюзи и Негро были одного роста. Все трое умерли насильственной смертью. Между первым и последним случаем прошло всего две недели. И хотя Сьюзи вроде бы погибла по собственной вине, некоторые совпадения кажутся странными.

Хоги отхлебнул глоток из бутылки, которую держал в руке. Когда он поставил ее на стол, я заметил, что жидкости в ней сильно поубавилось.

– Но это же совершенная бессмыслица! Зачем кому-то понадобилось убивать шимпанзе? Ты думаешь, что на ярмарке появился маньяк?

– Нет, я так не думаю, – сказал дядя Эм. – Послушай, Хоги! Когда ты осматривал клетку Сьюзи после побега и помогал вытаскивать ее из бассейна, тебе ни разу не пришло в голову, что это, может быть, вовсе не несчастный случай? Теперь представь себе, что это вполне вероятно. Ты не заметил ничего подозрительного, когда осматривал тело?

Хоги покачал головой:

– Подожди минутку! Я вспомнил одну вещь. Тогда я не придавал этому никакого значения...

Я выключил радио и стал внимательно слушать разговор.

– Когда мы вытаскивали Сьюзи из воды, я держал ее за руки. Шерсть была мокрая, кое-где слиплась, так что даже проглядывала кожа. Я заметил несколько красных пятнышек на руках. Как будто ей делали подкожные вливания.

– А ты сам ее не колол?

– Нет, я давал ей микстуры. Тогда я подумал, что следы уколов выглядят странно. Но потом я решил, что она занозила себе руки, когда вылезала из клетки. Мне и сейчас кажется диким, что кто-то вдруг вздумал ее убить! Нет никаких причин!

– А зачем кому-то понадобилось убивать Негро? Это тоже выглядит полным идиотизмом, – заметил я.

– Расскажи ему все, Эд, – попросил дядя Эм.

И я рассказал Хоги о том, что я видел прошлой ночью в окне фургона. Он слушал меня, разинув рот. Пока я говорил, он несколько раз обернулся, как будто сам ожидал увидеть в окне тот же призрак. Но в окне никто не появился.

Глава 12

Кэри вернулся в четверть одиннадцатого. Он сразу ринулся к стоявшей на столе бутылке, отхлебнул порядочную порцию и только потом уселся. Собрав колоду, разбросанную на столе, он начал ее тасовать.

– Ты слышал последние новости, Эм? Мори закрывает свою лавочку.

– Господи! А может, это неправда? – забеспокоился дядя Эм.

– Не знаю, правда это или неправда. Ты же понимаешь, для чего распространяются такие слухи.

– А ведь это вполне вероятно, Эм, – вмешался Хоги. – Мори давно поговаривает, что ему пора на покой.

– Разве Мори принадлежит вся ярмарка? – спросил я.

– У старого Хобарта еще осталась доля, – ответил Хоги. – Он позаботился о себе на старости лет. Но доля Мори значительно больше. Зачем ты выключил радио, Эд? Так хочется послушать хорошую музыку!

Я опять включил радио. Ли продолжал задумчиво перебирать карты. Покрутив ручку, я нашел приятную музыку. Но я нарочно приглушил звук: мне не хотелось упустить ни слова из предстоящего разговора.

Однако разговор не клеился. Дядя Эм подошел к открытой двери, докурил сигарету и щелчком выбросил окурки.

– Становится прохладно, – заявил он.

Но это сообщение никого не заинтересовало. Дядя Эм отошел от двери и присел на кровать, прикрыв глаза. Музыка, видимо, навела ему приятные мысли. Казалось, он совершенно отключился. Но я знал дядю Эма, его поза не могла меня обмануть: в тот момент он серьезно размышлял.

Внешне я сохранял спокойствие, но внутри кипел от злости. «Мы даром тратим время, – думал я. – Хоги подкинул мне маленький факт – следы укусов на руке обезьяны. Может быть, это только плод его воображения, а может, здесь кроется кое-что поважнее. Разгадка тайны складывается из сопоставления множества мелких разрозненных фактов. Но надо уметь их сопоставить. Чего ждет дядя Эм? Ведь достаточно порасспросить Хоги – и он получит ответ!»

Я так обозлился на дядю Эма, что перестал слушать, о чем говорили Хоги и Кэри. Вдруг я услышал, как Кэри воскликнул:

– Ты с ума сошел!

Он продолжал баловаться картами, перебрасывая их из руки в руку веером.

Хоги расхохотался:

– Я не шучу. Я действительно могу тебя обыграть.

Ли Кэри подмигнул мне и презрительно сказал:

– Этот мужик совсем спятил. Он говорит, что я могу сдать ему крапленые карты, и он все равно меня обыграет.

Я выключил радио и подошел к ним поближе.

– Сдавай карты, я говорю вполне серьезно.

В голосе Хоги появились угрожающие нотки. Он достал из кармана бумажник и положил на стол. Отхлебнув из бутылки очередную порцию виски, он открыл бумажник и вытащил один доллар.

– Для начала ставлю доллар. Условия такие: торгуемся сколько влезет, открываем карты, только если ставка не меньше пяти долларов.

Ли бросил колоду на стол:

– Господи, Хоги, ты не сможешь выиграть, если я буду сдавать крапленые карты. Я не собираюсь тебя грабить.

– Я сам все это затеял. Сдавай! Играем по-настоящему!

Ли пристально на него поглядел и пожал плечами. Его лицо окаменело, когда он собрал колоду и начал ее тасовать. Глядя, как мелькали его руки, я подумал, что эти пальцы могли бы сделать честь любому музыканту. Я попытался за ним проследить, но безрезультатно: если Кэри брался жульничать, уличить его было невозможно. Я не успел опомниться, как он уже проговорил, обращаясь к Хоги: «Снимай!» Хоги снял. В мгновение ока Кэри положил нижнюю часть колоды на верхнюю и начал сдавать. Я надеялся поймать тот момент, когда он подменит карты. Но он так быстро и ловко прикрыл колоду рукой, что я так ничего и не заметил. Перед каждым из игроков уже лежало по пять карт.

Ли достал из кармана пачку долларов и аккуратно положил свою долларовую бумажку рядом со ставкой Хоги.

Хоги подгреб к себе карты.

– Можно, я посмотрю, как ты будешь играть? – негромко спросил я.

Хоги утвердительно кивнул. Я подвинул стул и сел сзади него. Он держал карты так, что я мог их видеть: на руках у него было два туза, две восьмерки и трефовый валет.

– Открываю, – небрежно сказал он и бросил в банк пять долларов.

Ли выложил из своей пачки десятидолларовую бумажку. Мне показалось, что сначала он хотел поднять ставку, но передумал. Положив в банк десять долларов, он забрал себе пять долларов Хоги. Хоги склонился ко мне и произнес трагическим шепотом:

– Вот видишь, он нас боится!

Потом обратился к Ли:

– Три карты!

Он сбросил вала и пару восьмерок, оставив только два туза. Ли взглянул на него еще раз и выбросил три карты. Пока он их сдавал, я напрягал слух, чтобы уловить легкое шуршание, означающее, что в ход пошла вторая колода. Но так ничего и не услышал. Я оглянулся через плечо. Дядя Эм не сдвинулся с места, его глаза были по-прежнему закрыты. Я подумал, что он действительно задремал. Такая игра не могла не привлечь его внимания.

Я опять начал смотреть во все глаза, когда Ли взял свою сдачу. Он сбросил одну карту и добрал из колоды. Хоги раскрыл передо мной свои карты веером. Кроме двух тузов, у него была теперь семерка и пара троек. Его положение не только не улучшилось, но даже ухудшилось по сравнению с первоначальным.

– Ну что, будем поднимать ставку, Эд? – обратился он ко мне.

Конечно, я ничего не ответил; я не мог высказать свое мнение. Он положил свои карты рубашкой вверх и потянулся за бумажником. Раскрыв бумажник, он демонстративно вытряхнул деньги на стол. Перед ним образовалась куча двадцати- и десятидолларовых бумажек, не считая мелочи. Потом он их пересчитал и сложил стопкой: в стопке оказалось сто восемьдесят четыре доллара. Хоги сокрушенно покачал головой, делая вид, что ему жаль с ними расставаться. На какое-то мгновение он, казалось, заколебался, но потом положил сто восемьдесят четыре доллара в банк и заявил:

– Я увеличиваю ставку.

Ли Кэри взглянул на свои карты, а потом на Хоги. Его лицо оставалось совершенно бесстрастным. Только в глазах на мгновение мелькнули удивление и беспокойство.

– Хоги, зачем ты все это затеял? Ты просто выбрасываешь деньги. Я не хочу ничего у тебя брать. Ведь я предупреждал, что играю краплеными картами.

– Так ты не будешь сравнивать банк? – спросил Хоги.

– Я этого не говорю. Послушай, я сдал тебе два туза и две восьмерки, а себе набрал «стрит». Ты, может быть, думал, что, сбросив восьмерки, сможешь набрать каре на тузах и поломать мою игру? Уверю тебя, ты ошибаешься.

– Я сам могу подбрасывать крапленые карты, – ухмыльнулся Хоги. – С целой колодой я, пожалуй, не справлюсь, но кое-что и я умею делать. Я знаю, что ты постарался на славу.

– Тогда признайся, что это совершенно идиотское пари.

– Ты сравниваешь банк?

Ли посмотрел на деньги, лежавшие на столе. Потом еще раз взглянул в свои карты. Чувствовалось, что он не знает, как поступить. Я просто читал его мысли. Перетасовав колоду, он прекрасно знал двенадцать первых карт; этого было достаточно, чтобы рассчитать игру. После второй сдачи он знал первую карту Хоги, но не знал двух остальных. Вероятность того, что Хоги прикупил еще два туза, была очень невелика, но могло случиться и так. Две неизвестные карты все-таки могли оказаться тузами. Тогда на руках у Хоги было бы каре на тузах. Кэри беспокоили не столько карты, сколько поведение Хоги. Раз он так откровенно признался, что тоже умеет жульничать, для Кэри дело могло принять плохой оборот. Хоги явно знал какой-то трюк, иначе он не осмелился бы дурачить профессионала. Кэри больше всего раздражало то, что его собирались побить тем способом, к которому он привык прибегать сам.

Ли неуверенно достал свои деньги и начал их пересчитывать. Он досчитал до ста долларов, потом до ста десяти и опять взглянул на Хоги. Я понимал, чего он опасался. Хоги был далеко не простачком. Если он так себя вел, значит, у него в запасе был какой-то фортель. Кому, как не фокуснику, было знать, что существует множество трюков, при помощи которых можно обмануть непосвященного. Он и сам охотно ими пользовался. Но может быть, он что-то упустил из виду? Кэри взглянул на часы и выругался. Ему пора было возвращаться в шапито. Он вновь начал пересчитывать деньги, дошел до ста пятидесяти долларов и остановился.

– К черту все это! – сказал он. – Я не понимаю, в чем заключается твой трюк, но предпочитаю не рисковать. Ставка слишком велика.

– Так ты не закрываешь банк?

– Нет, оставь меня в покое.

Хоги спокойно кивнул головой.

– Начальная комбинация, – сказал он и бросил на стол свои два туза. Потом раскрыл бумажник и положил туда лежавшие в банке деньги – свою ставку и шесть долларов Кэри. Остальные три карты, которые Кэри не видел, он положил обратно в колоду.

– Можно мне на них взглянуть? – попросил Кэри.

– Ты за это не заплатил, – ответил Хоги, быстро взял колоду и перетасовал карты. Потом он улыбнулся Кэри и насмешливо произнес: – Но я все равно тебе скажу. У меня было две пары: на тузах и на тройках.

Ли бросил в мою сторону вопрошающий взгляд, но я не дрогнул. Он действительно не заплатил и не имел права смотреть карты. Хоги хотел, чтобы он сомневался, поэтому и назвал свою комбинацию. Но он ни за что на свете не стал бы ее показывать. Ли собрался уходить – он боялся опоздать к началу своего номера в шапито. В дверях он остановился и недовольно сказал:

– Ну хорошо. Если это правда, то это означает, что ты просто блефовал и никакого трюка у тебя в запасе не было. Что ты от этого выиграл?

– Шесть долларов.

– Но ведь мог проиграть около двухсот!

– Я их не проиграл.

– Ну ладно, я пошел, а то Скитса хватит сердечный приступ, – и Кэри вышел из фургона.

Тут я заметил, что дядя Эм поднялся с кровати.

– Хоги, ты не хочешь сыграть со мной партию на тех же условиях? – спросил он.

– С тобой? – рассмеялся Хоги. – Ты что, держишь меня за придурка? Ты же прекрасно понял, что я проделал с Кэри. А теперь хочешь, чтобы я попался в свою собственную ловушку?

Он встал со стула и потянулся.

– Пойду посмотрю, как там дела у Мардж. Может, она уже вернулась. Она

ассистировала Уолтеру... Сегодня у него куча народу, без ассистента ему никак не справиться.

И он пошел к выходу. Ему пришлось нагнуться, чтобы пройти в дверь. С порога он крикнул:

– Ты еще побудешь здесь, Эм? Я приведу Мардж, и мы сыграем в карты.

– У меня еще есть кое-какие дела, Хоги. Мы сейчас уходим, – ответил дядя Эм.

– О каких это делах идет речь? – поинтересовался я.

– Ну, например, надо выпить еще стаканчик. Тебе налить?

– Что ж, давай, я не откажусь.

– По-твоему, как поступил бы Хоги, если бы Кэри все-таки сравнял банк? – спросил я у дядя Эма.

– Что бы он сделал? Проиграл бы кучу денег – вот и все. Но Ли не стал смотреть его карты – кишка тонка!

– Что правда, то правда, – подтвердил я. – Ну, чем мы теперь займемся?

– Малыш, не приставай ко мне. Если бы я уже получил ответы на все наши вопросы, то знал бы, как нам действовать дальше. А пока надо немного подождать.

– То есть ты хочешь сказать, что знаешь ответы на некоторые из этих вопросов?

– Считаю, что так.

– И ты мне ничего не скажешь?

– Пока нет.

– Спасибо и на этом, – сказал я.

Он улыбнулся.

– Если ты так жаждешь что-нибудь предпринять, то у меня есть идея. Давай прокатимся!

– На чем?

– На чертовом колесе.

По его тону я не понял, шутит он или нет. Но он поднялся и вышел из фургона. Я последовал за ним. Мы направились к центральной аллее, а потом повернули направо.

Дядя Эм не шутил. Подойдя к чертову колесу, он пошептался с машинистом, и тот посадил нас в люльку. Через несколько мгновений мы уже были на самом верху. Я глянул вниз и увидел ровную темную поверхность бассейна для прыжков. Именно отсюда тот наблюдательный посетитель заметил плавающую в бассейне мертвую обезьяну. Сейчас бассейн был совершенно пуст. Я спрашивал себя, зачем дяде Эму понадобилось подниматься на чертовом колесе. Только затем, чтобы взглянуть на воду сверху? Но он даже не посмотрел в сторону бассейна. Наша люлька начала потихоньку спускаться, пассажиры вышли, новая группа заняла их места, а колесо все продолжало крутиться – и мы вместе с ним. Наконец дядя Эм сделал знак машинисту. На следующем круге он остановил колесо, и мы высадились.

Я был зол на дядю Эма. Уже давно я мог бы сидеть в поезде и катить в Индианаполис, а вместо этого прохлаждался на этом дурацком чертовом колесе.

– Ну и что дальше? – раздраженно спросил я. – Можно еще покататься на деревянных лошадках или на качелях. Тебя они не соблазняют?

– Я как раз об этом думаю. Мы прокатимся на поезде.

– Послушай, дядя Эм! Я, конечно, привык к твоим выходкам, но тебе не кажется, что иногда ты перегибаешь палку?

Он рассмеялся и ничего не ответил. Я думал, что он предлагает мне прокатиться по детской железной дороге. Однако он пошел в противоположную сторону, а я поплелся вслед, соображая, какое очередное идиотство он затеял.

Мы подошли к центральному входу и увидели такси, из которого выгружались пассажиры. Дядя Эм впихнул меня в машину и приказал шоферу: «На вокзал!»

Только теперь до меня дошло, что он имел в виду не прогулку в детском поезде, который ходил по ярмарке, а настоящую поездку.

- Куда мы едем? – спросил я.
- Ты же слышал, что я сказал шоферу.
- Ты сказал, чтобы он нас отвез на вокзал. А дальше?
- Мы едем в Цинциннати.

– Это невозможно, дядя Эм! Я говорил с Ритой по телефону. Она возвращается завтра на ярмарку всего на несколько часов. Мы договорились, что я буду встречать ее на вокзале. Если я не приду...

– Все будет в полном порядке! Мы успеем обернуться до ее приезда. Кончай ныть! У нас мало времени.

Я подчинился – наверняка дядя Эм задумал эту поездку неспроста. По дороге на вокзал я стал ему рассказывать о моем разговоре с Ритой: о смерти ее отца, о страховке и о том загадочном деловом предложении, которое она мне сделала. Я говорил довольно путано – ведь я и сам не понимал, что она имела в виду. Дядя Эм ни разу не прервал моей болтовни. Наконец я спросил:

– А что мы будем делать в Цинциннати?

– Малыш, ведь надо же с чего-то начать. Цинциннати – это отправная точка во всей этой истории. Лон Стаффолд приехал из Цинциннати за пять дней до того, как его нашли мертвым на ярмарке в Эвансвилле.

– Вейс уже туда ездил. Ты надеешься откопать там что-то новое после него?

– Смотря как приняться за дело. Может быть, и откопаю.

Когда мы приехали на вокзал, то оказалось, что нам очень повезло: поезд отходил всего через несколько минут. На нем мы смогли бы добраться до Лимы в штате Огайо, а там пересесть на экспресс компании «Балтимор-Огайо Рэйлроуд», который курсировал между Детройтом и Цинциннати. Скорый делал остановки только в Дэйтоне и Гамильтоне; таким образом, к трем часам ночи мы бы уже добрались до Цинциннати. Дядя Эм не переставал благодарить господ бога за такое везение.

Лично мне совершенно не улыбалось высаживаться в незнакомом городе в три часа ночи. Что нам там делать в такое время? Правда, можно заночевать в какой-нибудь гостинице, а утром с новыми силами приняться за дело. Пока я с раздражением размышлял о предстоящем путешествии, дядя Эм купил билеты и впихнул меня в поезд.

В дороге мы почти не разговаривали. Дядя Эм явно обдумывал какой-то план и отвечал мне невнятным мычанием всякий раз, когда я хотел вступить с ним в беседу. Я тоже попытался собраться с мыслями, но безрезультатно: карлики, обезьяны и дети перемешались у меня в голове в полном беспорядке. Чем больше я старался найти путеводную нить в этом сумбуре, тем запутаннее мне казалось это дело. В конце концов я устал и стал дремать. Однако заснуть мне тоже не удалось.

Когда мы прибыли в Цинциннати, дядя Эм сразу же побежал к телефонной кабине. Он не стал никому звонить – ему нужен был телефонный справочник. Покопавшись в справочнике, он выписал чей-то адрес.

Мы взяли такси, и дядя Эм попросил шофера отвезти нас на Вайн-стрит.

– Вайн-стрит? Кажется, Вейс говорил, что карлик жил в меблированных комнатах на Вайн-стрит?

– Именно так. У миссис Червински.

– Сейчас около трех часов утра. Не совсем подходящее время для визитов.

– Ничего, – буркнул дядя Эм.

Я выглянул в окно: такси свернуло на узкую улицу.

– Вот мы и прибыли на Вайн-стрит¹³, Эд! До первой мировой и сухого закона это было знаменитое местечко! В этом квартале было полно немецких пивных, в которых маленькие оркестрики играли немецкую музыку. На месте этой автострады проходил

¹³ «Вайн-стрит» – в буквальном переводе с английского «Винная улица».

старый канал – его прозвали Рейном. Как все изменилось! В былые времена здесь пили пиво и танцевали польку и вальсы Штрауса. Говорят, кое-где висели объявления «Здесь шпяхен только по-английски». Но я этого уже не застал.

Такси остановилось перед фасадом дома из темного камня. На стекле входной двери висело объявление: «Свободных мест нет».

Дядя Эм расплатился с шофером, и мы поднялись по ступенькам к двери. Дядя Эм долго жал пальцем на кнопку звонка: ни в одной из комнат дома не было света.

Такси развернулось и исчезло в мгновение ока, а мы остались стоять у темного дома. Наконец в одном из окон второго этажа зажглась лампа. Женская голова высунулась наружу и стала рассматривать нас. У нее были ярко-рыжие волосы; при неверном свете уличного фонаря они показались мне просто огненными. А вот лица видно не было – оно смутно белело в темноте.

– Что вам надо? – прокричала женщина. Ее голос утвердил меня в мысли, что в такое время являться с визитом не стоило.

Дядя Эм спустился со ступенек и, выйдя на середину улицы, стал так, чтобы свет уличного фонаря падал на его лицо.

– Привет, Фло! – крикнул он. – Ты принимаешь гостей?

Голос женщины изменился.

– Мне кажется, я вас уже где-то видела... – неуверенно сказала она. Потом раздался радостный крик: – О господи! Эм Хантер! Я сейчас спущусь!

И голова в окне исчезла. Я взглянул на дядю Эма.

– Это и есть миссис Червински? Почему же ты мне ничего не сказал?

– А потому что ты меня ни о чем не спрашивал.

– Черт возьми! Ведь Вейс тоже не знает, что вы знакомы!

– Он тоже меня ни о чем не спрашивал. Много лет назад мы с Фло работали вместе на ярмарке. Она занималась френологией и ясновидением. А я работал в маленьком шапито с волшебным шаром.

– А что это за волшебный шар?

– Это хрустальный шар, по которому читают судьбу. Оказывается, ты не знаешь таких простых вещей! А я думал, что ты уже стал заправским циркачом.

– Подожди-ка – может, ты знал и карлика? Об этом я тоже тебя не спрашивал.

– Нет, Эд, я никогда не знал Лона Стаффолда. – Его лицо стало серьезным. – Малыш, если ты хочешь что-то узнать, никогда не исходи из принципа, что люди обязаны докладывать тебе все, что им известно. Взять, например, эти следы от уколов на руках Съюзи. Хоги рассказал нам об этом, только когда мы задали наводящий вопрос.

Внизу в холле зажегся свет, обозначивший на двери желтый прямоугольник. Раздался шум быстрых шагов, и дверь растворилась.

– Входи, Эм! Дай-ка я разгляжу тебя хорошенько! Где ты пропадал все эти годы?

Я думал, женщина бросится ему на шею, так она обрадовалась. Но дядя Эм выдвинул меня вперед как буфер.

– Ты ни капельки не изменилась, Фло. Разве что набрала два – три килограмма, но это тебе идет.

– Врунишка! – сказала она с довольной улыбкой.

«Она набрала все пятнадцать, судя по груди и бедрам», – подумал я. При росте в сто шестьдесят сантиметров, она весила не меньше семидесяти пяти килограммов. Но ее лицо осталось на удивление красивым. Она уже успела подкраситься. Чувствовалось, что она спешила и в спешке наложила грим небрежно. Но под яркими румянами угадывались тонкие черты и младенчески свежая кожа. У нее были очень красивые ровные зубы. Если эта женщина весила когда-то меньше шестидесяти килограммов – а так оно, вероятно, и было, – то она была по-настоящему красивой. Правда, мне не нравились ее огненно-рыжие волосы. Но, может быть, тогда они не были такими рыжими?

Когда она закрывала дверь, дядя Эм стал позади меня.

– Фло, это Эд, мой племянник. Тоже Хантер. Он сын Уолли; ты помнишь моего брата Уолли?

Он не стал дожидаться, когда она спросит про моего отца.

– Уолли умер больше года назад. Теперь со мной работает Эд. У нас балаганчик на ярмарке Хобарта.

– Хобарта? Послушай, это не та ли ярмарка, где убили Лона?

– Именно та. Я приехал переговорить с тобой об этом деле.

– Конечно, Эм, мы обо всем поговорим! Только зачем нам стоять под дверью. Давайте пройдем в мою комнату! Поднимайтесь по этой лестнице!

– Дамы проходят первыми. Торопиться нам некуда – у нас вся ночь впереди.

– Ты думаешь, я позволю тебе смотреть, как я влезаю на лестницу? Иди вперед, а то я дам тебе пинка под зад!

Дядя Эм расхохотался, и мы прошли перед хозяйкой. Она провела нас в комнату на втором этаже. Комната была красиво и кокетливо обставлена, хотя обои показались мне немного кричащими. А главное, она была чистенькой, как новый центовик. Если бы не разобранная постель, можно было бы подумать, что комнату только что тщательно убрали. Она усадила нас на стулья, а сама опустилась в кресло, которое заскрипело под ее тяжестью.

– Ты можешь немного подождать, Эм? Сейчас у меня нет свободных комнат, но я попытаюсь устроить вас на ночлег. У меня внизу живет тип, который задолжал мне. Сейчас я вытряхну его вещишки...

– Не стоит, Фло. Мы не останемся на ночь. Ярмарка Хобарта сейчас в Форт Вэйне; мы должны туда вернуться. Мы заскочили на минутку. Нам надо переговорить с тобой по поводу Лона Стаффолда.

– Хорошо, Эм.

Она вздохнула и поднялась с кресла. На ней был домашний халат из ярко-голубой шелковой материи, который она все время поправляла.

Войдя в комнату, я сразу заметил перегородку, расписанную яркими попугаями. За ней находилась крохотная кухня. Хозяйка двинулась в ее сторону.

– Я даже не стану спрашивать тебя, хочешь ли ты выпить. У меня кое-что найдется, – сказала она.

Она зашла за перегородку, и мы услышали, как она открыла холодильник. Потом раздался ее сконфуженный голос: «Господи! Оказывается, у меня ничего нет». Она выскочила из кухни и побежала к двери.

– Подождите минутку! У кого-нибудь из моих постояльцев, конечно, найдется бутылка...

– Не надо, Фло. Сядь!

– И не подумаю. Я ничего не стану рассказывать, пока мы не выпьем по стаканчику. Хозяйка я или нет? Я имею право разбудить жильцов, если мне вдруг вздумается выпить.

Она выбежала из комнаты, и через секунду мы услышали, как она стучится в чью-то дверь.

– Чертова баба! – ухмыльнулся дядя Эм.

– Я ее боюсь, но она мне нравится. Когда ты с ней познакомился?

– Мы работали вместе два сезона. А потом она вышла замуж за Теда Червински из большого шапито. Я слышал, что он умер через несколько лет после свадьбы. Помню, кто-то случайно мне сказал, что Фло завязала с цирком и стала хозяйкой меблированных комнат. Но я не знал, где именно, пока Вейс не упомянул ее имени.

Он печально покачал головой.

– Ты даже не представляешь, какой красавицей была она когда-то.

– Ты ее знал... близко?

– Малыш, ты иногда задаешь неприличные вопросы.

– Ты же сам говорил, что люди никогда ничего не рассказывают, пока им не задашь

вопрос в лоб.

Дядя Эм рассмеялся, но не успел ответить, потому что дверь распахнулась и появилась миссис Червински с маленькой бутылкой в руках.

– Я принесла джин. Не помню, любишь ли ты джин, но я больше ничего не достала. Так что придется тебе выпить. Открой шкафчик за перегородкой, там стаканы.

Она протянула бутылку дяде Эму и вновь уселась в кресло. Теперь ее внимание переключилось на меня.

– Эм, у тебя красивый племянник. Он еще красивее, чем был ты в его возрасте. Девчонки с ярмарки наверняка сходят по нем с ума.

– Он их гоняет бейсбольной битой, – подтвердил из-за перегородки дядя Эм.

Она взглянула на меня еще раз и спросила:

– А он умеет разговаривать?

– Конечно, – сказал я, не дождавшись ответа дяди Эма. – А что вы хотите от меня услышать?

– Вылитый ты, – восхитилась она. – Правда, он немного повыше ростом.

Она снова обратилась ко мне и сказала:

– Дай мне посмотреть твою руку, Эд!

Я протянул ей руку, она взяла ее и повернула ладонью вверх. Ей пришлось немного наклониться, чтобы свет лампы, стоявшей на столе, упал мне прямо на ладонь.

– Ты любишь музыку, Эд, не так ли? Она захватывает тебя, она заставляет тебя мечтать. Но... не думаю, чтобы ты стал музыкантом.

Дядя Эм вышел из кухни с подносом, на котором стояли три стакана и бутылка.

– Кончай свои штучки, Фло, – сказал он и разлил джин по стаканам.

– Поставь мой стакан на стол, Эм, – сказала миссис Червински и опять принялась за мою ладонь. – У тебя будет длинная жизнь, Эд. Но тебя ожидает куча неприятностей. Сколько тебе лет? Двадцать? Двадцать один?

– Почти двадцать.

– Тогда эти неприятности начнутся очень скоро. Ты попадешь в ловушку. Мне кажется, это связано со смертью...

– Прекрати, Фло, – сухо прервал ее дядя Эм. – Нас ты не проведешь.

Я взглянул на женщину: ее лицо было совершенно серьезным. Она вздохнула и выпустила мою руку.

– Он не верит во все это, Фло, а когда человек не верит, лучше ничего ему не говорить. Если ты ему предскажешь что-то хорошее, он об этом забудет. А плохое запомнит, и это будет его беспокоить. Ты же прекрасно сама все понимаешь.

– Ты прав, Эм. Мне очень жаль. Я только хотела тебя подразнить, Эд.

Она отстранилась от меня и взяла со стола стакан. Ее рука слегка дрожала, и она пролила немного на ковер.

Дядя Эм бросил на меня острый взгляд, взял свой стакан и уселся на диван. Мало-помалу его лицо опять приняло умиротворенное выражение, и он улыбнулся.

– Время было к тебе милосердно, Фло. Ты все так же хороша, черт возьми!

– Я была бы еще лучше, если бы осталась с тобой. Ты тоже прекрасно выглядишь. Но давай лучше выпьем, чем петь друг другу дифирамбы.

Она подняла свой стакан. Ее рука перестала дрожать.

– За кого?

– За Лона, – сказал дядя Эм. – Я его не знал, но мы выпьем за его память. И поговорим о нем.

– Хорошо, Эм, за Лона, – сказала миссис Червински. – Это был большой поганец, несмотря на маленький рост. Но мне он нравился.

Они выпили. Я тоже отхлебнул глоток из своего стакана. Напиток был крепким.

Глава 13

Начав разговор, дядя Эм и миссис Червински сразу же ударились в воспоминания, и я перестал их слушать. Они снова наполнили свои стаканы, но я не любил джин и не торопился их догонять. Я думал о Рите. Имя Лона Стаффолда, произнесенное дядей Эмом, вырвало меня из приятного оцепенения.

– Да, – говорила Фло. – С ним было трудно ладить, впрочем, как и с большинством карликов, которых я знала. Он был страшно недоверчив, но если кому-то удавалось добиться его расположения, он проявлял себя с хорошей стороны. Он никогда не говорил о себе. Я прекрасно знаю, что он из себя представлял, но эти сведения я собирала по крохам.

– Сколько времени он здесь жил? – спросил дядя Эм.

– Четыре, нет, в ноябре будет пять лет. Ему было около тридцати, когда он сюда приехал. В цирке он не прижился. Он ненавидел цирк всей душой и поклялся никогда там больше не работать. Ему не хотелось выставлять свое уродство напоказ: это его страшно раздражало. Если кто-то хотел с ним поладить, он не должен был подавать вида, что имеет дело с карликом. И никогда не упоминать о его росте.

– А что он делал до того, как приехал сюда? Вейс сказал, что он бросил работу на ярмарке шесть-семь лет назад. По твоим словам, он прожил здесь около пяти лет. Чем он занимался раньше?

– Он жил в Толедо. Думаю, у него был газетный киоск или что-то в этом роде. Он знал это дело; когда он открыл здесь киоск, чувствовалось, что он не новичок.

– Он преуспевал? У него водились деньги?

– Не всегда. Он едва зарабатывал на жизнь и часто жаловался на стесненные обстоятельства. Большею частью он жил в кредит одну – две недели, а потом расплачивался. Я сама пару раз одалживала ему деньги – но не больше пяти долларов.

– Однако, когда он уезжал отсюда, он был при деньгах. Вейс сказал, что он заплатил тебе за две недели вперед, чтобы ты оставила за ним комнату.

– Это правда, – подтвердила миссис Червински. – Он продал свой киоск за двести долларов.

– Да, Вейс говорил. Я совершенно забыл. Это означает, что он собирался вернуться в Цинциннати, но не хотел больше продавать газеты. А ты имеешь хоть малейшее представление о том, что он намеревался делать дальше?

– Нет, Эм. Он был страшно скрытным. Но однажды он вскользь дал понять, что вернется обратно с деньгами. Он говорил, что собирается отдохнуть от работы.

– Это было около трех недель назад, Фло. Этой ночью исполняется ровно две недели, как он был убит. Когда он уезжал отсюда, ярмарка Хобарта как раз отправлялась в Эвансвилль. Как ты думаешь, он поехал именно туда?

– Не знаю, Эм. Думаю, полиция прочесала все вокзалы и автобусные станции, чтобы узнать, куда он брал билет. Карлик – запоминающаяся фигура, его должны были заметить. И тем не менее никто не вспомнил, куда он направлялся. Ты полагаешь, что он поехал в Эвансвилль к Хобарту?

Дядя Эм пожал плечами.

– Трудно себе представить, каким образом он оказался в Эвансвилле. Карлик не может спрятаться: он для этого слишком приметен. Я уверен, что до приезда на ярмарку он болтался где-то в другом месте. Послушай, Фло, у него было много костюмов?

– Три. Вейс сказал, что его нашли совершенно голым. Это правда?

– Да.

– Он уехал отсюда в своем лучшем костюме. Остальные два лежат здесь. Он отправился налегке, прихватил с собой только маленький чемоданчик. Туалетные принадлежности, пара рубашек на смену, носки – вот и все. Основная часть его белья

осталась в его комнате.

– Если он намеревался находиться в отъезде полмесяца, то должен был взять гораздо больше вещей, – заметил я. – А он уехал только с маленьким чемоданчиком.

Миссис Червински посмотрела на меня, а потом обратилась опять к дяде Эму:

– Смотри-ка, Эм, он умеет разговаривать!

– Не только разговаривать, но и говорить умные вещи. Эд прав. Когда человек отправляется в двухнедельное путешествие с одним чемоданчиком, это выглядит несколько легкомысленно.

– Но ведь у карлика очень маленькие вещи! Даже в небольшом чемодане их поместится достаточно. Он рассчитывал, что обойдется костюмом и туфлями, которые взял с собой. Возможно, он и не собирался быть в отъезде так долго. Он мне сказал, что сам не знает, надолго ли он уезжает. Однако попросил оставить за ним комнату и заплатил за две недели вперед.

– Он когда-нибудь упоминал о «Хобарт-шоу»?

– Насколько я помню, ни разу.

– А кого-нибудь, кто работает у Хобарта? После убийства Вейс опросил всю ярмарку, но никто его не опознал. Он показывал всем его фотографию. А тебе он ее показывал?

– Конечно, вне всякого сомнения, это был Лон.

– Значит, когда Вейс приехал сюда, он довольно быстро выяснил его имя. Ему помогли полицейские из Саут-Бенда.

– Налей-ка мне еще стаканчик, Эм, и послушай, что я тебе скажу. У вас на ярмарке работает несколько сотен человек. Десяток из них когда-то обязательно встречались с Лоном. Эти люди просто не хотели идти на риск. Зачем рассказывать полиции, что кто-то из них знал убитого или даже работал вместе с ним.

– Конечно, я об этом подумал тоже. Вот почему я и спрашиваю тебя, не упоминал ли Лон в разговоре кого-нибудь из «Хобарт-Шоу»?

– Нет, Эм. Он никогда не говорил о своем прошлом. Никто ему не писал – мне это прекрасно известно. Он давно порвал все цирковые контакты. У него действительно не было друзей.

– Послушай, человек не может заниматься только продажей газет. Как он проводил свое свободное время?

– Он много читал. Очень любил кино: почти каждый вечер ходил в кинотеатр. Каждую неделю приносил из библиотеки кучу книг. В свободное время он либо сидел в кино, либо писал стихи в своей комнате.

– Стихи? – воскликнул дядя Эм.

– Именно стихи. Он был гораздо умнее, чем большинство карликов. Я понятия не имею, где ему удалось получить образование, но он много знал. Лон был по-настоящему умен. Если бы он не был уродом, он бы далеко пошел. Но кто возьмет на работу карлика? Только цирк.

– А он читал тебе свои произведения? Это были хорошие стихи?

– Он никому ничего не показывал, но однажды мне удалось случайно прочитать несколько стихотворений. Он забыл листки на столе, и я прочла их, когда делала уборку в его комнате.

– Это было интересно?

– Я в этом ни черта не понимаю, Эм. Как я могу судить о поэзии? Но это было забавно. Не смешно, а именно забавно. Некоторые из них были очень грустными, а некоторые...

– Горькими, – подсказал я.

– Это именно то слово, которое я искала. Спасибо, Эд. Стихи о смерти. Правда, это не совсем стихи – в них нет рифмы. Ты хочешь их прочесть, Эм?

– Они все еще здесь? Разве полиция не забрала его вещи?

– Нет, все лежит в большом чемодане на чердаке. Когда приехал тот полицейский из Индианы, он пересмотрел все его вещи, но сказал, что не нашел ничего, что смогло бы помочь следствию. Он велел мне сложить все вещи и хранить на тот случай, если полиции они опять понадобятся. Но никто больше не пришел.

– Фло, ты разрешишь мне порыться в его чемодане?

– Конечно, Эм, пожалуйста. На чердаке есть свет. Сама я не собираюсь лезть туда с вами, но дам вам ключи. Ты не ошибешься: дверь на чердак находится на третьем этаже как раз напротив лестницы. У чемодана с вещами Лона сломан замок. Он стоит у входа.

– Это просто замечательно, Фло! Может быть, мы будем рыться в этом чемодане довольно долго. Иди спать! Когда мы закончим, я просуну тебе ключ под дверь.

– Значит, я не увижу тебя, Эм?

– Я зайду завтра. Я пробуду в городе до полудня. Еще одна просьба: у тебя есть старые номера «Билборда»?

– Да, некоторые сохранились. Я еще не успела выбросить номера за последние два – три месяца. А зачем они тебе понадобились?

– Лон читал «Билборд»?

– Нет. Я же тебе говорила, что он и слышать не хотел о цирке и шоу-бизнесе. Он не поддерживал знакомства ни с кем из этого круга...

– Я все понял. И тем не менее мне хотелось бы заглянуть в эти старые номера. Я возьму их с собой на чердак и оставлю их там.

– Возьми, если хочешь. Оставь мне только номер за эту неделю, я еще не успела его прочитать.

Она встала с кресла и подошла к шкафу. В шкафу нашлось около дюжины номеров «Билборда». Положив их на стол, миссис Червински сказала:

– Боюсь, это все, чем я могу вам помочь. Подождите минутку! В бутылке еще остался джин. Давайте-ка выпьем на прощанье!

Я попытался отказаться, но она взяла мой стакан и наполнила его почти до краев.

– Не ломайся, Эд. Это только второй твой стакан. Послушай, Эм, ты помнишь ту забегаловку в Бридж-порте?

И все понеслось сначала. Посыпались воспоминания, но на этот раз их хватило ненадолго. Минут через пятнадцать миссис Червински отпустила нас с миром. Я захватил ключ и стопку «Билборда», и мы пошли на чердак.

Чемодан действительно стоял у самого входа. Когда мы подняли крышку, то обнаружилось, что там сложены только носильные вещи. Сверху лежали два костюма: один из них был новым и хорошо отглаженным, а второй – видимо служивший для работы – помятым и поношенным. Дядя Эм нашел старые газеты и расстелил их на полу.

– Раскладывай вещи в том порядке, в каком мы будем их доставать, – приказал дядя Эм. – Потом сложим их обратно.

– Хорошо, – сказал я. – А что мы будем искать?

– Откуда я знаю! Может, наткнемся на что-нибудь интересное. Вейс уже осматривал вещи до нас и ничего не нашел. Мы должны представить себе общую картину – ты понимаешь, что я имею в виду? Ну, начали!

Я прекрасно его понял. Вопросы, которые он задавал миссис Червински, не помогли нам установить связь между ярмаркой Хобарта и Лоном Стаффолдом. Мы не узнали ничего нового об убийстве. Но карлик предстал перед нами как человеческое существо, а не как абстракция. Маленькое сморщенное личико на фоне примятой травы перестало быть просто фотографией убитого. Карлик стал мужчиной. Его мужским мыслям было тесно в крохотном тельце, и это его дьявольски ожесточило. Дух требовал простора. И он лелеял свою горечь, избегая живых людей и погружаясь в вымышленный мир книг и кино. Мне пришло в голову, что познакомиться с ним было бы весьма интересно. Если бы он был жив, я бы попытался побороть его сопротивление. Он был значительной личностью, а в его маленькой головке помещался сильный мозг. Но теперь было слишком

поздно. Этот человек погиб. От него осталось только содержимое этого чемодана. А его крохотное тело, доставлявшее ему столько мук, покоилось в общей могиле на кладбище в Эвансвилле. Дядя Эм взял один из костюмов и стал рыться в карманах. Я взял второй, поношенный, и сделал то же самое. В карманах ничего не оказалось, кроме сломанной зубочистки. Я прощупал подкладку и, прежде чем положить костюм на газету, взглянул на этикетку.

– Она права, он действительно жил в Толедо, – сказал я.

На костюме была этикетка от портного из Толедо.

– А этот костюм сшит в Цинциннати; он его заказал у какого-то из здешних портных.

Мы тщательно разложили вещи на расстеленных газетах. Зачем мы это делали? Ведь он никогда не будет их носить. Через год – другой миссис Червински, возможно, бросит эти ненужные тряпки в огонь.

Под костюмами в чемодане лежали маленькие рубашки и детские носки – эти вещи он мог не заказывать, а просто купить в магазине. Затем мы вынули крохотное пальто и крохотный плащ. Внизу лежало нижнее белье размером на шестилетнего ребенка. Наконец мы добрались до самого дна чемодана. С одной стороны находилась древнейшая пишущая машинка «Корона» с тремя рядами клавиш, а с другой – непочатая пачка писчей бумаги. Несколько отдельных листов лежали сверху.

Я вынул машинку, осмотрел ее и положил рядом с чемоданом. Она была без футляра. Чувствовалось, что ею пользовались довольно часто. В это время дядя Эм изучал пачку бумаги. Эту пачку никто не вскрывал; бумажный ободок не был надорван.

– Здесь нет книг, кроме этого словаря, – сказал я. – Судя по словам хозяйки, он любил читать. У него должно было быть много книг.

– Необязательно. Есть люди, которые много читают, но не любят иметь книги дома. Обычно это те, кто путешествует или часто переезжает с места на место. Книги много весят и становятся обузой. Я думаю, Лон был из таких людей. Он предпочитал брать книги в библиотеке.

Сначала я отложил словарь в сторону, но потом опять взял и начал листать. Мне хотелось найти пометки или закладки. Словарь был невелик, но я листал его довольно долго. Хорошо, что в чемодане не было других книг – иначе мне пришлось бы потратить на поиски всю ночь.

Дядя Эм взялся за разрозненные листки, лежавшие на пачке бумаги. Я взглянул в его сторону и увидел, что на листках напечатан текст, состоящий из строчек разной длины. Я понял, что это стихи.

– Писем нет, малыш. Он действительно ни с кем не переписывался.

Я вернулся к словарю, а дядя Эм начал вчитываться в текст, напечатанный на листках.

В словаре я ничего не нашел, отбросил его в сторону и занялся чемоданом, который теперь опустел. Это был самый обыкновенный чемодан – без двойного дна и потайных отделений.

Покончив с чемоданом, я взглянул на дядю Эма. Он все еще читал, но его лицо приобрело странное выражение.

– Эд, сложи, пожалуйста, вещи обратно в чемодан. А этим мы займемся отдельно.

– Там только стихи или что-нибудь еще?

– Только стихи... Очень хорошие стихи.

Я начал складывать вещи в чемодан.

– Ты действительно считаешь, что он был талантлив? – спросил я.

– Не знаю. Я в этом плохо разбираюсь: я не поэт. Это нельзя назвать высокой поэзией. Но некоторые из этих стихов написаны гораздо лучше, чем можно было ожидать. Прочти-ка!

И он протянул мне один листок.

Сухие листья отчаяния
Тихо опадают,
Покрывая мои ноги и корни деревьев.
Холодное дыхание уносит их:
Они тихо шелестят
Подобно нежному голосу лютни,
Которая поет о несбыточном,
Встречая бледную зарю.

Я дважды перечитал стихи.

– Но ведь это ни о чем не говорит. Это всего лишь слова.

– Конечно, это всего лишь слова. А что ты надеялся найти там, кроме слов?

– Возможно, это выше моего понимания. Я не вижу здесь ничего особенного. Что это за «нежный голос лютни»? И о каком «несбыточном» идет речь?

Дядя Эм рассердился:

– Не придирайся, Эд! Откуда мне знать про «голос лютни»? Но в один прекрасный день ты обязательно столкнешься с «несбыточным» – это я тебе гарантирую!

Он передал мне второй листок.

У второго стихотворения, как и у предыдущего, не было названия. Первая же строчка повергла меня в изумление: «Закройте медленно крышку моего гроба».

На чердаке было тихо, углы терялись в полумраке. Я почувствовал, как по телу побежали мурашки при мысли, что эти мрачные стихи написал мертвый карлик. Это было просто глупо: каждый из нас рано или поздно должен умереть, за каждым закроется крышка гроба. Кого минует эта судьба? И тем не менее мне было жутко.

Чтобы немного успокоиться, я закурил сигарету, сел на расстеленные газеты и стал читать дальше.

Закройте медленно крышку моего гроба,
Чтобы я слышал тихий стук
Падающих комьев земли.
Мои мертвые уши глухи к другим звукам.
Спокойный, я усну могильным сном.
Но скоро придут дожди.
Они превратят землю в огромный пирог,
Где я буду одной из изюминок.
Да будет так!

Я читал и перечитывал это стихотворение.

Дядя Эм протянул мне следующее, но я отказался.

– Я не хочу больше их читать, – сказал я. – Слишком мрачно. Мне не нравится.

Он бросил на меня косой взгляд и снова углубился в изучение листков. Я докурил сигарету, но никак не мог отделаться от гнетущего впечатления, которое произвели на меня стихи этого несчастного.

Стихотворение мне не понравилось, но поэт и не рассчитывал на то, что оно должно было нравиться. Он добивался чувства подавленности, которое я испытывал, прочитав его произведение. Я думал о Лоне Стаффолде, который сидел один в своей комнате и поверял бумаге свои чувства. Я вздрогнул, вспомнив о том, что в Эвансвилле действительно шел дождь, когда его закапывали в землю.

А ведь он был прав! Земля – это огромный пирог, а лежащие в ней миллионы мертвецов и вправду начиняют ее, как изюминки.

Наконец дядя Эм собрал листки и положил их обратно в чемодан.

– Кажется, это все, – сказал он.

– Ты что-нибудь нашел?

– Ничего в отношении убийства. Но я понял, почему он сочинял стихи.

– Могу я спросить почему?

– К черту твои вопросы. Я не смогу тебе ответить. Есть вещи, которые чувствуешь, но не можешь выразить словами. Например, ты можешь объяснить, почему ты играешь на тромбоне?

– Конечно, нет. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Миссис Червински предсказала, что я никогда не стану музыкантом. Думаю, она была права.

Лицо дяди Эма выразило отвращение.

– Господи, неужели ты веришь в эти басни! Эти так называемые «ясновидящие» всегда были проходимцами.

– Я так думаю не из-за предсказания миссис Червински. Я не брошу игру на тромбоне, но никогда не стану профессионалом. У меня нет способностей, которые должны быть у настоящего музыканта. Однако меня разбирает любопытство: что она подразумевала, когда говорила, что я попадусь в ловушку?

– Эд, именно поэтому я перестал заниматься ясновидением и прочими штуками. На этом можно неплохо заработать, но я предпочел держать балаган. В конце концов ты сам ловишься на эту удочку. В действительности ты просто угадываешь некоторые вещи. Но помимо твоей воли ты начинаешь думать, что в тебе живет какая-то таинственная сила, которая позволяет тебе читать в душе у других людей. Иногда ты попадаешь в яблочко и все больше и больше веришь в свой дар. А тут уже недалеко до сумасшедшего дома.

– Но ведь она сказала правду о моем отношении к музыке. Впрочем, она могла узнать об этом от Вейса – я все ему выложил, когда был у него в гостях.

Дядя Эм покачал головой:

– Вейс не знал, что я знаком с Фло; у него не было причин говорить с ней о тебе. Все гораздо проще, малыш. Парни твоего возраста все помешаны на музыке, но только единицы действительно становятся музыкантами. Она не могла ошибиться. А тебе это показалось чем-то необыкновенным, потому что ты играешь на тромбоне. Если бы ты просто любил музыку – все равно какую, – ее предсказание так или иначе было бы верно. Ты сам теперь видишь, что она действовала наверняка.

Он сгреб пачку «Билбордов» и положил ее себе на колени.

– Любой может этим заниматься – стоит только набраться наглости. Каждому можно наговорить кучу вещей, которые покажутся правдой. Тут нет никакого риска. Нужно только напустить как можно больше тумана. Человек сам постарается найти совпадение между предсказаниями и тем, что с ним случится. Однако, черт возьми, нужно заняться этими газетами. Мы продолжим разговор после.

Он поделил пачку газет на две части и протянул мне половину.

– Получай свою долю! Ну, давай начинать!

– Что будем смотреть прежде всего. Объявления?

– Конечно, особенно раздел предложений о найме и частные объявления. Все, что может касаться карлика. Я пока не знаю, что мы ищем, но что-то должно найтись.

– Понятно, – сказал я.

Я взял первый номер и просмотрел раздел объявлений. Там ничего не оказалось. Во втором номере в разделе о найме на работу я наткнулся на имя какого-то карлика из Бирмингема, который предлагал свои услуги в качестве циркового артиста. Он не имел никакого отношения к нашему делу, но на всякий случай я выписал его адрес. И только в третьей газете я нашел то, что искал. Я сразу наткнулся на это объявление, потому что оно было обведено черным карандашом. Это было объявление частного характера:

Я всматривался в это объявление, когда дядя Эм сказал мне:

– Посмотри отдел писем – может, на его имя было отправлено письмо.

– Нашел. Посмотри!

Я протянул ему газету, и он прочитал объявление.

– Это именно то, что нам нужно. Это ты сделал рамку или...

– Нет, не я. А что значит «ав»?

– Это дата, когда должен был выйти последний номер с этим объявлением. Давай-ка посмотрим! Это номер от третьего августа, я просмотрел последний июльский, и там ничего. Значит, объявление было дано третьего августа с последующим повторением в номерах от десятого и семнадцатого августа. У тебя есть эти номера. Проверь!

Я проверил. В обоих номерах было помещено это объявление, но только в номере от третьего августа оно было обведено рамкой.

Я показал оба номера дяде Эму.

– Нужно обязательно узнать, кто отметил объявление карандашом. Фло говорила, что карлик не читал «Билборд». Правда, он мог читать его втайне от нее.

– Это вполне возможно, – заметил я.

– Если поразмыслить хорошенько, то это маловероятно. Если он читал газеты тайком, то не стал бы ничего подчеркивать. Это выдало бы его намерения. Ну, пошли!

Он собрал газеты, положив интересующий нас номер сверху, и пошел к выходу. Я быстро собрал разложенные на полу газеты, кинул их в угол и догнал его у лестницы. Что-то заставило меня обернуться, и я бросил взгляд на чемодан. Он был похож на гроб ребенка – или карлика.

Этот чемодан действительно стал гробом если не тела, то мыслей этого несчастного человека. Мыслей, изложенных на бумаге. Эти мысли еще поживут какое-то время, пока их не выбросят или не сожгут в печи. А потом они превратятся в дым, тогда как тело, породившее их, уже стало изюминкой в толстом пироге земли.

Дядя Эм уже спустился с лестницы и ждал меня внизу. Я погасил на чердаке свет и закрыл за собой дверь.

«Прочтет ли кто-нибудь еще эти мрачные стихи, спрятанные на чердаке?» – подумал я.

Спустившись на второй этаж, я спросил у дяди Эма:

– Ведь ты не станешь ее будить? Мы побыли там довольно долго. Сейчас уже около пяти утра.

– Разумеется, я ее разбужу. Это крайне важно.

И он постучал в дверь миссис Червински. Я услышал, как скрипнула кровать, потом зажегся свет, и Фло появилась на пороге своей комнаты.

– Мне чертовски жаль тебя беспокоить, Фло. Но кое-что я должен выяснить немедленно. Речь идет об этом объявлении.

Он протянул ей газету и ткнул пальцем в черную рамку.

– Господи, я совершенно об этом забыла. Входи, Эм.

– Нет, мы сейчас уйдем и оставим тебя в покое. Так что ты можешь сказать по этому поводу?

– Ничего особенного. Я увидела это объявление в субботнем номере. Меня удивило начало: «Лон С.» Естественно, я сразу же подумала, что объявление касается Лона Стаффорда, и подчеркнула его. Когда он вернулся вечером, я его ему показала. Но он заявил, что это не имеет к нему никакого отношения и он не знает никакого Коротышки. И вообще не понимает, о чем идет речь. Он сказал, что я ошиблась.

– Больше он ничего не добавил?

– Нет. Но я заприметила это объявление. Оно появилось еще в двух номерах, а потом пропало. Поскольку Лон уверял, что оно его не касается, я выкинула это из головы. А теперь ты мне о нем напомнил.

Сонное выражение сошло с ее лица.

– Значит, объявление все-таки предназначалось для него, а он не хотел, чтобы я об этом знала. Оно очень коротенькое. Он с первого раза мог запомнить содержание и почтовый адрес. Он уверял, что это не имеет к нему отношения, но наверняка ответил. Ты согласен со мной, Эм?

– Пока не знаю, Фло, но наведу справки. Во всяком случае, большое спасибо. Возвращаю тебе ключ от чердака и газеты.

– Я еще увижусь с тобой, Эм?

– Надеюсь. Я обязательно тебе позвоню. До свидания, Фло.

Мы вышли на Вайн-стрит. Мимо нас проехали одно или два такси, но дядя Эм даже не попытался их остановить.

Небо уже начало сереть, а с реки дул свежий северный ветер. Я слегка дрожал, но не потому что было прохладно. Я никак не мог отделаться от воспоминания о стихах. Мне хотелось забыть их, но они росли во мне и наполняли душу смутной тревогой. Сам того не желая, я их выучил наизусть слово в слово.

– Тебе холодно, Эд? – спросил дядя Эм.

– Нет, но я хочу есть.

– Сейчас мы перекусим. А потом пойдем в какой-нибудь отель. Надо немного поспать. Наш следующий визит будет на площадь Оперы, двадцать пять. Но туда нельзя явиться раньше девяти-десяти часов.

Мне не нужно было спрашивать, что находилось на площади Оперы, двадцать пять. Все циркачи знали этот адрес – это был адрес редакции «Билборда».

– Ты думаешь, они скажут, кто поместил объявление? – спросил я.

– Я когда-то знал там одного парня, может, он поможет нам пролить свет на это дело.

– А если он там больше не работает?

– Если я не справлюсь в одиночку, придется подключить Вейса. Он может устроить, чтобы здешняя полиция сделала официальный запрос. И все-таки я боюсь, что у нас ничего не выйдет. Тот тип наверняка действовал под чужим именем.

– Тогда зачем мы туда идем, если ты считаешь, что мы ничего не добьемся?

– У тебя что, есть другие предложения?

– Нет, – сказал я. – Я могу предложить только поспать и поесть. Лично я умираю с голоду.

На углу Вайн-стрит мы нашли ресторан, к счастью, еще открытый. Нам удалось кое-как перекусить, а затем мы отправились на поиски ночлега. В отеле на Фонтейн-сквер нам предложили двухместный номер, и мы повалились в постели, приказав разбудить нас в девять часов. Уже засыпая, дядя Эм сказал:

– Тебе совсем не обязательно вставать так рано. В «Билборде» я разберусь и без твоей помощи. Я разбужу тебя, когда вернусь. Можешь поспать пару лишних часов.

– Замечательно, – сказал я. – Только не позволяй мне спать слишком долго. Мне обязательно надо вернуться в Форт-Вэйн к семи вечера. Я не могу обмануть Риту.

– Не беспокойся, Эд. Ты вернешься вовремя.

Дядя Эм погасил свет и блаженно вытянулся на кровати.

– После того как я проспал целый сезон на кушетке, я не смогу заснуть в такой мягкой постели, – проворчал он.

Однако ровно через минуту, обратившись к нему, я в ответ услышал храп.

Глава 14

В девять утра я расслышал сквозь сон телефонный звонок. Я помнил, что мне не нужно вставать, и повернулся на другой бок. Но тут я почувствовал, что кто-то тербит меня за плечо. Я с трудом открыл глаза и увидел дядю Эма.

– Что случилось? Ты же сказал, что я могу поспать... – пробурчал я.

И только тут заметил, что он уже одет.

– Поднимайся, малыш. Уже полдень. И поторопись, если хочешь попасть в Форт Вэйн к приезду твоей крошки.

Я сел, пытаюсь стряхнуть с себя сон. Рядом с кроватью стоял стул, на который я бросил вчера свою одежду. Теперь вместо нее там лежал какой-то пакет.

– Поезд отходит в два часа дня, но ведь нужно сделать пересадку. Мы успеем вернуться к семи вечера. Я подумал, что ты захочешь прифрантиться перед отъездом. Я попросил привести твой костюм в порядок: его сейчас глядят. Они все успеют сделать, пока ты примешь душ.

Он развернул пакет, и я увидел там новую рубашку, носки, кое-что из белья и прекрасный галстук.

– Ты умница, дядя Эм!

– Конечно, я не дурак. Только я уже три часа на ногах и еще не успел позавтракать. Так что пошевеливайся!

Только после того, как я принял душ и облачился в свежевыглаженный костюм, который принес рассыльный отеля, я вспомнил, что следует спросить дядю Эма о результатах его похода в редакцию «Билборда».

– Все вышло так, как я и предполагал, – ответил он. – Объявление поместил некий Джон Смит. Его адрес: Луисвилль, штат Кентукки, до востребования. Сам понимаешь, людей с таким именем – Джон Смит – в Америке как собак нерезаных. Этот тип выбрал его намеренно. Объявление послано по почте и оплачено вперед наличными деньгами. В редакции мне сказали, что на объявление был получен ответ, который они отправили в Луисвилль, до востребования.

– Значит, ответ был отправлен в Луисвилль. А ты не помнишь, мы уже работали там в это время?

– Ты попал в самую точку. Мы начали работать в Луисвилле в понедельник пятого августа, через два дня после появления первого объявления в «Билборде». Итак, это дело имеет прямое отношение к ярмарке Хобарта. В этом нет сомнений, Эд.

– А если ответ пришел после того, как мы уехали из Луисвилля? Ведь объявление появлялось три недели подряд, а мы пробыли там не больше недели.

– Тип, поместивший объявление, наверняка попросил, чтобы корреспонденцию на его имя переводили до востребования в Эвансвилль, а потом в Саут-Бенд. Но он получил ответ немедленно... Фло показала объявление Лону третьего августа.

Когда мы завтракали в маленьком ресторанчике отеля, я спросил дядю Эма:

– А ты позвонил миссис Червински? Ведь ты же обещал ей позвонить перед отъездом.

– Спасибо, что напомнил, – сказал он. – У меня совершенно вылетело из головы.

И он бросился к телефонной кабине.

После завтрака у нас еще оставалось немного времени, и мы не спеша отправились на вокзал.

В поезде дядя Эм всю дорогу молчал. Мне тоже было не до разговоров: прислушиваясь к стуку колес, я думал о том, что с каждой минутой я приближаюсь к блаженному мигу встречи с Ритой.

Тем временем дядя Эм достал из кармана конверт и начал что-то чертить карандашом. Он написал несколько слов, потом остановился, подумал и добавил еще

какие-то цифры.

Я заинтересовался и глянул на конверт.

– Послушай, малыш, я запомнил, когда убили Лона?

– В четверг, – ответил я. – В Эвансвилле. Вчера исполнилось ровно две недели. Значит, это произошло пятнадцатого августа... нет, скорее шестнадцатого августа, потому что его убили после полуночи. В пятницу, шестнадцатого августа.

Дядя Эм записал в середине конверта: «Л.С. – убит – 15». И уточнил:

– Будем считать, что это произошло в четверг, время не так уж важно. А Сьюзи?

– Она исчезла в первую же ночь после нашего переезда в Форт Вэйн... в прошлый понедельник, двадцать шестого августа. Ее нашли во вторник во второй половине дня. Но наверняка она была убита в понедельник вечером.

Он отметил «26» в начале следующей колонки.

– А Негро... позавчера, двадцать восьмого августа, в среду.

Эти сведения он поместил в третью колонку.

– Это было именно в ту ночь, когда ты увидел в окне Сьюзи или ее призрак. Давай подведем итог, малыш. За несколько дней до убийства Лон уехал из Цинциннати.

– За пять дней. Он уехал в субботу десятого августа. В это время мы уже находились в Луисвилле два дня.

Я увидел, как дядя Эм записал в первой колонке под отметкой «Л.С. – убит» следующее: «Л.С. – покинул Цин. – 10».

– Здесь можно поместить и третью дату, – заметил я. – Третье августа, тот день, когда миссис Червински показала Лону объявление в «Билборде».

И он записал: «Лон увидел объявление – 3 ав.» Всмотревшись в записанную фразу, он заключил:

– Если он ответил на объявление сразу – а именно так он и сделал, – ответ пришел в Луисвилль до востребования пятого августа, когда ярмарка уже была там. Все сходится, малыш! Но я пока не вижу мотивов этой переписки.

– Когда ответ послали, ярмарка еще находилась во Франкфурте, штат Кентукки. Это было в конце июля. А еще раньше мы работали в Лексингтоне. Думаю, не стоит копать дальше. Нужно выяснить, что могло произойти в последнюю неделю июля.

Дядя Эм занес эти сведения в свою схему. Потом мы стали изучать наши записи, но сколько ни ломали голову, разгадки нам так и не удалось найти. И тем не менее было очевидно, что некто на ярмарке, на нашей ярмарке, вел тайную игру: он поместил объявление в «Билборде», получил ответ от Лона, заключил с ним какую-то сделку, заставившую карлика уехать из Цинциннати, а затем убил его в Эвансвилле через четыре дня после того, как ярмарка перекочевала в этот город. А где был этот человек и что он делал в предыдущие пять дней? Это оставалось тайной.

Поезд прибыл в Лиму, где мы должны были пересест на «Пенсильванию», которая следовала через Форт Вэйн. До отхода «Пенсильвании» оставалось довольно много времени, и мы решили выпить по чашечке кофе в вокзальном буфете.

Конверт с записями снова выступил на сцену. Дядя Эм положил его на стол перед собой, и мы опять принялись изучать составленную схему.

– Эд, здесь явно просматривается план. Но какой? Недостает какого-то важного звена. Стоит его добавить – и все станет яснее ясного.

Я недоверчиво покачал головой и отхлебнул глоток кофе. Краем глаза я посмотрел на вокзальные часы: пять часов четырнадцать минут. До встречи с Ритой еще оставался час сорок шесть минут. Но дядя Эм не хотел замечать моего настроения и опять начал сыпать догадками.

– Подумай хорошенько, малыш! Что нам известно об этом недостающем звене?

Я с сожалением отвел глаза от часов.

– Прежде всего надо выяснить мотивы. Ты отвергаешь версию о том, что все эти убийства совершил маньяк. Вейс в данном случае с тобой солидарен, да и я тоже. Тогда

совершенно непонятно, каковы причины. Насколько мне известно, никто ничего не выиграл от этих убийств – ведь об ограблении здесь не может быть и речи. Разве что кто-то затаил злобу на Лона Стаффолда – но это пока тоже недоказуемо.

– Я отвергаю месть или сведение счетов в качестве мотива. И знаешь почему? Есть люди, которые способны на убийство в сильном гневе. Но в данном случае убийца действовал с заранее обдуманной намеренностью. Какая-то выгода все-таки была. И когда мы узнаем, в чем она заключалась, мы найдем недостающее звено в нашей схеме.

– Ты забыл еще одну вещь: все жертвы были одного роста. Как ты втиснешь этот факт в свою схему?

Я опять посмотрел на записи дяди Эма, но не открыл для себя никакого нового смысла.

– Малыш, у тебя такая прекрасная память, – взмолился наконец дядя Эм. – Закрой глаза и подумай хорошенько! Выкинь из головы все, что не имеет отношения к этому делу! Попытайся сопоставить две вещи: выгоду убийцы и рост жертвы. Карлик, шимпанзе, ребенок! Ведь есть же какая-то связь!

Я закрыл глаза и попытался честно выполнить его просьбу. Но сколько я ни напрягал память, мне так и не удалось решить эту головоломку. Вдали раздался свисток поезда.

– Нет, дядя Эм, у меня ничего не получается.

– Попытайся еще разок, Эд. Видишь, поезд уже подходит. У нас мало времени. В чем могла заключаться выгода убийцы?

На этот раз я не стал закрывать глаза. Я тупо уставился в пространство, пытаюсь собрать воедино бродившие у меня в голове неясные мысли.

– Есть одно предположение. Но я не понимаю, каким образом...

– Оставь пока в стороне «каким образом»! Сначала скажи, что ты имеешь в виду.

– На следующий день после убийства Лона, когда я был в Эвансвилле, я специально купил газету, чтобы прочитать раздел происшествий. Там было сообщение о похищении маленького мальчика. За него требовали выкуп в пятьдесят тысяч долларов. Его похитили в ту же ночь, когда убили Лона. Они указали возраст мальчика – семь лет. Значит, его рост совпадает с ростом Лона, Сьюзи и Негро. И... выкуп в пятьдесят тысяч долларов.

– Где? Где это произошло?

И тут я все вспомнил. По спине у меня пробежал холодок.

– В Луисвилле, – растерянно пробормотал я.

Поезд уже подходил к перрону. Я поднялся и сказал дяде Эму:

– Пойдем, мы можем опоздать, поезд стоит здесь всего несколько минут.

Я уже сделал шаг по направлению к двери, но дядя Эм не тронулся с места. Он сидел перед столиком с таким видом, как будто только что увидел призрак.

– Дядя Эм! Поезд уже подходит! Пошли скорее! – крикнул я.

Наконец он очнулся и сказал:

– Поезжай один. Я приеду завтра. Мне нужно...

Он не закончил свою мысль.

Я ничего не мог понять: то, что я ему сказал, по какой-то причине произвело на него ошеломляющее впечатление. Только один раз в жизни я видел на его лице такое выражение. Это было, когда я сообщил ему, что мой отец – его брат – скоропостижно скончался. Значит, мои слова имели для него какой-то тайный смысл. Смысл, который я не мог угадать.

Поезд медленно подошел к перрону. Это был единственный поезд, который мог доставить меня в Форт Вэйн. Через минуту он отправится без меня, а я так и останусь на вокзале. Ведь я дал Рите клятвенное обещание встретить ее в семь! Дядя Эм понял мои колебания и подбодрил меня:

– Беги, малыш, ты можешь опоздать на поезд. Завтра мы обязательно увидимся!

– Но я не могу...

Он схватил со стола солонку, как будто собирался запустить в меня, и с притворным раздражением закричал:

– Убирайся отсюда! Дай мне, наконец, минуту покоя!

Я кинулся на перрон и в последнюю секунду успел вскочить в вагон.

Когда я приехал в Форт Вэйн, Рита уже была на вокзале. Ее поезд прибыл на несколько минут раньше. На ней было черное платье, которое ей очень шло. Ее кожа казалась еще белее, а волосы еще золотистее на темном траурном фоне. У нее был просто ангельский вид. Однако она была не из тех ангелов, которых почитают на расстоянии. Когда мы присели на скамейку, я подумал, что в ее глазах и выражении лица есть что-то, что дьявольски притягивает к себе мужчин.

Я начал расспрашивать ее о похоронах отца, но она прервала меня:

– Давай не будем говорить об этом, Эдди!

Но потом все-таки вернулась к этой теме:

– Эд, я не хочу, чтобы у тебя сложилось ложное впечатление. Я не буду хитрить с тобой. Я не любила своего отца – мне не очень удобно говорить об этом после его смерти, но он вел себя очень плохо. Он жестоко обращался с моей матерью. Правда, он ее не бил, а предпочитал изводить по мелочам. Может быть, он ей изменял, но я об этом ничего не знаю, да и не хочу знать. Больше всего на свете он любил выпивку – гораздо больше, чем маму. Думаю, она оставалась с ним только из-за меня, ей хотелось, чтобы я росла в семье. У нее был свой маленький независимый доход, и она заплатила за страховку, когда поняла, что скоро умрет. Мама устроила так, что отец не смог ею воспользоваться. Все досталось мне. Она умерла от рака. Она давно знала о своей болезни и...

Я положил руку ей на плечо.

– Не надо больше об этом, Рита. Теперь это не имеет никакого значения.

– Нет, Эдди, я хочу, чтобы ты понял, почему мне было так тяжело расстаться с тобой в тот момент, когда мы нашли друг друга. Мне было больно видеть, как он умирает именно потому, что я его не любила. Людей узнаешь иногда слишком поздно. Он оказался не таким уж плохим человеком. Я поняла это только в больнице. Он был слаб на выпивку – это правда... И все-таки это был мой отец. Он...

– Довольно, Рита.

– Мне самой не хотелось бы об этом говорить. Но теперь мне будет легче, если я все тебе расскажу. Он знал, что умрет. Он это понял сразу же после несчастного случая, хотя доктора уверяли, что он поправится. И он был счастлив, когда я пришла. Он... плакал. Я осталась с ним, пока все не кончилось. Я должна была это сделать.

– Я понимаю, Рита. А зачем ты ездила в Чикаго?

– Так было нужно. Мы начнем свое дело, Эдди. – И она улыбнулась мне с загадочным видом.

– Какое дело?

– У нас теперь есть деньги. Страховка на пять тысяч долларов. Правда, сейчас у меня осталось всего четыре – я похоронила отца по высшему разряду, а потом купила себе кое-что из одежды. Тебе нравится это платье, Эдди?

– Оно очень красивое, – сказал я. – Но... пять тысяч долларов – это большие деньги.

– Целый капитал. Если бы я на них жила, мне хватило бы на год. А если бы я их приберегла и продолжала работать, я все равно стала бы в них залезать – я себя знаю. Поэтому я решила вложить их в дело. Тогда они принесут доход. Я организую цирковую программу.

– Что это за программа?

– Программа оптических иллюзий. Там будет пять номеров – распиленный ящик, женщина без головы, гильотина, женщина-паук и еще один номер. Я не совсем поняла, о чем идет речь. Это совершенно новый трюк. И, разумеется, мы снимем новый балаган. Мы сможем прекрасно заработать, Эдди.

Я несколько раз пытался ей возразить, но она была так воодушевлена своими

фантазиями, что я не осмелился.

– Мне хотелось бы, чтобы Эм тоже к нам присоединился, – продолжала она. – Нам понадобится еще одна ассистентка. Думаю, вчетвером мы справимся. Сама я буду участвовать в номере «женщина без головы».

– Все это чудесно, – заметил я. – Но ведь сезон уже кончается. Сейчас слишком поздно затевать новую программу.

– После Милуоки и Спрингфилда ярмарка отправляется на юг. У нас в запасе еще два месяца. Мы сможем окупить свои расходы, а в следующем сезоне...

– Окупить расходы? – прервал я ее. – Так, значит, твоих четырех тысяч долларов будет недостаточно, чтобы организовать эту программу?

– Конечно, нет. Фокусник, с которым я договорилась, требует восемь тысяч долларов, но думаю, что смогу его уломать и за шесть. Для начала я вложу три тысячи – это поможет нам начать дело и продержаться зиму. Впереди еще достаточно времени, чтобы подготовиться к следующему сезону. А тогда мы сможем развернуть дело по-настоящему.

Я было открыл рот, чтобы заявить, что у дяди Эма тоже есть кое-какие деньги, но вовремя спохватился. Мне не следовало распоряжаться его деньгами. Сначала нужно заручиться его согласием.

– Все это выглядит великолепно, но...

– Ты не хочешь участвовать, Эдди?

– Разумеется, хочу. Но я предпочел бы, чтобы это были мои деньги, а не твои. Мне не нравится...

– Не будь таким дурачком, Эдди. Это наши деньги. Если я принадлежу тебе, то и все, чем я владею, тоже твое. Но если ты не хочешь входить со мною в дело, я найму тебе квартиру и буду платить зарплату, чтобы ты занимался организацией и рекламой. Это тебя устраивает?

– С тобой я согласен на любую авантюру, – засмеялся я. – Но не надо торопиться, Рита. Ты неопытна, тебя могут надуть. Позволь нам с дядей Эмом все проверить, прежде чем вкладывать деньги. Или, если хочешь, обратись к Мори. Он не новичок в шоу-бизнесе и может дать дельный совет.

– Мори уже в курсе. За два дня до той ночи, когда мы с тобой познакомились, мы ездили в город – Хоги, Мардж, Мори и я. Мори сам заговорил об этом деле, когда мы сидели в ресторане. Фокусник работал на ярмарке, которая прогорела. Но Мори сказал, что у него действительно великолепное представление. Он сам хотел переманить этого парня на ярмарку Хобарта. На его номера публика валит валом. Мори называл мне имя хозяина прогоревшей ярмарки, но я его забыла. Этот человек сейчас болен и лежит в больнице в Чикаго. Поэтому ему необходимо ликвидировать свои дела. Он не собирается больше открывать свою ярмарку. А фокусник остался без работы.

– Но, Рита...

– Когда я получила деньги по страховке, вернее, когда узнала, что смогу их получить, я позвонила Мори. Он сказал, что мне плывет в руки золотое дело. Расходы не составят больше десяти тысяч долларов, а уже к концу этого сезона я смогу получить прибыль в две тысячи.

– Все это выглядит замечательно, Рита. Но все-таки я советую подождать и спросить мнения дяди Эма. Тем более что ты хочешь взять его в дело. Дела у него сейчас идут неплохо. Может быть, он не захочет идти на риск?

– Твой дядя Эм? Не захочет пойти на риск? Не будь идиотом! Ну ладно, я с ним поговорю. А сейчас мне надо заехать к Мори и забрать свои вещи. Мы едем на ярмарку.

– Дяди Эма сейчас нет на ярмарке. Он уехал по делам. Я даже не знаю, когда он вернется. Может быть, завтра.

– В таком случае, если я уеду сегодня вечером, то не смогу с ним повидаться. Я еду в Чикаго ночным поездом. Так надо, Эдди.

Я посмотрел на нее в надежде, что смогу уговорить отложить отъезд. Но выражение ее лица убедило меня, что мои просьбы будут бесполезны.

– Хорошо, Рита, ты уедешь ночным поездом. А теперь поехали на ярмарку!

В такси я обнял ее и поцеловал. Мне казалось, что я весь растворился в этом поцелуе. Никогда раньше я не испытывал ничего подобного. Не зря я ждал столько времени. Теперь я сожалел о слабости, которую позволил себе с Эстеллой. Тот поцелуй был мимолетной утехой, а этот переворачивал мне душу, заставлял трепетать в сладостном предчувствии. Я понял, что с этой минуты мы с Ритой – единое целое перед лицом всего мира.

Дядя Эм не был частью этого мира. Я был страшно признателен Рите за то, что она подумала о нем и пригласила в наше дело. Мне чертовски не хотелось с ним разлучаться, несмотря на то что отныне мы пойдем с Ритой одной дорогой, а дяде Эму, возможно, с нами не по пути.

Когда я оторвался от Риты и взглянул на нее, я увидел, что она тоже вся отдалась своему чувству. Она часто дышала, закрыв глаза. Ее лицо светилось рядом в полумраке такси. Как она была хороша! Я не стоил ее, и тем не менее она была моей. Я был счастлив и горд от сознания, что, если бы я попросил, она не поехала бы в Чикаго. Но я не стал просить. Где-то в глубине души я чувствовал, что ее отъезд был наказанием за мою выходку с Эстеллой. И я добровольно принял на себя это наказание. Чтобы искупить свою вину, я должен был позволить Рите уехать, а потом мучительно ждать ее возвращения.

– Это было замечательно, Эдди, – прошептала она. Ее лицо то погружалось во мрак, то опять появлялось передо мной в неверном свете уличных фонарей.

– Я тебя так долго ждал, – пробормотал я и опять почувствовал свою тяжкую вину.

Вскоре мы услышали гул, доносившийся с ярмарки, и такси остановилось у центрального входа. Как только мы вошли на центральную аллею, что-то заставило нас остановиться. Я даже не помню, кто из нас остановился первым. Рита вцепилась в мою руку. Я не знал, о чем она думала. А мне припомнилась та ночь, когда центральная аллея предстала передо мной в белесой дымке, заглушавшей звуки. Мне опять показалось, что я вижу ее в каком-то новом свете, слышу незнакомые звуки. Все опять странно переменялось вокруг, и я был бессилен понять смысл этих изменений.

В действительности ничего особенного не произошло. Вечер был ясный, дул легкий свежий ветер, ярмарка празднично шумела. Но все казалось мне необычным, как будто я смотрел другими глазами – глазами постороннего человека, который видит все это в первый и последний раз. И этот человек во мне понимал и чувствовал ту жизнь, которой жила ярмарка.

Вдруг Рита сказала:

– Я люблю тебя, Эдди. Пока я не уехала отсюда, я не понимала, как сильно я тебя люблю. Я так скучала по тебе, когда была в Индианаполисе. Я скучала и по тебе, и по ярмарке. Мне кажется, я вернулась бы сюда, даже если бы тебя здесь не было. Если бы у меня не было этих денег, я опять стала бы работать в «живых картинах». Во всей этой жизни есть что-то, от чего трудно отказаться.

Я кивнул. Я прекрасно понимал, что она хотела сказать.

– Нас учили в школе, что целое – это сумма составных частей. Это неправда. Мы с тобой теперь одно целое, но это гораздо больше, чем просто ты и я.

– Что ты хочешь сказать, Эдди?

– Я хочу сказать, что вместе мы значим гораздо больше, чем каждый в отдельности. Разве это не так?

Она нежно прижалась ко мне и прошептала:

– Конечно, так, Эдди!

– Каждая вещь превращается в нечто большее, чем она есть на самом деле. Например, музыка. Ты когда-нибудь слушала великих скрипачей? Что они делают на самом деле? Водят конским волосом по высушенным овечьим кишкам. А что получается?

– Хватит философствовать, Эдди! – засмеялась Рита. – Ты странный парень, я никогда не встречала никого забавнее тебя.

Я засмеялся вместе с ней. Конечно, глупо пускаться в подобные рассуждения. И тем не менее, думал я, ярмарка была единым целым – как скрипка. Она состояла из столь же малоромантичных вещей, как конский волос и овечьи кишки. Вейс был прав: она разжигала низменные скотские инстинкты публики, нездоровое любопытство и жадность. Но в то же время она имела над толпою магическую власть. В неоновой рекламе, лотерее и человеческом уродстве, выставленном напоказ, было нечто неотразимо привлекательное. Впервые я так четко осознал весь трагизм и все очарование жизни.

Рита прервала мои размышления.

– Эдди, мне нужно сходить в балаган к Мори – попрощаться с девушками и забрать свои вещи. Они не любят, когда там болтаются посторонние. Давай встретимся в фургоне у Хоги!

– Нет! – воскликнул я. Я и сам не понимал, что меня так взволновало. Но я быстро взял себя в руки и сказал: – Думаю, их нет дома. Хоги наверняка уехал – ему надо решить вопрос с нашим переездом в Милуоки. А Мардж ассистирует в лотерее.

– Тогда где мы встретимся?

– У Ли Кэри. Через час – ты согласна?

– Я задержусь всего на несколько минут. Только не потеряйся, Эдди!

– Не потеряюсь! Может быть, мне пойти с тобой?

– В женскую примерную? Там слишком много соблазна – я не смогу за тобой уследить.

Она засмеялась и чмокнула меня в щеку. Я провожал ее взглядом, пока она не исчезла в толпе.

Когда Рита ушла, я так и остался стоять на центральной аллее. Мне некуда было идти – вернее, я боялся тронуться с места. Но затем я решился. Я прекрасно знал, что в этом месте мне ни в коем случае не следовало появляться – и тем не менее ноги сами понесли меня в сторону фургона Хоги. Мною овладело непреодолимое, лихорадочное любопытство. Этого никак не следовало делать, но какая-то сила толкала меня вперед.

Я не знал, что меня ожидало, но внутренне был готов к самому худшему. Дверь фургона была закрыта. Я постучал и услышал голос Хоги, приглашавшего меня войти. Переступив порог, я остолбенел от удивления. Посреди фургона верхом на стуле сидел Вейс. У него был такой усталый вид, как будто он не спал несколько ночей. Хоги сидел за столом напротив Вейса. Перед ним стояла наполовину пустая бутылка. Но по лицу капитана нельзя было понять, пьян он или нет. Мардж тоже была дома. Она взглянула на меня растерянно и беспомощно, и ее глаза налились слезами. Когда я вошел, Хоги сразу же спросил меня:

– Выпьешь стаканчик?

– Нет, спасибо, Хоги, – ответил я.

Вейс ограничился тем, что поприветствовал меня кивком. В фургоне воцарилось тягостное молчание. Я сразу пожалел о том, что пришел, но отступить было поздно.

– Где твой дядя, Эд? – спросил Вейс, чтобы поддержать разговор. Если бы я ответил, что не знаю, это выглядело бы полным идиотством.

– Он уехал по делам в Цинциннати, – ответил я.

Он взглянул на меня, как бы спрашивая, что это за дела, но я стойко выдержал его взгляд. Он не стал настаивать. Я изо всех сил старался смотреть только на Вейса, чтобы иметь возможность не обращаться к Хоги и Мардж.

Почему у меня не хватило выдержки держаться подальше от этого места? Что мне здесь понадобилось? Ведь я предчувствовал, что мне не следовало сюда приходить! Я клял себя за бесхарактерность. Мне казалось, что я присутствую на похоронах.

Когда Хоги снова стал наливать себе в стакан, бульканье жидкости вывело меня из оцепенения. В фургоне было так тихо, что я слышал его глотки. Затем Хоги обернулся в

сторону Мардж и сказал:

– Детка, мне кажется, тебе пора пойти помочь Питу. Он тебя заждался.

Она поспешно вскочила и пробормотала:

– Действительно, пора. Я скоро вернусь.

Чувствовалось, что она была рада любой возможности уйти из фургона.

– Присядь, Эд! – сказал Хоги. Я присел на кровать. «Если она вернется, я тут же встану и уйду, – подумал я. – Питу не нужна ее помощь, он обойдется и без ассистентки. Ей там нечего делать. Но она будет тянуть время. Мне придется просидеть здесь десять – пятнадцать минут, а потом изобрести какой-нибудь предлог, чтобы уйти».

А пока мне нужно было смотреть на Хоги и как-то поддерживать разговор. Вдруг Армин Вейс повернул голову в мою сторону и неожиданно спросил:

– Малыш, что ты можешь сказать об уколах на руках Сьюзи?

Я просто опешил от его вопроса.

– А что я могу сказать?

– Ты знал об этом?

– Конечно. Хоги рассказал мне вчера вечером.

– На ее руках действительно нашли следы уколов, – подтвердил Вейс.

По-видимому, Вейса разочаровал мой ответ. Но для меня все стало ясно: я нашел еще одно из недостающих звеньев в этой цепочке. Хоги не зря рассказал мне об этих следах на руках шимпанзе. Он знал, что полиция сделает то же, что сделал я: эксгумирует труп Сьюзи и произведет медицинский осмотр. А результаты этого осмотра позволят сделать неутешительные для него выводы.

– Шимпанзе вырыли сегодня утром, – продолжал Вейс. – Мы вызвали судебного эксперта. Обезьяну буквально накачали морфином.

– Вы хотите сказать, что она не утонула?

– Конечно, нет. Ее утопили. При том количестве наркотиков, которое в нее влили, она не могла передвигаться сама. Кто-то сделал ей несколько уколов морфина, чтобы она не сопротивлялась, донес до бассейна и бросил в воду.

– Вот как!

Его слова меня не удивили. Теперь мне казалось, что я всегда знал, что смерть Сьюзи не была несчастным случаем. Я это давно предчувствовал, хотя и не мог понять причин этого убийства.

Все опять замолчали. Было так тихо, что я услышал, как кто-то ходит на цыпочках вокруг фургона. Ни Вейс, ни Хоги не обратили внимания на этот легкий шорох. Но мои чувства в этот момент были так обострены, что я замечал любую мелочь.

Шаги приблизились к двери, потом затихли, а затем я услышал, как кто-то опять начал топтаться около фургона. Я поднял глаза и взглянул в окно. Вейс сидел к нему спиной. За стеклом на мгновение показалось лицо дяди Эма. Он слегка кивнул мне, словно давая понять, что я не должен выдавать его присутствие.

Дядя Эм посмотрел через стекло на Хоги. Тот по-прежнему сидел за столом, тупо уставившись в бутылку. Теперь я понял, чего добивался дядя Эм. Он хотел, чтобы я привлек внимание Хоги. И тогда я сказал:

– Хоги, ты помнишь, я тебе рассказывал о призраке шимпанзе, который я видел ночью в окне?

– Помню, Эд, – пробормотал он.

Именно на это я и надеялся. Когда я упомянул об окне, он инстинктивно поднял глаза и увидел в окне фургона лицо дяди Эма. Хоги отпрянул, словно сам увидел призрак.

Дядя Эм заgrimасничал, давая ему понять, что приглашает его выйти. Хоги бросил косой взгляд в сторону Вейса, который так ничего и не заметил, и слегка кивнул дяде Эму. Я почувствовал его смятение и подлил масла в огонь. Как ни в чем не бывало я продолжил:

– Я все время себя спрашиваю, кого я мог там увидеть? Ведь не могла же мертвая

обезьяна... Нет, это просто невыносимо!

Хоги поднялся и налил себе полный стакан виски.

– Мардж все не возвращается, – сказал он. – Наверное, у Пита запарка. Надо пойти ему помочь. Я скоро приду.

Вейс всем своим видом показал, что ничего не имеет против. Хоги постоял какое-то мгновение посреди фургона, потом взял свой стакан и опрокинул его залпом, как будто это был стакан воды. Потом он поставил стакан на стол и вышел.

– Эд, что вы делали в Цинциннати? – спросил Вейс, как только за Хоги закрылась дверь.

– Мы встречались с миссис Червински. Нам нужно было осмотреть вещи Лона Стаффорда. А еще дядя Эм ходил в редакцию «Билборда».

– Значит, вы нашли объявление? Я имею в виду то, которое предназначалось для Лона С.?

Я кивнул. Меня удивило, что Вейс был полностью в курсе истории с объявлением; раньше он об этом ничего не говорил. Он шел в своих поисках параллельно с нами.

Вейс поднялся и пинком отодвинул стул, на котором сидел. Затем он начал нервно ходить взад-вперед по фургону. Внезапно он остановился.

– Эд, я знаю, кто совершил все эти убийства. Прекрасно знаю, кто это сделал, но совершенно не понимаю почему. Я ничего не смогу предпринять, пока не выясню мотивы. Без этого мои обвинения бездоказательны.

– Это Хоги? – спросил я.

– Разумеется, Хоги. Но кто мне объяснит, почему он убил именно карлика, шимпанзе и черного мальчика? Какая между ними связь? Мне пока ничего не удалось установить.

Я тоже пока ни в чем не был уверен.

Глава 15

Дверь позади Вейса открылась, и он обернулся. Вошел дядя Эм и весело воскликнул:

– Привет, капитан! Вы разговариваете слишком громко. Я слышал вас еще за порогом.

Он взял стул, который отодвинул Вейс, и уселся на него верхом, положив руки на спинку.

– Ты что-то раскопал, Эм? – обратился к нему Вейс.

– Вполне достаточно, чтобы разобраться в этом деле. Что вам рассказал Эд?

– Ничего, – ответил Вейс. – Значит, он тоже в курсе? Дядя Эм бросил взгляд в мою сторону:

– Он понял главное, Эд?

– Думаю, что да.

Вейс посмотрел на меня, потом на дядю Эма и уверенно заявил:

– Это сделал Хоги. Но зачем?

Дядя Эм подвинул стул к столу, где стояла бутылка виски. На доньшке еще плескалось немного жидкости. Он отхлебнул глоток прямо из горлышка, поставил бутылку и сказал, обращаясь ко мне:

– Ну, Эд, выкладывай все, что тебе известно. Если будет нужно, я кое-что добавлю.

– Капитан, в ту ночь, когда был убит карлик, в Луисвилле похитили ребенка. Вся история и завязалась вокруг этого похищения. Сына богатого промышленника по имени Порли выкрали прямо из постели около девяти часов вечера. Его родители в это время были на какой-то вечеринке. В доме осталось всего двое слуг. Мальчику было семь лет – его рост примерно совпадал с ростом Лона, Сьюзи и Негро. Это и есть то недостающее звено, которое мы так долго искали. Все остальные события были только следствием этого похищения.

– Мальчика украл Хоги?

Я кивнул. Тут в разговор вмешался дядя Эм:

– Я сегодня просмотрел луисвилльские газеты: ребенка вернули двадцать шестого августа за выкуп в сорок тысяч долларов. Похититель сначала требовал пятьдесят, но родителям удалось с ним сторговаться на меньшую сумму. Мальчик жив, и его состояние сейчас не внушает тревоги. Однако все одиннадцать дней его кололи наркотиками.

Сейчас он выздоравливает. Он все еще находится в больнице, но врачи говорят, что он выкарабкается.

– Двадцать шестое августа – прошлый понедельник, – заметил Вейс. – Именно тот день, когда утонула Сьюзи. Ради бога, Эм, я так устал: я могу уклониться в сторону, если начну анализировать все известные мне детали. Пожалей меня и расскажи все по порядку!

Но дядя Эм решил, что я изложу все лучше его.

– У Хоги зародилась эта идея по крайней мере за месяц до похищения, пока мы ездили по Кентукки. Он страстный игрок в покер и прекрасно знает, что чудовищный блеф может принести состояние. Ему надоела ярмарка. Но чтобы бросить работу, нужно было сорвать где-то солидный куш. Самое трудное в этом предприятии было не само похищение: ребенка нужно было где-то скрывать все время, пока шли переговоры о выкупе. О похищении было объявлено во всех газетах: он не мог появиться с неизвестным ребенком так, чтобы это оставалось незамеченным. И вот Хоги изобрел способ, как спрятать ребенка на ярмарке.

До этого момента я был полностью уверен в своих словах. Но далее мне понадобилась поддержка дяди Эма. Я взглянул на него, и он кивнул мне, чтобы я продолжал.

– Хоги держал мальчика в своем фургоне на виду у всех, но никто ничего не заметил. Он напичкал его наркотиками и завернул в обезьянью шкуру. Настоящей

обезьяны у него не было – пока еще не было. Малыш Порли играл роль шимпанзе все одиннадцать дней своего плена, пока Хоги вел переговоры о возвращении и уплате выкупа. Он жил в темном углу клетки. Все, кто посещал фургон Хоги, видели какой-то комочек шерсти, сопящий в соломе, но никому не пришло в голову, что это ребенок, а не обезьяна. Хоги правильно рассчитал: полиция даже не подумала, что все следы ведут на ярмарку.

Вейс громко выругался. Он обвел взглядом фургон Хоги. Я показал ему место, где находилась клетка фальшивой Сюзи.

– Но при чем здесь карлик? – спросил он.

– Он является частью плана, который Хоги разработал очень тщательно. Хоги хотел избежать малейших подозрений: было нужно, чтобы обезьяна появилась у него еще до похищения. Все должны были знать, что он купил шимпанзе. Не зря он трубил на всех углах о болезни Сюзи. Те пять дней, которые предшествовали похищению, роль больной обезьяны играл Лон Стаффорд. Он был сообщником Хоги. В то время Хоги еще не нуждался в настоящем шимпанзе – он был бы лишней обузой. Лон Стаффорд помог ему разыграть этот спектакль. Вполне возможно, что он также участвовал в похищении маленького Порли.

– Я думаю, что он в нем не участвовал, – вмешался дядя Эм. – Вы помните, что его нашли голым? Это значит, что он носил обезьянью шкуру вплоть до момента убийства.

– Я все же не могу понять, зачем Хоги понадобилось связываться с карликом, – сказал Вейс. – Ведь это лишний свидетель! Гораздо проще было обзавестись настоящей обезьяной в качестве двойника.

Я тоже этого не понимал. Но дядя Эм быстро разъяснил эту загадку.

– Вначале ему нужна была не просто обезьяна, а больная обезьяна, которая только лежала бы в углу. С настоящей обезьяной слишком много возни. Тем более когда появился мальчик, и Хоги понадобилось постоянно отлучаться для переговоров с родителями. Согласно его плану после похищения Лон должен был уехать в Цинциннати, а затем вернуться, чтобы еще какое-то время изображать шимпанзе, когда дело уже было сделано. А затем шимпанзе надлежало каким-то образом исчезнуть.

– Теперь понятно, – сказал Вейс.

Я продолжил свой рассказ:

– Хоги, по-видимому, был давно знаком с Лоном. В прошлом они уже провернули вдвоем какое-то темное дело. Поэтому Хоги подумал о карлике как о возможном сообщнике и поместил объявление в «Билборде». Когда-то у Хоги было еще одно прозвище, Коротышка – по контрасту с его огромным ростом.

– Ты считаешь, что карлик попытался его провести? – спросил Вейс и взглянул на дверь. Видимо, он подготовился к возвращению Хоги. Он просунул руку под пиджак и вынул револьвер из кобуры.

– Не совсем так, – сказал я. – Я думаю, что, когда Хоги вернулся вечером с похищенным мальчиком, карлик потребовал половину выкупа вместо тех нескольких тысяч, которые первоначально предложил ему Хоги. Есть и другая версия: Лон мог не знать о похищении, а когда узнал, то не захотел впутываться в это дело. Заключая с ним сделку, Хоги мог утаить ее истинную суть. А когда Лон все узнал, он, возможно, потребовал, чтобы Хоги вернул мальчика. Может быть, он даже пригрозил выдать его полиции.

– Думаю, что вторая версия ближе к истине, – сказал дядя Эм.

– Итак, вернемся к вечеру двадцать шестого августа, когда Хоги отвез мальчика обратно к родителям. Он уже получил выкуп в сорок тысяч долларов. Ему опять понадобилась обезьяна, чтобы избежать подозрений. И он где-то купил себе шимпанзе. Но ему не нужна была живая обезьяна. Он вовсе не собирался обременять себя после удачной аферы. Он сделал обезьяне несколько уколов морфина и бросил ее в бассейн. А потом поднял тревогу, и мы стали ее разыскивать. Куча народу могла подтвердить, что он

усердно искал ее вместе со всеми. Пока все складывалось для Хоги вполне благополучно – правда, ему пришлось устранить Лона, но на него не пала даже тень подозрения. Вечером двадцать шестого августа он думал, что с этим делом покончено навсегда – мальчик возвращен родителям, деньги получены, обезьяна вроде бы нечаянно погибла по собственной вине. Все шито-крыто. Но тут произошло непредвиденное, и он был вынужден совершить еще одно убийство. Негро...

– Он нашел обезьянью шкуру! – воскликнул Вейс.

– Вот именно! Мальчик нашел шкуру и начал с ней играть. Это Негро заглянул в окно фургона – в этом теперь нет никаких сомнений. Видимо, Хоги спрятал ее где-то в лесу, потому что на ней были комья засохшей грязи. Возможно, Негро видел, как он там копался, и решил, что Хоги зарыл в земле клад. А когда он нашел шкуру, то решил позабавиться и попугать народ. Он спрятал шкуру в своем фургоне, а вечером после представления разделся догола, напялил ее и пошел разгуливать по ярмарке. Ему хотелось над кем-нибудь подшутить.

У меня по спине опять пробежала дрожь, когда я вспомнил, при каких обстоятельствах видел Негро в последний раз.

– Как выяснилось, подшутил он надо мной, – вздохнул я. – Он прекрасно справился с ролью призрака Сьюзи. Бедному малышу казалось, что это так весело! Не знаю, каким образом, но Хоги выследил его и убрал с дороги. Мальчик стал не призраком, а настоящим мертвецом.

– Итак, у этой несуществующей Сьюзи было четыре двойника, – заключил Вейс. – Карлик, малыш Порли, утонувшая обезьяна и Негро. Многовато для одного дела! Неудивительно, что ему удалось сбить нас с толку.

В голосе Вейса появились угрожающие нотки. Он опять взглянул на дверь и встал напротив. Я заметил, что от волнения у него на лбу появилась испарина.

– Почему он задерживается? – нетерпеливо спросил Вейс. Потом он обернулся в нашу сторону и воскликнул: – Господи! Неужели вы его предупредили?

Дядя Эм отвел глаза в сторону и уклончиво ответил:

– Никуда он от вас не денется. Я думаю, он догадался, что игра проиграна. Он крепкий мужик и не захочет дрыгаться на электрическом стуле. Он сам обо всем позаботится.

– Он должен на нем «дрыгаться», как ты удачно выразился! Черт возьми, Эм, зачем ты это сделал?

– Конечно, он заслужил такую смерть, – спокойно ответил дядя Эм. – А что будет с Мардж? К смерти ее не приговорят, но ее приговор не менее тяжел – она останется жить. И будет знать, что Хоги закончил свои приключения на электрическом стуле. И хотя он был последний сукин сын, она его любила, капитан.

Вейс нахмурился.

– Ты уже говоришь о нем в прошедшем времени. Почему ты так уверен, что он это делает?

Дядя Эм ничего не сказал в ответ. Вейс направился к двери. Когда он уже стоял на пороге, дядя Эм окликнул его:

– Капитан!

Вейс обернулся.

– Послушайте, капитан! Мы с Эдом тут ни при чем. Вы распутали это дело сами. Не надо никому о нас рассказывать.

Вейс пристально взглянул на него и раздраженно бросил:

– Благодарю за услугу!

В его голосе слышался едва сдерживаемый гнев.

После ухода Вейса мы остались в фургоне одни. Нам больше не хотелось разговаривать. Мы сидели молча около стола и ждали. На столе валялась разбросанная колода карт. Чтобы хоть чем-то заняться, я взял ее и начал тасовать. Время тянулось

невыносимо медленно. Я разложил один пасьянс и уже было принялся за второй, когда дверь открылась и в фургоне снова появился Вейс. С ним были двое полицейских из Форт Вэйна.

– Уйдите отсюда, – распорядился он. – Нам надо обыскать фургон. При нем не оказалось денег. Необходимо их найти.

Дядя Эм вопросительно взглянул на Вейса. Тот отвел глаза и сказал:

– Ты был прав. В трех километрах отсюда, на дороге. Врезались в бетонную стену на скорости сто тридцать километров в час. Оба скончались на месте.

Дядя Эм с грустью покачал головой. Мы тронулись к выходу, но полицейский инспектор, пришедший с Вейсом, вдруг решил нас обыскать. Ему показалось, что мы прихватили с собой часть выкупа. Не думаю, чтобы Вейс мог отдать такой приказ. Он не стал останавливать полицейского, но, пока тот выворачивал наши карманы, не смотрел в нашу сторону. Ему было стыдно. Мы понимали, что он не мог вмешаться, и не стали особо протестовать. Наконец нас отпустили.

Приблизительно через десять минут после того, как мы вернулись в нашу палатку, к нам снова ворвался Вейс.

– Мы нашли деньги, – сообщил он. – Большую часть выкупа – тридцать четыре тысячи. Думаю, найдем и остальные.

– Вряд ли, – заметил дядя Эм. – Выпьете стаканчик, капитан?

– Нет, спасибо. Пожалуй, это был наилучший выход. По крайней мере для женщины. Ну, я пошел. Мне еще надо составить кучу отчетов. До свидания!

И он вышел из палатки.

Я так замотался, что совершенно забыл, что мы с Ритой договорились встретиться у Ли Кэри. Я вскочил и стал спешно собираться. Дядя Эм не удерживал меня.

Я опоздал почти на час, но Рита все-таки дожидалась меня. Она сидела на ступеньках фургона и плакала.

Мне стало ясно, что она уже узнала о последних печальных новостях. Я был рад, что кто-то опередил меня и избавил от необходимости сообщать о смерти Хоги и Мардж.

Пора было отправляться на вокзал.

Нам удалось довольно быстро разыскать такси, и мы приехали задолго до отхода поезда. Пока мы сидели в зале ожидания, мы едва сказали друг другу пару слов. Потом Рита справилась с собой и опять заговорила о представлении, которое занимало ее воображение.

– Все это прекрасно, Рита, – сказал я. – Но почему ты не хочешь хоть немного подождать? Конечно, ты должна повидаться с этим фокусником. Но постарайся составить о нем правильное мнение. Не нужно бросаться в это предприятие очертя голову и рисковать всем, что ты имеешь! Да и мы должны хорошенько все обдумать, прежде чем решиться.

– Хорошо, Эдди, я не стану ничего предпринимать, пока ты не приедешь в понедельник в Милуоки.

– Мне ждать тебя на вокзале?

– Я пока ничего не знаю. Я позвоню тебе из отеля, как только приеду.

Подождал поезд, и я благополучно посадил Риту в вагон. Перед расставанием мы не стали целоваться: я не хотел, чтобы грусть, которую мы оба испытывали, сказывалась на наших отношениях.

Но когда поезд отошел, я почувствовал, что в моей душе образовалась пустота. Я невольно начал подсчитывать в уме, сколько часов мне оставалось ждать до понедельника, когда я смогу снова ее увидеть.

Я вернулся на ярмарку, когда все представления уже закончились и балаганы закрывались на ночь. Дядя Эм был в палатке. Наверное, он устал и решил никуда не выходить. Несмотря на поздний час, он сидел на кушетке одетый, сдвинув шляпу на затылок.

– Привет, Эд! – сказал он, когда я вошел. Затем широко зевнул и прибавил: – Я все пытаюсь себя убедить, что мне хочется спать. Но, видно, сегодня мне не заснуть.

Я чувствовал то же самое. Несмотря на смертельную усталость, я был не в силах заставить себя лечь спать.

– Хочешь пропустить стаканчик? – предложил дядя Эм.

– Нет, спасибо.

– Тебе понравилась игра в детектива? Надеюсь, ты убедился, что это малопривлекательное занятие?

– Почти такое же грязное, как и само убийство. Мне страшно жаль Мардж. Но если бы пришлось начать все сначала, я поступил бы точно так же. Для меня это не игра, дядя Эм. Я думаю, из меня получился бы настоящий детектив.

– Ты обрекаешь себя на адскую жизнь. Это не совсем то, что ты читал в романах. В реальности тебе предстоят долгие часы нудной и неблагодарной работы за мизерную плату. Большинство дел, которые ты будешь расследовать, не стоят и выеденного яйца. Я никому не пожелаю такой жизни.

– То же самое ты говорил о жизни бродячего цирка, пока мы не начали работать вместе. Однако она мне понравилась. И все же я думаю, что не смог бы всю жизнь оставаться циркачом.

– А как же Рита? Если ты действительно собрался стать сыщиком, то вряд ли твое решение придется ей по вкусу.

– Я пока не знаю.

Этот вопрос поставил меня в тупик. Дядя Эм был прав: планы одного из нас шли вразрез с планами другого. Я вздохнул и сказал:

– Хорошо, я постараюсь забыть. – Но, спохватившись, подумал, что он может ложно истолковать мои слова, и добавил: – Я имел в виду, что постараюсь забыть о профессии детектива.

Дядя Эм внезапно встал.

– Мне нужно ненадолго уйти, Эд. Увидимся позднее.

После его ухода я стал размышлять над своей жизнью. Наверняка он ушел, чтобы где-нибудь выпить. Я с удовольствием сделал бы то же самое, но мне не дано находить забвение в выпивке. «Есть ли у меня действительно данные для того, чтобы заниматься этой профессией? – спрашивал я себя. – Смогу ли я выдержать обычную слежку? Хватит ли у меня терпения? Ведь я в жизни никогда ни за кем не следил!»

И вдруг мне в голову ударила шальная мысль. Я вскочил и выбежал из палатки. Почему бы мне не попробовать хотя бы шутки ради? Дядя Эм ушел всего пару минут назад. Я проверю, смогу ли я следить за ним, одновременно не теряя из виду и ничем не выдавая своего присутствия. Я увидел его, когда вышел с ярмарочной площади на улицу. Он шел по направлению к городу. Стараясь держаться от него на почтительном расстоянии, я ни на минуту не спускал с него глаз. В то же время я пускался на всевозможные уловки, чтобы он не смог меня заметить.

Дядя Эм направился в город пешком, хотя вскоре мимо нас промчались рейсовый автобус и несколько такси.

На городских улицах, несмотря на поздний час, кое-где мелькал народ, и я осмелился подойти поближе. Я был горд собой, потому что дядя Эм так меня и не увидел.

Он остановился у входа в большое здание. И тут я понял, что был полным идиотом. Я думал, что он искал в городе какую-нибудь забегаловку, чтобы выпить на свободе, а он шел в церковь. Эта церковь была открыта всю ночь. Он хотел помолиться за упокой души Мардж, а может быть, и самого Хоги.

Я постоял недолго у входа, соображая, нужно ли мне выдавать свое присутствие, но потом все-таки решил этого не делать. Мне было стыдно признаться, что я шел за ним по пятам, потому что затеял детскую игру в сыщика.

Я сел в случайное такси, оказавшееся возле церкви, и вернулся. С одной стороны, я

был страшно недоволен собой, но с другой – мой первый опыт слежки доказал, что люди могут прятаться от посторонних глаз не только для злых дел, но и для самых благородных.

Весь следующий день мы работали в балагане. Это была суббота. По субботним и воскресным дням на ярмарке всегда полно народу, и мы крутились как сумасшедшие, не замечая, как летит время. В воскресенье вечером ярмарка закрылась. Из-за огромного наплыва публики нам удалось погрузиться на грузовики только в три часа ночи. Мы с дядей Эмом страшно устали. Чтобы попасть в Милуоки поездом, нужно было тащиться среди ночи на вокзал. Поэтому мы решили перекочевать вместе с ярмаркой. В одном из фургонов мы наткнулись на сложенные кучей палатки, повалились на них и проспали всю дорогу до Милуоки.

Мы прибыли туда в полдень и сразу же начали спешно ставить палатки. Мне хотелось закончить работу как можно скорее, чтобы успеть помыться и привести себя в порядок до того, как позвонит Рита. Как только мы прибыли в Милуоки, я сбежал в дирекцию ярмарки и удостоверился, что телефон работает исправно. И все-таки я опоздал: Рита позвонила в тот момент, когда я начал мыться. Дядя Эм сообщил мне:

– Она только что приехала и собирается снять комнату в отеле «Висконсин» на Третьей улице. Примерно через час она будет ждать тебя в баре отеля.

Думаю, я побил все рекорды по скорости одевания.

Когда я вошел в бар отеля «Висконсин», Рита уже ждала меня за столиком. Никогда еще она не казалась мне такой красивой. Я сел напротив. Тогда она слегка подвинулась и уступила мне место рядом с собой.

– Ты сел слишком далеко, Эдди! Мне хочется быть рядом.

– Нет, это совершенно невозможно, – твердо сказал я. – Вокруг нас люди. Если я сяду ближе, то за себя не поручусь. Мы так давно не виделись. Может, выпьем что-нибудь?

Мимо как раз проходил официант, и я заказал два мартини. Когда официант поставил бокалы перед нами, я решил произнести тост:

– За нас, Рита!

Она улыбнулась и спросила:

– Ты любишь меня, Эдди?

– Еще не знаю. Я жду того момента, когда смогу это проверить. Сколько мы будем еще сидеть здесь и вести себя паиньками?

– Я совершенная бесстыдница, Эдди. Я сняла номер на двоих.

– Теперь я сделаю самое важное заявление в моей жизни: это замечательно!

– Как поживает Эм?

– Прекрасно, – сказал я. Во мне все ликовало от радости. Я все еще не мог поверить, что Рита наконец пригласила меня к себе в номер. – Это не может быть правдой, Рита. Ты, наверное, хочешь подшутить надо мной. Ты известная обманщица и хочешь казаться не такой, какая ты есть на самом деле. Ты...

И тут я осекся на полуслове. В ее глазах блеснуло нечто похожее на ужас. Она слегка наклонилась вперед и прошептала:

– Что ты хочешь этим сказать, Эдди?

Клянусь, эти слова вырвались у меня случайно. Я не был уверен в себе. Мне казалось, что она водит меня за нос, как все девушки, которые много обещают, но редко исполняют обещанное. У меня не было никакой задней мысли. Я только хотел еще раз услышать от нее, что ее приглашение не розыгрыш.

Я посмотрел на Риту и не ответил на ее вопрос. Ее лицо приняло обычное выражение, и она небрежно сказала:

– Ты смеешься надо мной, Эдди!

Это была только шутка, и ничего более. Я пошутил. Но страх, мелькнувший в ее глазах, утвердил меня в страшном предположении, против которого восставала моя душа.

Смутные догадки перешли в уверенность, и мне пришлось взглянуть истине в лицо. Пути назад были отрезаны.

– Итак, Рита, ты знала о похищении?

Она так широко открыла глаза, что у меня отпали последние сомнения.

– Я не стану утверждать, что ты замешана в этом деле. Но ты столько времени проводила у них в фургоне, что не могла не видеть некоторые вещи. Пока карлик пять дней изображал обезьяну, ты наверняка догадалась, что у них происходит нечто странное. И ты испугалась. Вот почему той ночью у тебя в руках оказался револьвер. И когда ты наткнулась на карлика, ты знала, что его убийца – Хоги. Или по крайней мере могла это предположить.

Она провела языком по пересохшим губам и пробормотала:

– Конечно, Эдди, я подозревала неладное. Но, клянусь, я ничего не знала. Вернее, я знала, что Сьюзи – не настоящая обезьяна. Однажды, когда я ночевала у них в фургоне, я случайно услышала их разговор. Мардж смертельно боялась Хоги. Она умоляла меня никому ничего не говорить.

– Но когда карлика убили, ты прекрасно знала, откуда он появился – из обезьяньей шкуры, – сказал я. – И ты знала, кто его убил.

– Я ничего не знала. Я обещала Мардж.

Моя рука лежала на столе; она накрыла ее своей рукой. Я вздрогнул от этого прикосновения.

– Не будем больше говорить об этом, Эдди! Нас могут услышать. Если ты так настаиваешь, чтобы я тебе все рассказала, давай поднимемся в нашу комнату. Там мы будем одни.

Это было разумно, очень разумно с ее стороны. Оказавшись с ней в номере, я не стал бы говорить о смерти.

– Давай выпьем еще что-нибудь, Рита. Мне нужно все это обдумать.

Я смотрел ей прямо в глаза. Но потом мне пришлось отвернуться, чтобы заказать официанту еще два стакана martinis.

Потом я опять посмотрел ей в лицо и подумал: «Все это не имеет никакого значения. Я могу ей верить. Вряд ли такой человек, как Хоги, стал бы посвящать постороннего в планы похищения. И газет она могла не читать. Она об этом ничего не знала. Даже если она подозревала, что происходит неладное, она ни в чем не могла быть уверена. И ей не с кем было поделиться своими сомнениями».

Пока я смотрел на нее, я ей верил. Но потом я закрыл глаза и совсем другие мысли забродили у меня в голове.

– Рита, когда в ту ночь в Эвансвилле был убит карлик, ты могла ничего не знать о похищении. Я допускаю это. Но ты наверняка читала утренние газеты. Когда я встретился с тобой в холле отеля, ты собиралась в банк. Некоторое время спустя у тебя опять было свидание с каким-то банкиром. Я начинаю кое о чем догадываться. Ты боялась, что Хоги тебя убьет, потому что ты слишком много знала или подозревала. Он уже совершил убийство и показал, на что способен. И ты решила принять меры. Ты оставила в банке запечатанный пакет и дала распоряжение вскрыть его в случае твоей смерти. Таким образом, ты себя обезопасила.

Она глубоко вздохнула и умоляюще прошептала:

– Эдди, я начинаю тебя бояться. Ты говоришь... как следователь. Если бы я не любила тебя так сильно, я бы...

Официант поставил перед нами два martinis. Рита судорожно отхлебнула из своего бокала и снова взяла мою руку.

– Эдди, давай забудем все это! Я забрала конверт в субботу и сожгла его. Я это сделала, потому что боялась, что Хоги меня прикончит.

«Похоже на правду», – подумал я. Я всей душой хотел ей верить, стряхнуть с плеч всю эту историю, навсегда забыть ее. Рита была так изумительно красива. Сейчас я мог бы

сказать ей: «Ты права, Рита. Давай все забудем!» Потом мы поднялись бы в ее комнату, и я был бы счастлив.

Но вместо этого я задал ей один вопрос:

– Рита, какая страховая компания оплатила тебе страховку в пять тысяч долларов после смерти твоего отца?

Она резко отдернула свою руку. Я хотел знать все, и я добился своего. Теперь я действительно все знал. Пока я не задал этот вопрос, у меня был шанс, тень надежды. Ее жест объяснил мне, почему Вейс нашел только тридцать четыре тысячи долларов из тех сорока, которые Хоги получил в качестве выкупа. Моя прекрасная Рита потребовала свою долю за молчание.

Единственной случайностью в этом деле была смерть ее отца. Но и эта смерть пришлась как нельзя кстати – она объяснила, откуда у Риты вдруг взялись такие большие деньги.

Она затравленно посмотрела на меня и процедила сквозь зубы:

– Убирайся к черту, Эдди!

Даже теперь мне хотелось сказать ей: «Бог с ней, с этой историей! Давай все забудем!» – и подняться к ней в комнату. А там я моментально забыл бы обо всем на свете. Мы насладились бы друг другом. Но я не мог оплатить это наслаждение деньгами шантажистки. Они были получены за похищение одного ребенка и за смерть другого – маленького чернокожего мальчика, который чудесно бил чечетку.

И я сказал эти слова:

– Давай обо всем забудем, Рита. Я только хотел знать.

Но я вложил в них совершенно другой смысл. Я дал ей понять, что не смогу доказать, что эти деньги она получила от Хоги. Я даже не стану пытаться что-либо доказывать. Этими словами я попрощался с ней навсегда. Мой стакан мартини так и остался нетронутым.

Когда я вышел из бара, мне захотелось немного побродить на природе. Я знал, что озеро находится неподалеку, и пошел наугад в сторону парка. Довольно скоро я вышел на берег озера и присел на травянистый склон, ведущий к воде. Мне было приятно просто сидеть на траве, смотреть на озеро и ни о чем больше не думать. Однако вскоре спустились сумерки, и я вынужден был уйти из парка. Из ближайшей аптеки я позвонил на ярмарку и попросил вызвать к телефону дядю Эма. Но секретарша ответила мне:

– Он уехал в город, Эд. Он говорил, что собирается пригласить вас с Ритой на обед.

Теперь я знал, что он пошел в отель «Висконсин», и решил вернуться туда. Дядя Эм сидел в холле.

– Я пытался тебя разыскать, Эд. Мне сказали, что Рита покинула отель. Вы... расстались? Ты понял, что произошло?

– Так ты все знал! – воскликнул я. – Почему ты ничего мне не сказал?

Он грустно покачал головой.

– Я ничего не знал, Эд. Я только подозревал, но ни в чем не был уверен. Ты ее знал лучше меня. Если она действительно шантажировала Хоги, ты догадался бы об этом и без моей помощи.

– Давай оставим эту тему. Мы еще сможем немного поработать сегодня вечером. Сейчас только восемь часов.

– С ярмаркой покончено, Эд.

– Что ты сказал?

– Именно поэтому я и приехал в город. Слухи о том, что Мори продает свою долю, к сожалению, оказались вполне обоснованными. Ты ни за что не догадаешься, кто теперь там правит. Имя нового владельца – Скитс Гири. Он сразу же выдвинул другие условия. Он не позволит нам заработать у него на ярмарке ни цента. Тебе понятно, по какой причине. Я послал его к черту и продал все наше барахло Дженни. Наши чемоданы уже на вокзале. Мы свободны как ветер, Эд!

– Но ведь по контракту Гири не имеет права менять условия в середине сезона! – возразил я. – Ведь у тебя с собой наш контракт?

– Именно это я ему и сказал, малыш. И еще кое-что прибавил от души. Если ты приглядишься хорошенько, то прочитаешь его ответ под моим левым глазом. Жаль, что ты при этом не присутствовал! Это было дивное зрелище! Видел бы ты рожу Скитса! – и он довольно ухмыльнулся. – Так или иначе, мы ни в коем случае не сможем работать под его началом. Но не бойся – в кубышке еще кое-что есть. В ближайшие несколько месяцев мы не умрем с голоду.

– Что же нам делать? – спросил я.

– Я подумываю о том, чтобы поболтаться какое-то время в Чикаго. Как ты на это смотришь?

– Мне все равно, – ответил я.

Он положил руку мне на плечо.

– Ты справишься, малыш. Все будет хорошо!

– Я уже справился. Я все обдумал. Жизнь продолжается.

– Прекрасно! Давай останемся на эту ночь в Милуоки, а завтра утром отправимся в Чикаго. Но там нельзя появляться с большими деньгами. В Чикаго всегда умели заставить человека тряхнуть мошной. Давай кутнем здесь, в Милуоки! Ты согласен? – он даже прищелкнул пальцами от удовольствия. – Вот еще о чем я подумал, Эд. Эстелла тоже уходит с ярмарки. Она ненавидит Скитса Гири так же, как и мы. Он уже успел прибрать к рукам «живые картины». Сбегай за ней! Мы устроим чудесный прощальный вечер.

– А ведь ты остался без подружки, – улыбнулся я. – Давай-ка смотаемся вдвоем в Цинциннати и прихватим в нашу компанию Фло Червински!

Конечно, я шутил. Но мне следовало быть осторожнее, потому что именно так мы и поступили.